

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Тайна Трех

Дмитрий Мережковский

Тайна Трех. Египет и Вавилон

«Public Domain»

1925

Мережковский Д. С.

Тайна Трех. Египет и Вавилон / Д. С. Мережковский — «Public Domain», 1925 — (Тайна Трех)

Мы живем в лучшем из миров. Это убеждение издавна утешает мыслящую часть человечества, которая время от времени задается вопросом, сколько таких миров было всего? И что послужило причиной их угасания? И, главное, каково место современной цивилизации в этой извечной цепи? Эта книга Дмитрия Мережковского была написана в эмиграции под впечатлением Апокалипсиса, который наступил на родине поэта в 17-м году XX столетия. Заглянув в глаза Зверю, Мережковский задался теми же вопросами и обратился за их разрешением к глубокой древности. Чтобы как следует разобраться в духовной жизни этих в буквальном смысле слова до-Потопных времен, он изучил гору древних текстов, многие из которых, видимо, никогда не будут переведены на русский язык. В результате получилась блестящая книга о современном человечестве, со всеми его достоинствами и слабостями, осененная неизбежной перспективой грядущего Страшного Суда. С выводами автора можно, конечно, не соглашаться, но лучше все-таки сначала прочитать эту книгу.

© Мережковский Д. С., 1925

© Public Domain, 1925

Содержание

Тайна Трех	18
Небывалое	18
I	18
II	18
III	18
IV	18
V	19
VI	19
VII	19
VIII	20
IX	20
X	20
XI	21
XII	21
XIII	21
XIV	22
XV	22
XVI	22
XVII	22
Солнце слепых	23
I	23
II	23
III	23
IV	24
V	24
VI	24
VII	24
VIII	25
IX	25
X	25
XI	25
XII	25
XIII	25
XIV	26
XV	26
XVI	26
XVII	26
XVIII	27
XIX	27
XX	27
XXI	27
XXII	28
XXIII	28
XXIV	28
XXV	28
XXVI	29

Божественный Трилистник	30
I	30
II	30
III	31
IV	31
V	31
VI	31
VII	32
VIII	32
IX	32
X	32
XI	33
XII	33
XIII	33
XIV	34
XV	34
XVI	34
XVII	35
XVIII	35
XIX	35
Один, два и три	36
I	36
II	36
III	36
IV	36
V	37
VI	37
VII	37
VIII	38
IX	38
X	38
XI	39
XII	39
XIII	40
XIV	40
XV	40
XVI	41
XVII	41
XVIII	41
XIX	41
XX	41
XXI	42
XXII	42
XXIII	42
XXIV	42
XXV	42
XXVI	43
XXVII	43
XXVIII	43

XXIX	43
XXX	44
Письмо в бутылке	45
I	45
II	45
III	45
IV	45
V	46
VI	46
VII	46
VIII	46
IX	46
X	46
XI	47
XII	47
XIII	47
XIV	47
XV	48
XVI	48
XVII	48
XVIII	48
Египет – Озирис	49
Бегство в Египет	49
I	49
II	49
III	49
IV	49
V	49
VI	49
VII	50
VIII	50
IX	50
X	50
XI	51
XII	51
XIII	51
XIV	51
XV	51
XVI	51
XVII	52
XVIII	52
XIX	52
XX	52
XXI	52
XXII	53
XXIII	53
XXIV	53
XXV	53
XXVI	53

XXVII	53
XXVIII	54
XXIX	54
XXX	54
XXXI	54
XXXII	55
XXXIII	55
XXXIV	55
XXXV	55
XXXVI	55
XXXVII	55
XXXVIII	55
XXXIX	56
XL	56
XLI	56
XLII	56
XLIII	57
XLIV	57
XLV	57
XLVI	57
XLVII	57
XLVIII	57
XLIX	57
L	58
LI	58
Небесная радость земли	59
I	59
II	59
III	59
IV	59
V	60
VI	60
VII	60
VIII	60
IX	61
X	61
XI	61
XII	61
XIII	61
XIV	61
XV	62
XVI	62
XVII	62
XVIII	62
XIX	63
XX	63
XXI	63
XXII	63
XXIII	63

XXIV	64
XXV	64
XXVI	64
XXVII	64
XXVIII	64
XXIX	64
XXX	64
XXXI	65
XXXII	65
XXXIII	65
XXXIV	65
XXXV	66
XXXVI	66
XXXVII	66
XXXVIII	66
XXXIX	66
XL	66
XLI	66
XLII	67
XLIII	67
XLIV	67
XLV	67
XLVI	68
XLVII	68
XLVIII	68
XLIX	68
L	69
LI	69
LII	69
LIII	69
LIV	70
LV	70
LVI	70
LVII	70
LVIII	70
LIX	71
LX	71
LXI	71
LXII	71
LXIII	72
LXIV	72
LXV	72
LXVI	72
LXVII	72
LXVIII	72
LXIX	73
LXX	73
LXXI	73
Озирис, тень распятого	75

I	75
II	75
III	75
IV	75
V	76
VI	76
VII	76
VIII	77
IX	77
X	77
XI	77
XII	77
XIII	78
XIV	78
XV	78
XVI	79
XVII	79
XVIII	79
XIX	79
XX	80
XXI	80
XXII	80
XXIII	81
XXIV	81
XXV	81
XXVI	82
XXVII	82
XXVIII	82
Озирис, тень воскресшего	83
I	83
II	83
III	83
IV	83
V	84
VI	84
VII	84
VIII	84
IX	85
X	85
XI	85
XII	85
XIII	85
XIV	85
XV	86
XVI	86
XVII	86
XVIII	86
XIX	86
XX	87

XXI	87
XXII	87
XXIII	87
XXIV	87
XXV	87
XXVI	88
XXVII	88
XXVIII	88
XXIX	88
XXX	88
XXXI	88
XXXII	89
XXXIII	89
XXXIV	89
XXXV	89
XXXVI	90
XXXVII	90
XXXVIII	90
XXXIX	90
XL	91
XLI	91
XLII	91
XLIII	91
XLIV	92
XLV	92
XLVI	92
XLVII	92
XLVIII	93
XLIX	93
L	93
LI	93
LII	93
LIII	94
LIV	94
LV	94
LVI	95
LVII	95
LVIII	95
LIX	95
LX	96
LXI	96
Тайна двух в Озирисе	97
I	97
II	97
III	97
IV	97
V	98
VI	98
VII	98

VIII	98
IX	99
X	99
XI	99
XII	99
XIII	99
XIV	100
XV	100
XVI	100
XVII	101
XVIII	101
XIX	101
XX	101
XXI	101
XXII	102
XXIII	102
XXIV	102
XXV	102
XXVI	102
XXVII	103
XXVIII	103
XXIX	103
XXX	104
XXXI	104
XXXII	104
XXXIII	104
XXXIV	104
XXXV	105
XXXVI	105
XXXVII	105
XXXVIII	106
XXXIX	106
XL	106
XLI	106
XLII	106
XLIII	106
XLIV	107
XLV	107
XLVI	107
XLVII	107
XLVIII	108
XLIX	108
L	108
LI	108
LII	109
LIII	109
LIV	110
LV	110
LVI	111

Конец Египта	112
I	112
II	112
III	112
IV	112
V	112
VI	112
VII	113
VIII	113
IX	113
X	113
XI	113
XII	114
XIII	114
XIV	114
XV	114
XVI	114
XVII	115
XVIII	115
XIX	115
XX	115
XXI	115
XXII	116
XXIII	116
XXIV	116
XXV	116
XXVI	117
XXVII	117
XXVIII	117
XXIX	118
XXX	119
XXXI	119
XXXII	119
XXXIII	119
XXXIV	119
XXXV	120
XXXVI	120
XXXVII	120
XXXVIII	120
Вавилон – Таммуз	121
Поклонение волхвов	121
I	121
II	121
III	121
IV	121
V	122
VI	122
VII	122
VIII	123

IX	123
X	124
XI	124
XII	124
XIII	125
XIV	125
XV	125
XVI	125
XVII	125
XVIII	126
XIX	126
XX	126
XXI	127
XXII	127
XXIII	127
XXIV	127
XXV	128
XXVI	128
XXVII	128
XXVIII	128
XXIX	129
XXX	129
XXXI	129
XXXII	129
XXXIII	130
XXXIV	130
XXXV	130
XXXVI	130
XXXVII	130
XXXVIII	131
XXXIX	131
XL	131
XLI	131
XLII	131
Раненая львица – потоп	132
I	132
II	132
III	132
IV	132
V	132
VI	133
VII	133
VIII	133
IX	133
X	134
XI	134
XII	134
XIII	134
XIV	134

XV	135
XVI	135
XVII	135
XVIII	135
XIX	135
XX	136
XXI	136
XXII	136
XXIII	136
XXIV	137
XXV	137
XXVI	137
XXVII	138
XXVIII	138
XXIX	138
XXX	139
XXXI	139
XXXII	139
XXXIII	139
XXXIV	140
XXXV	140
XXXVI	140
XXXVII	140
XXXVIII	141
XXXIX	141
XL	141
XLI	141
XLII	141
XLIII	142
XLIV	143
XLV	143
XLVI	144
XLVII	144
XLVIII	145
XLIX	145
L	145
LI	145
LII	146
LIII	146
Гильгамеш и Древо жизни	147
I	147
II	147
III	147
IV	148
V	149
VI	149
VII	149
VIII	150
IX	150

X	151
XI	152
XII	152
XIII	152
XIV	153
XV	153
XVI	153
XVII	154
XVIII	155
XIX	156
XX	157
XXI	157
XXII	158
XXIII	159
XXIV	159
XXV	159
Таммуз – тень воскресшего	160
I	160
II	160
III	160
IV	161
V	161
VI	161
VII	161
VIII	162
IX	162
X	162
XI	163
XII	163
XIII	163
XIV	164
XV	164
XVI	164
XVII	165
XVIII	165
XIX	165
XX	166
XXI	166
XXII	167
XXIII	167
XXIV	168
XXV	168
XXVI	169
XXVII	169
XXVIII	170
XXIX	170
XXX	171
XXXI	171
XXXII	171

XXXIII	172
XXXIV	173
XXXV	173
XXXVI	173
XXXVII	173
XXXVIII	174
XXXIX	174
XL	174
XLI	174
Тайна двух в Таммузе	175
I	175
II	175
III	175
IV	175
V	176
VI	176
VII	176
VIII	177
IX	177
X	178
XI	178
XII	178
XIII	179
XIV	180
XV	180
XVI	180
XVII	180
XVIII	180
XIX	182
XX	182
XXI	182
XXII	183
XXIII	183
XXIV	184
XXV	184
XXVI	184
XXVII	184
XXVIII	185
XXIX	185
XXX	185
XXXI	185
XXXII	185
XXXIII	186
XXXIV	186
Отец, Сын и Мать	187
I	187
II	187
III	187
IV	187

V	188
VI	188
VII	188
VIII	188
IX	189
X	189
XI	189
XII	190
XIII	190
XIV	190
XV	190
XVI	191
XVII	191
XVIII	191
XIX	191
XX	191
XXI	192
XXII	192
XXIII	192
XXIV	192
XXV	193
XXVI	193
XXVII	193
XXVIII	193
XXIX	193
XXX	193
XXXI	194
XXXII	194
XXXIII	194
XXXIV	195
XXXV	195
XXXVI	195
XXXVII	195
XXXVIII	195

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Тайна Трех. Египет и Вавилон

Тайна Трех

Небывалое

I

Слава Пресвятой Троице! Слава
Отцу, Сыну и Духу! Слава
Божественному Трилистнику!

II

Попробуйте войти в современное приличное общество и перекреститься: в лучшем случае, вас примут за сумасшедшего, а в худшем – за шарлатана.

Я не шарлатан: то, что я сейчас делаю, для меня слишком невыгодно. Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и особенно в религии. Всякий пишущий любит книгу свою, как дитя свое, а в глазах почти всех моих читателей я уничтожаю книгу мою, как бы сжигаю, ставя на ней крест во имя Трех.

Но что же делать? Я не могу поступить иначе. Это малая жертва тому, что я больше всего люблю и во что больше всего верю.

Пусть же горит книга моя, дитя мое, как малая жертва Трем.

III

Я хорошо понимаю, что сейчас, под ногами того, кто говорит, как я говорю, земля проваливается, если только он не стоит на той Скале (Церкви), о которой сказано, что «врата адовы не одолеют Ее». Я не стою на Ней, или не всегда стою, иногда схожу; почему и зачем, об этом после, а сейчас скажу одно: для стоящих на Ней уже безразлично, что земля проваливается и мир погибает. «Царство Мое не от мира сего» – так именно поняты эти слова на Скале. Я их не так понимаю: для меня не безразлично, что мир погибает. Я знаю, что нет иной Скалы и что стоящие на Ней спасутся; но также знаю, что таким, как я, нельзя иначе спастись, как с погибающим миром.

IV

А все-таки зачем писать, когда читать некому?

Буду откровенен. Прежде всего я пишу для себя. Нет большей радости, чем радость познания, хотя бы одинокого. «Не добро быть человеку одному», но даже это недоброе побеждается этою радостью.

Радость познания есть радость силы, а сила измеряется движением по линии наибольшего сопротивления. Пусть я говорю не так, как надо, и не то, что надо; но я говорю не то, что все. Вообще христианство, со Скалы сходящее, и особенно невидимая часть христианского спектра – Троица, Тайна Трех – и есть сейчас линия наибольшего сопротивления.

А затем, я пишу для тех немногих, кто, может быть, меня прочтет. По слову Гераклита Темного: «Многие плохи, немногие хороши». И еще: «Один для меня десять тысяч, если он лучший». Может быть, мне простят, что я считаю моих немногих читателей лучшими и что они для меня дороже бесчисленных.

И, наконец, всякий пишущий имеет право надеяться, что пишет не только для современников. Ведь и плохая книга может оказаться историческим памятником, свидетельством о том, чем люди жили. Смею надеяться, что я жил моею книгою, и притом в обстоятельствах необыкновенных – в великом разрушении не только моей страны. Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что не только наш русский, но и всемирный корабль тонет. А когда человек с тонущего корабля кидает в море бутылку с письмом, то надеется, что кто-нибудь найдет его и прочтет.

V

Каждое время считает себя единственным и отчасти право. В каждом времени есть то, чего никогда еще не бывало и никогда уже не будет. В чем же единственность нашего времени?

В столкновении великой религиозной истины с великою религиозною ложью. Сейчас ложь и истина схватились в такой смертельной схватке, как еще никогда. Мир дошел до какой-то крайней точки, до какого-то вершинного острия, *akmê*, и весь на нем колеблется, как на острие ножа.

VI

Для нашей религиозной истины у нас нет слов. Слово «социализм» неверное: ведь существо социализма – атеизм, отрицание религии. Вернее было бы назвать эту нашу бессловесную истину, или томление об истине, *социальною проблемою*, религиозною жаждою общественной правды. Мир томится ею смутно, глухо, немо, но так неутолимо, как еще никогда. Жажда пополяет его, как пожар сухую степь. Мир понял или почувствовал, что именно здесь, и только здесь, в проблеме *социальной*, в вопросе не об одном, а о всех, не о Личности, а об Обществе, заключается проблема проблем, узел узлов, тайна тайн. Может быть, Эдипа пожрет Сфинкс, но обойти его нельзя. Тут, в самом деле, новое, небывалое движение человеческого, и не только человеческого, Духа. Ведь потому-то мир и отверг религию вообще и христианство в частности, что решил окончательно, – верно или неверно, это другой вопрос – что для социальной жажды в христианстве нет воды.

VII

Для нашей религиозной лжи у нас есть слово: атеизм. Атеизм, отрицание религии с религиозною жаждою социальной правды – это противоречие не мое, а мира. Разве мы не видим, как социалистический атеизм становится новою верою? «Я верую, что Бога нет», – исповедует бесноватый Кириллов в «Бесах» Достоевского.

Это даже больше, чем противоречие, это – безумие. Жажду Бога человек утоляет безбожием: так умирающий от жажды вскрывает себе жилы и пьет свою кровь; но не утоляет, а разжигает жажду глущая соленость крови.

VIII

Наш атеизм небывалый, единственный.

Атеизм личный всегда был и будет, как всегда была и будет личная религия. Одни люди верят в Бога, другие – нет. И те, кто молится: «помоги моему неверию», может быть, верят больше других. Чем же наш атеизм небывалый? А вот чем.

От Эпикура до Лукреция уже замкнут круг атеизма личного; дальше и мы не пошли; но мы идем дальше в атеизме общественном. Древние – только для себя и про себя безбожники; их атеизм – «частное дело», *Privat-Sache*, как лукаво выражаются социал-демократы, готовя торжество атеизма, как дела общего, социального. Вопреки всем религиозным отрицаниям, частным и личным, древнее общество, государство, Град, *Polis*, остается под знаком религии.

По Артемидору Родосскому, «нет народа без Бога» (II, 35). По Гезиоду и Геродоту, «нечестие», ἀσέβεια, есть крайнее зло, корень всех зол, личных и общественных; нечестивцы суть государственные преступники, разрушители Града. Филологически неверно, но психологически глубоко, производят римляне слово *religio* от *relegare*, «связывать». Религия есть, в самом деле, *связь*, по преимуществу то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою «массою». Недаром именно этим словом обозначает атеистический социализм человеческие множества: он говорит о них и поступает с ними, как с мертвыми физическими «массами».

Вот это-то древнее, изначальное, естественное отношение частного и общего в религии извращено, опрокинуто нами так, как еще никогда. Для древних религия есть общее дело, безбожие – частное, а для нас, наоборот, общее дело есть безбожие, а религия – частное.

Уже в эллинском и особенно в эллинистическом язычестве заложена основа будущей христианской всемирности, кафоличности. «Елевзинские таинства объединяют весь род человеческий, συνέχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος» (*Претекстат*, проконсул Эллады, – императору Валентиану I). А Интернационал хочет объединить человечество в новой атеистической всемирности. Древний Град – под знаком религии, наш – под знаком безбожия – принудительного (опыт русских коммунистов). «Я верую, что Бога нет» – и заставлю всех поверить, потому что верить или не верить я не хочу и не могу один, а могу и хочу только со всеми.

IX

В том-то и заключается трагедия современного человечества, что верить человек не может один. Вера моя без чужой гаснет, как пламя без воздуха: я должен зажечь других или сам погаснуть.

Христианство не прошло человечеству даром: оно оставило на нем неизгладимый след всемирности; современный человек всемирен – с Богом или против Бога; он выпадает из Церкви Вселенской в Интернационал.

Не здесь или там, а везде, во всем мире, происходит одно и то же: религиозная атмосфера так разрежена, что нечем дышать. Кто-то делает страшный опыт с человечеством: посадил его, как кролика, под стеклянный колпак и выкачал воздух.

X

В доисторической пещере Орилляка (Aurillac) найдены остатки похоронной тризны – между прочим, ледникового носорога-сосунка. Это значит, что человек четвертичной эпохи (*époque quaternaire*) уже имел погребальные обряды и, следовательно, начатки религии. Человек и тогда уже смутно предчувствовал, что с земною жизнью для него не все кончается и что

религия есть не только «частное», но и общее дело: иначе не собирались бы люди на похоронные тризны.

Только что появился человек на земле, как поднял чело к небу.

Os homine sublime dedit coelumque tueri.

Чело человеку высокое дал, да горнее узрит.

А наше чело поникло – мы уже не видим горнего. Мы ниже пещерных людей.

XI

Если бы религия была физическим светом, то обитатели других планет могли бы видеть, как земля светилась с четвертичной эпохи – и вдруг потухла. Но для земного наблюдателя – не вдруг, а за последние пять-шесть веков, от Возрождения до Реформации, от Реформации до Революции, от Революции до наших дней. Это именно те века «прогресса», которыми мы особенно гордимся. По пути прогресса мы двигались быстро, летели, как брошенный камень, – и вот куда залетели.

Робок, наг и дик, скрывался

Троглодит в пещерах скал.

Троглодит в конце прогресса. Может ли это быть? Вопрос уже не кажется сейчас таким нелепым, как до всемирной войны и до русской революции-антропофагии.

XII

«...Грезилось ему (Раскольникову), будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали эти зараженные... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем одном заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололи и резали, кусали и ели друг друга... Все и всё погибало» (Достоевский. «Преступление и наказание»).

Для нас это уже не бред, а действительность, по крайней мере для нас, русских. Но это может стать действительностью не только для нас.

XIII

Люди друг друга не понимают и ненавидят до антропофагии, – «кусают и едят друг друга», – потому что распалась между ними *Связь, Religio*, и живые тела человеческих обществ превратились в мертвые, физические «массы», которые, сталкиваясь и разрушая друг друга, возвращаются к древнему хаосу.

Что это за «морская язва», идущая на мир, мы теперь уже знаем: это *нечестие*, ἀσέβεια, крайнее зло, «преступность, как потребность убивать Бога» (*Weininger. Über die letzten Dinge*).

Предел человекоубийства – война, предел войны – война гражданская, «борьба классов», для социализма атеистического единственный метод действия. «Вселенская церковь» гражданской войны – всеубийства – и есть Интернационал.

XIV

Но надо быть справедливым и к социализму: не он породил атеизм – он им сам порожден.

Знание, великий дар Божий, искажается людьми. Наука еще не знание, она может быть и ученым невежеством. Позитивная наука, выбрасывая Личность, религиозное начало культуры, «не зная ни абсолютных проблем, ни абсолютных задач, отрицает культуру» и утверждает варварство (*Weininger, loc. cit.*).

Это ученое невежество, новое варварство, и есть общая основа атеизма, как буржуазного, так и пролетарского. По плодам узнаете их; плод атеизма буржуазного, империализм – всемирная война международная – уже созрел; плод атеизма пролетарского – всемирная война гражданская, всеубийство – еще зреет.

XV

Научные изобретения, чудеса механики могут быть «чудесами дьявола».

Робок, наг и дик, скрывался
Троглодит в пещерах скал.

Ученый троглодит с чудесами дьявола – самый дикий из дикарей.

XVI

Наше «знание» – невежество, наше «просвещение» – тьма. «Ждем света, и вот, тьма; озарения, и ходим во мраке. Осязаем, как слепые, стену, ходим ощупью, спотыкаемся в полдень, как в сумерки; между живыми, как мертвые» (Ис. IX, 9 – 10). Не о нас ли это сказано?

XVII

«В последние дни земля будет подобна овце, падающей от страха перед волком» (*Avesta*). Эти дни еще не наступили; мы еще бесстрашны, но один волосок уже отделяет нас от безумного страха.

Солнце слепых

I

Может быть, не случайно, именно в наши дни, дни великого нечестия, снова открылись святыне книги древности – Египет, Вавилон, Ханаан, Иран, Хеттея, Эгея-Пред-Эллада – в своих непостижных тайнах и таинствах. Все они обличают нас, свидетельствуют против нас. Если бы мы имели глаза, то могли бы прочесть в них свой приговор: мы не только враги Божии, но и враги человечества; богоубийцы – человекоубийцы.

II

Мы прочли бы этот приговор, если бы имели глаза. Но книги перед нами открыты, а мы ничего в них не видим, не умеем читать, или читаем, не понимая, потому что чужую веру не может понять тот, кто сам не верит. «О богах без богов ничего нельзя сказать.»

Oùδὲ λόγον περὶ θεῶν ἀνευ θεῶν λαλεῖν δυνατόν

(*Jamblic. De mysteriis*).

Quis coelum possit, nisi coeli muneri, nosse
Et reperire Deum, nisi qui pars ipse deorum est?
Кто без дара небес небо возможет постигнуть,
Бога кто обретет не богоравной душой?

(*Manilius*)

«Глаз никогда не увидел бы солнца, если бы не был солнцеподобным» (*Plotinus*).

Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken.

(*Goethe*)

Мы же солнца не видим, потому что не солнцу подобен наш глаз, а оловянной пуговице.

III

«В предании об Астиаге, царе Мидийском, рассказывается, что однажды ему приснился сон, будто из чрева дочери его выросло дерево, которое ветвями своими покрыло всю Азию... Мне же брезжится, что из какой-то мертвой головы выросло сухое дерево и колючками и терниями залезло в головы бесчисленных ученых и закрыло от них памятники веры, молитвы, где народы сами написали о себе, изобразили, чему молились, чему поклонялись, приносили жертвы, строили храмы – и положили на ладонь ученых... Чего искать? Вещь перед глазами... А ученые, сами себе завязав глаза, ищут и никак не могут найти» (*Розанов*).

Чтобы прикоснуться к живому сердцу древних религий, я продираюсь сквозь этот мертвый лес учености.

IV

В Полигнотовой картине Ада две женщины, молодая и старая, носят воду в разбитых кружках и надпись гласит: «Непосвященные в таинства». Такова безбожная наука о религии – пустая кружка Данаид.

V

Религиозный опыт веков и народов может быть понят только сочувственным опытом, но его-то и нет у безбожных ученых: тут самый предмет изучения уничтожается наукою. «Разве химику или ботанику, разлагающему клетчатку листа, приходит на ум, что это вайя из-под ног Спасителя?» (*Розанов*).

Ничего не знает безбожная наука о религии, как стекло ничего не знает об электричестве. Такого дурного проводника, такой непроницаемости, стеклянности, никогда еще не бывало.

VI

Религия есть отношение человека к Богу. «Когда этого отношения нет, то в древних святилищах Сераписа, Венеры, Аполлона нельзя даже научным оком ничего уловить... просто грудa кирпича. И это не потому, что Аполлон, Серапис, Венера – ничто, нуль, а потому, что нулевое и нигилистическое отношение к ним у смотрящего: ничего не понимаю! ничего даже не вижу! Чему молились эти болваны?» (*Розанов*).

Грубый деревянный «болван», ксоанон, упавший будто бы с неба, кумир Афины Паллады в Эрехфейоне дороже для верующих, чем совершенное изваяние Фидия. И ксоанон Вакха Елевфериийского становится богом Аттики, отцом трагедии. Мы же сами, как деревянные болваны перед этими живыми богами.

VII

В утешение нам можно только сказать, что это повелось уже издавна. Боги любят и мудрых делать глупыми. Аристотель в «Метафизике» называет учение Платона об Эросе, эту жемчужину эллинской мудрости, «бредом пьяных», а Спиноза, возражая на божественное слово о детстве, сопоставляет детей с «дураками и сумасшедшими» (Этика, I, 49).

Но если о вечном говорились вечные глупости, то все они нами превзойдены.

Что «религия родилась, когда первый плут встретил дурака», мы уже не думаем или не думаем вслух, как Вольтер (*Essai sur les mœurs*, t. I). Но мы недалеко ушли от этого. Иисус Ренана, «пленительный Учитель», *charmant Docteur*, фарфоровая куколка, образец тончайшей исторической лжи, едва ли не кошунственнее всего, что мог сказать о Христе Вольтер. Французский ученый наших дней Соломон Рейнак называет жрецов Елевзинских таинств «шарлатанами». Апокалипсис – «произведением бесноватых, *energumènes* (*S. Reinach*. *Orpheus*, 130, 353), а немецкий ученый Эд. Мейер полагает, что «вся египетская религия есть грубейшее суеверие, *krassester Aberglaube*, с обрядами самого нелепого и отвратительного свойства, „*absurdesten und widerlichsten Art*“ (*Ed. Meyer*. *Gesch. d. alten Ägypt.*, 87).

Да, солнца не видят оловянные пуговицы.

VIII

Когда нашли мумию фараона Рамзеса Великого, то завернули ее в газетный лист «Temps» и привезли в Каир в извозчицкой карете; таможенный чиновник взвесил ее на весах и, «не найдя соответственной пошлины в списке тарифов, применил к ней правило о ввозе соленой трески».

Святое тело царя-бога для древних – соленая треска для нас.

IX

«Vetustas adoranda est. Досточтима древность», – древность божественна, говорили древние (*Macrob. Saturn.*, III, 14), а мы даже не понимаем, что это значит. Древность – мать, а мы – матереубийцы. Божие лицо открылось нам в древности, а мы в Него плюнули.

X

Продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания мне помогают немногие спутники. Из старых – такие ученые, как Шамполлион, Лепсиус, Бругш, и мудрецы и поэты – Гёте, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич, Гоголь; из новых – Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и, величайший из всех, Достоевский.

Не слышали их, и меня не услышат. Великая скорбь и радость – быть не услышанным с ними.

XI

Зачем нужно христианство, это, может быть, еще помнит кое-кто из бывших христиан; но зачем нужно язычество, этого уже и само христианство не помнит.

Все человечество дохристианское есть «язычество», а язычество есть вера в богов, несущих – сплетение мифов – и только? Нет, под оболочкою мифа скрыта мистерия. Соотношением этих двух начал и определяется подлинное существо язычества. Истина мифа – в мистерии; тайна его – в таинстве.

XII

«Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не открывает и не скрывает, а знаменует, σφαιραίνει – в вещих знамениях, символах» (*Heracлит. Fragm.*, 93).

«Нет многих богов, есть лишь Разум Единый... изменяются же только имена и лики богопочитания: то яснеют, то мутнеют символы» (*Plutarch. De Is. et Os.*, 67).

Так плоско изваянные фигуры на тонких стенках алебастровой чаши – лампы тусклы, мутны, почти не видны извне; но вдруг яснеют, когда внутри лампы зажигается огонь. Изваяния – мифы, а огонь – мистерия.

XIII

Учители и пророки всех веков и народов символически мудрствовали, συμβολικῶς φιλοσοφεῖν, говорит св. Климент Александрийский. – «Основатели мистерий вложили свое учение в мифы так, чтобы оно было открыто не всем». – «В мистериях – предугадание истины» (*Clem. Alex. Strom.*, V, II). И сам Христос есть «Учитель божественных мистерий, διδάσχαλος θεῶν μυστηρίων». – «Господь, по воскресении своем, передал божественное зна-

ние, гнозис, Иакову, Иоанну и Петру, а эти – прочим апостолам». И все христианство есть не что иное, как «мистерии церковного гнозиса» (*Clem. Alex. Strom.*).

О христианских таинствах говорит св. Климент почти теми же словами, как о языческих: «посвящение, лицезрение – эпоптия, иерофантия, великие и малые мистерии».

Здесь живая связь, пуповина, соединяющая христианство с язычеством, младенца с матерью, еще цела, но повивальная бабка, теология, перережет ее так неискусно, что мать умрет, и младенец будет в смертельной опасности.

XIV

Ключ к мифу – мистерия, а ключ к языческой мистерии – христианское таинство. Если христианство ложь, то ложь и язычество; но и обратно, если одно, то и другое – истина.

«Ἀνθρώπος πάντων μέτρον. Мера всего человек» (*Протагор*). А мера человека что? Не образ ли и подобие Божие? Если да, то не только человек подобен Богу, но и Бог – человеку. Истинен миф, делающий богов людьми; истинна и мистерия, делающая людей богами. «Познай себя», на это слово дельфийской мудрости отвечает св. Августин: «Познав себя, Тебя познаю. Noverim me, poverim te» (*Solileg.*, II, 1). – Это и значит: человекопознание есть богопознание, антропоморфизм – теоморфизм. Все, что в человеке, может быть и в Боге; и обратно, все, что в Боге, может быть и в человеке; каков человек, таков и Бог.

Или другими словами: миф-мистерия говорит не только о действительно человеческом, но и о действительно божеском. Мифология есть теология, точный метод религиозного опыта.

XV

По слову Платона, мы находим в древних мифах «части самих себя» («Фэдр»).

Только испепеленный огнем Израиля, Вейнингер мог знать, что такое Израиль; только «Дионис растерзанный», Ницше, мог знать, что такое трагедия; только Достоевский, человек из Апокалипсиса, мог знать, что такое «конец мира».

О религиозном опыте веков и народов мы можем судить только по своему собственному опыту. Таинства суть тайны души моей: что в них, то и во мне. Кто в своем собственном сердце не подобрал ключа к дверям Елевзинского анактора, тот никогда в него не войдет.

XVI

Мифы ловят богов, как сети – рыбу. Люди плохие рыбаки: боги уходят от них. Но и пустой миф все еще пахнет Богом, как пустая сеть – рыбою.

XVII

«Мифология содержит в себе религиозную истину, – говорит Шеллинг. – Не религия есть мифология, как думают современные ученые, а наоборот, мифология есть религия. Все мифы религиозно-истинны: они суть не басни о том, чего нет, а откровения того, что есть». – «Персефона (Елевзинских мистерий) не только означает, но и *есть* то, за что мы ее почитаем, – нечто действительно сущее, ein wirklich existierendes Wesen. То же самое можно бы сказать и о всех богах. Своеобразие моего объяснения и состоит именно в том, что я вижу в мистериях, так же как в мифах, настоящую действительность» (*Schelling. Philosophie der Offenbarung*).

Это значит: нет ложных богов – все боги истинны.

XVIII

Средиземное море, связующее три части света, Европу, Азию, Африку, есть в самом деле *середина*, сердце земли. В немолчном ропоте волн его бьется сердце человечества. Века и народы, теснясь, обступают его, окружают круговую пляскою, как хор Нереид, и пенится «темно-лиловая соль» его, как амброзия в чаше богов.

Если провести две линии, одну от Мемфиса до Константинополя, другую – от Вавилона до Рима, то получается крест, как бы тень Креста Голгофского. Всемирная история и совершается под этим крестным знаменем.

XIX

История – мистерия, крестное таинство, и все народы участвуют в нем. Путь от Вифлеема к Голгофе есть уже путь «язычества», человечества дохристианского. Много народов, «языков» – много мифов, а мистерия одна – мистерия Бога умершего и воскресшего.

Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Адонис ханаанско-эгейский, Атис малоазийский, Митра иранский, Дионис эллинский, в них во всех – Он. По слову апостола Павла: «это есть тень будущего, а тело во Христе» (Колос. II, 17).

XX

По сознанию эллино-римского язычества, в самый канун христианства, Елевзис есть «некое общее святилище земли,

Κοινὸν τι τῆς γῆς τέμενος

«. По слову Претекстата, Елевзинские таинства «объединяют весь человеческий род,
τὰ συνήχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος ἀγιώτατα μυστήρια

».

В святую ночь над Елевзинским анактором зажигается великий свет. «Свет к просвещению язычников» (Лук. II, 32). – «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. IX, 2).

Ελευσίς, имя города – от слова

ἐλευσις

, «пришествие». Глубочайший смысл Елевзинских таинств и есть не что иное, как «пришествие Бога» (*Schelling*. Philos. d. Offenb., 519).

XXI

«И став Павел среди Ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу, что вы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на коем написано: *неведомому Богу*. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедаю вам... От одной крови Он произвел весь род человеческий... дабы искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли» (Деян. XVII, 22–27).

Это и значит: христианство есть истина язычества.

XXII

Содержание всемирной мистерии-мифа о страдающем Боге есть событие, не однажды происшедшее, а всегда происходящее, все вновь и вновь переживаемое в жизни мира и человечества.

«Это не однажды было, но всегда есть.

Ταῦτα δὲ ἐγένετο μὲν οὐδέποτε, ἔστι δεαεῖ

(*Sallust. De diis et mundo, IV*).

«Всемирная история есть эон, чье содержание вечное, начало и конец, причина и цель – Христос» (*Шеллинг*).

Всемирная история есть геометрическое пространство, в котором строится тело Христа.

XXIII

Христос таится в язычестве, в христианстве открывается. Христианство есть Откровение, Апокалипсис язычества.

Слепые солнца не видят, но теплоту его чувствуют. Христос язычников – солнце слепых.

XXIV

«Огромное отличие христианства от язычества заключается в том, что личность Христа *исторически действительна*» (*Шеллинг*). Это хорошо поняли современные безбожники-ученые: все их усилия направлены к тому, чтобы уничтожить историческую личность Христа. Но уничтожить ее – значит уничтожить всемирную историю, потому что вся она – только о Нем.

«В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии» (Лук. III, 1–2). Вот геометрическая точка в пространстве и времени, соединяющая Тело с тенью: язычество – тень, а тело – во Христе. От тени к телу – таков путь всемирной истории – мистерии.

Мистерия страдающего Бога протянулась через все века и народы, как исполинская тень, чтобы лечь к ногам Христа.

XXV

Уже до христианства был миф о Христе; значит, Христос – миф? Нет, если до Александра Великого был миф о всемирном завоевателе, это не значит, что Александр – миф. Далекие горы похожи на облака. Христианство – главный хребет, Гималаи всемирной истории окутаны облачною ризою мифов; но из этого не следует, что Гималаи – облако.

Был ли Христос? По одному тому, что людям приходит в голову этот вопрос, видно, что тут дело идет вовсе не о научной критике. Как бесноватый Кириллов у Достоевского «верует», что нет Бога, так эти новые христоубийцы веруют, что не было Христа. Но само это желание убить Его, уничтожить, показывает от противного, как историческая личность Его для них еще действительна.

XXVI

Если не было Христа, то нет и христианства: оно такой же миф, как язычество. Но если Христос был, то мистерия-миф о страдающем Боге – тень Христа, еще не пришедшего, откинутая назад на все человечество до начала времен, есть неотразимое, христубийц убивающее чудо всемирной истории.

Божественный Трилистник

I

Плыл архиерей в корабле по Белому морю и услышал, что живут на пустынном островке три старца, спасаются, а сами так просты, что и молиться не умеют как следует. Захотел увидеть их, подплыл к островку, вышел на берег и видит: стоят рядом три старца древних, сединой обросших – большой, средний и малый, – за руки держатся.

– Как вы Богу молитесь? – спросил архиерей.

И самый древний старец сказал: «Молимся мы так: трое нас, Трое Вас, помилуй нас». И как только сказал это, подняли все трое глаза к небу и сказали: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!»

Усмехнулся архиерей: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь».

И начал их учить молитве Господней. Долго учил, весь день до ночи: старцы были очень беспамятны. Наконец кое-как выучил, сел на корабль и отплыл. Взошел месяц. Сидит архиерей на корме, глядит в море, туда, где островок скрылся. Вдруг видит: блеснит, белеет что-то в столбе месячном. Вгляделся – бегут по морю старцы, корабль догоняют, белеют и блестят их седые бороды. Бегут, рука с рукой держатся; крайние руками машут, остановиться велят. Поравнялись с кораблем и заговорили в один голос:

– Забыли, раб Божий, забыли твое учение... Ничего не помним, научи опять!

Перекрестился архиерей и сказал:

– Доходна до Бога и ваша молитва. Не мне вас учить.

И поклонился в ноги старцам.

(*Л. Толстой*. «Три старца»)

II

Нелюдим священный остров Самофракия: отвесные кручи его оглашаются только криками чаек да шумом седых бурунов, гонимых ветром от Пропондиты. В незапамятной древности, со стен Илиона, еще неразрушенных, можно было видеть, как возносится жертвенный дым с острова. Там, на высях гор, совершались таинства Великим Богам, Кабирам.

Их было трое: Большой, Средний и Малый – Отец, Мать и Сын.

«И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам. После сего видения тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию» (Деян. XVI, 9 – 11).

Может быть, расспрашивая о Самофракийских таинствах, апостол Павел с удивлением узнал кое-что о Трех в Одном Боге неведомом. Орфики называли Кабиров тремя именами или одним в трех: Аксиер, Аксиокерса, Аксиокерс: Отец Небесный Зевс, Мать Земля Деметра, и Сын Земли и Неба Дионис. И в Елевзинских таинствах те же Трое, только в ином сочетании: Отец Дионис, Мать Деметра и Сын Иакх.

Но уже и орфики (V–VI века) их древних имен не помнили. Может быть, впрочем, у них и не было имени, ни даже образа. Ничего о них люди не знали – знали только, что их Три, что эти Три – Одно.

III

На о. Крите, в Кносском дворце-лабиринте баснословного царя-бога Миноса, найдены три глиняных столбика, соединенных в подножии; три голубя сидят на них, по одному на каждом, знаменуя сошествие Трех (Art., Evans. The palace of Minos at Knossos, 222). Второй дворец Кносса, где найдены столбики, построен за пять веков до Троянской войны (около 1600 г.). Вот когда уже люди поклонялись Трем. Просты были, не умели молиться, как следует, и молились, глядя на три столбика: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!

И погибая в бурных волнах широко шумящего моря, видели, как блещут в блеске молний тремя белыми чайками над черною бездною, бегут к ним на помощь три Великих Кабира – три Старца.

IV

В Ханаане, у дуба Мамрийского, явился Господь Аврааму. «Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три Мужа стоят против него» (Быт. XVIII, 2). И тотчас узнал он Господа, чье имя *Elohim* – Боги – Три Бога в Одном.

Оттуда, из Ханаана, и произошло имя Кабиров: לָבְרִי. Kabru, Kuburu – *Великие*. Их трое: Ваал Отец, Астарта Мать и Адонис-Эшмун Сын.

А имя вавилонское: *Ka-ab-rat*: Отец Эа, Мать Иштар и Сын Таммуз. Но люди Сенаара знали их уже в довавилонской, шумерийской, для нас почти невообразимой, как бы допотопной, древности (*Th. Friedrich*. Kabiren und Keilenschriften, 91).

Им же поклонялись и предки египтян в столь же бездонной древности додинастической (VIII–VII тысячелетие): Отец Озирис, Мать Изида, Сын Гор.

V

Самофракийские и Елевзинские таинства совершались еще накануне Никейского собора, где исповедан был догмат о Пресвятой Троице.

И до наших дней в каждой христианской церкви исповедуется в Символе веры открытая людям от начала времен и все еще сокровенная Тайна Трех.

VI

«Нет, никогда не будет три одно!» – смеется, кошунствует Гете (Разговоры с Эккерманом).

«Трижды светящим Светом, das dreimal glühende Licht», – заклинает беса Фауст. И старая ведьма, готовя для него эликсир юности, бормочет что-то об Одном, Двух и Трех:

Mein Freund, die Kunst ist alt und neu.
Es war die Art zu allen Zeiten,
Durch Drei und Eins, und Eins und Drei
Irrtum statt Wahrheit zu verbreiten.
Увы, мой друг, старо и ново,
Веками лжи освещено
Всех одурачившее слово:
Одно есть Три, и Три – Одно.

(*Faust, I Hexenküche*)

Уж если глаз Гете, самый «солнечный глаз» наших дней, потускнел, как оловянная пуговица, перед Тайною Трех, то чего ждать от других?

VII

Тайны Божии для человека слишком просты: открыты, как небо, и так же недостижимы. Самая простая, открытая и тайная тайна – Три.

VIII

«Страшусь писать о том, о чем и говорить почти не смею» (*Clemens Alexandr. Stromata*). Не смеет говорить об этом св. Климент, «человек, познавший все таинства» (*Euseb. Prepar. evang.*, II, 2). Как же нам сметь?

По учению св. Климента, ангелы пали до начала мира, потому что изрекли тайну Божию. От слова изреченного погибает мир, но и спасается Словом. Никогда еще так не погибал, как сейчас, и никогда еще не было ему так нужно Слово. Но немотой уста наши замкнуты, как врата адовы замками железными, и сокрушит их только Сошедший в ад.

IX

Можно говорить о Тайне Трех или огненно-пророчески – но кто сейчас пророк? – или алгебраически-холодно, помня, что алгебра в религии – то же, что сухой колос для умирающих от голода или спектральный анализ для потухшей звезды – погибшего мира.

Вот алгебраическая формула Шеллинга.

В Боге три начала: первое, отрицающее или замыкающее – «огнь закона», гнев; второе, утверждающее или расширяющее – «веяние тихого ветра», любовь; и третье, соединяющее два первых. Нет, Да, Да и Нет.

– A = Отец.

+ A = Сын.

± A = Дух.

Это просто, как небо, и этим очерчен круг нашего знания, как круг земли – чертою неба. Это люди знали от начала и больше не узнают до конца.

X

«Философия Откровения» Шеллинга прошла бесследно», – замечает Куно Фишер (Ист. нов. филос., VIII, 768). Эд. Целлер видит в ней только «неуклюжую схоластику» (Ист. нем. филос.), а Ферд. Хр. Баур, один из первых христубийцев, – «галиматью» (*К. Фишер*, op. cit., 268).

«Галиматьею», впрочем, кажется нам не только «Философия Откровения», но и само оно. Пусть старушки в церквах читают символ веры; мы с Мефистофелем знаем, что о таких вещах не говорят в приличном обществе.

Как рассмеялись бы философы тогда и теперь, если бы кто-нибудь сказал им, что Шеллинг заглянул в тайну мира глубже, чем Кант!

XI

Мы читаем книгу мира, как малограмотные люди, не отрывая глаз от страницы и водя пальцем по строкам; и только тогда, когда чья-то быстрая как молния рука переворачивает страницу, мы видим, что мелькает что-то «написанное сбоку, на полях» (*Бергсон*), может быть, самое важное, но мы не успеваем прочесть: чтобы успеть, нужны другие глаза, те «вещие зеницы», что бывают только у пророков.

Мы верим на слово Лобачевскому и Эйнштейну, что где-то в «четвертом измерении», в метагеометрии, «перчатка с левой руки надевается на правую». Но для того чтобы это понять – увидеть, нужен метафизический вывих, выверт ума наизнанку, как бы сумасшествие, или то «исступление», «выхождение из себя»,

ἔκστασις

, которому учили древние мистагоги и апостол Павел: «Премудрость Божия – безумие для мира сего».

О четвертом измерении кое-что знает Эйнштейн, но, может быть, больше знают Орфей и Пифагор, иерофант «Четверицы Божественной», которую воспевают он, как «число чисел и вечной природы родник», *παύαν ἀεννάου φύσεως* (*Carm. Aur.*, V, 47).

Пифагора и Орфея объясняет Шеллинг: над тремя началами в Боге, Отцом, Сыном и Духом, возвышается сам Бог в единстве Своем, так что тайна Бога и мира выражается алгебраически: $3+1=4$ (*Philos. d. Offenbar.*). Это и значит: в Боге Три – Четыре в мире; Троица в метафизике есть «четвертое измерение» в метагеометрии.

Не эту ли игру божественных чисел кристаллизуют и египтяне в пирамиде, соединяя в одной точке неба четыре исходящих из земли треугольника, и вавилоняне – в башне *Zikkurat*, семиярусной: $3+4=7$?

XII

Зодчество, Музыка, Математика – во всех трех один и тот же лад божественных чисел, один порыв из трех измерений в четвертое: в ледяных гранях Аполлоновых чисел – огненное вино исступлений Дионисовых.

Пифагор считает и поет, считает и молится, потому что в числах не только земная, но и небесная музыка – «музыка сфер». И Пифагору, геометру, отвечает св. Августин, богослов: «*Pulchra numero plectent. Числом пленяет красота*» (*De ordine*).

«Что такое серафим? Может быть, целое созвездие», – бредит Иван Карамазов. Серафимы и херувимы, Созвездия, вопиют у престола Единого в Трех: «Свят! Свят! Свят!»

А мы из преисподней хохочем с Мефистофелем:

– Галиматъя! Никогда не будут три одно!

XIII

Древние были учтивее нас: не посмели назвать «галиматъею» мудрость Гераклита, а назвали его только «Темным». Темны и тяжки, как первозданные глыбы гранита, дошедшие до нас обломки Гераклитовой мудрости.

Был ли он посвящен в мистерии, мы не знаем; но, во всяком случае, говорит, как посвященный, и книгу свою «О природе», *Περὶ φύσεως*, приносит в дар Артемиде Ефесской, которая в Азийских таинствах – то же, что Деметра в Елевзинских и Аксиокерса в Самофракийских: третье лицо Троицы – Мать-Дух. И все учение Гераклита – о Тайне Трех.

«

Τὸ ἀντίξουν συμφέρον

Противоборствующее-соединяющее. – Из противоположного – прекраснейшая гармония. Бог есть день-ночь, зима-лето, война-мир, сытость-голод; все противоположности в Боге,
τὰναντία ἅπαντα

» (*Heraclyt.* Fragm., 8, 64).

Это и значит: два противоположных начала соединяются в третьем: $-A + A \pm A$, алгебраическая формула Шеллинга.

XIV

От Гераклита до Шеллинга – Слово Божие и немота человеческая о Троице. Но в наши дни Слово страшно умалается, а немота растет. Еще только старушки в церквах да три старца на пустынном острове молятся: «Трое нас, Трое Вас, помилуй нас!»

XV

Все, что мы называем «цивилизацией», зиждется на христианстве; христианство есть откровение Сына; Сын – Второе Лицо Троицы. Но вот о Ней самой – ни слова. Немотой уста наши замкнуты, как врата адовы замками железными.

От начала мира люди знали об этом, помнили – и вдруг забыли.

Да, именно *вдруг*, потому что это произошло окончательно только за последние триста – четыреста лет, или еще быстрее, острее за последние тридцать – сорок лет, или еще острее, быстрее за самые последние, самые страшные годы в жизни человечества.

Это похоже на то, как если бы люди вдруг забыли об основном законе логики, законе тождества, – и сошли с ума.

XVI

Человек, даже не знающий, что такое Троица, все-таки живет в Ней, как рыба в воде и птица в воздухе.

Как ни ломает он логику, а подчиняется ей, пока не сошел с ума окончательно: пока мыслит – мыслит троично, ибо троичны основные категории человеческого мышления – пространство и время. Три измерения пространственных: линия, плоскость, тело; три измерения временных: настоящее, прошлое, будущее.

Троичны и все предпосылки нашего опыта. Уже с Демокрита и Лукреция понятие вещества,

ὕλη

, включает в себя понятие атомов с их взаимным притяжением (+a) и отталкиванием (–a); двумя противоположными началами, соединяющимися в третьем ($\pm a$), именно в том, что мы называем «материей».

Троичен и закон физической полярности: два полюса, анод и катод, замыкаются в электрический ток. По слову Гераклита: «Кормчий всего – Молния.

Τὰδὲ πάντα οἰακίζει κεραυνός

« (*Fragm.*, 64). Соединяющая Молния Трех.

Троичен и закон химической реакции, то, что Гете называл «избирательным сродством» химических тел, *Wahlverwandschaft*: два «противоположно-согласных» тела соединяются в третьем.

Троичен и закон жизни органической: внешняя симметричность, двойственность органов (два уха, два глаза, два полушария мозга) и внутреннее единство биологической функции. Или еще глубже: два пола, два полюса и между ними – вечная искра жизни – Гераклитова Молния.

Троична, наконец, и вся мировая Эволюция: два противоположных процесса – Интеграция и Дифференциация – соединяются в единый процесс Эволюции.

XVII

Так «трижды светящий Свет» колет, слепит человеку глаза, а он закрывает их, не хочет видеть. Все толкает его в Троицу, как погонщик толкает осла острою палкой-рожном, а человек упирается, прет против рожна.

Хочет остаться сухим в воде и задыхается в воздухе. Рыба забыла, что такое вода, и птица, что такое воздух. Как же им напомнить?

Напоминать о разуме в сумасшедшем доме опасно. Все сумасшедшие в один голос кричат: «Монизм! монизм!» Но что такое монизм – единство без Триединства, часть без целого? Начинают монизмом, а кончают нигилизмом, потому что троичностью утверждается Дух и Материя, а единичностью, монизмом – только материя: все едино, все бездушно, все – смерть, все – ничто. Воля наша к монизму есть скрытая – теперь уже, впрочем, почти не скрытая – воля к ничтожеству.

XVIII

За двадцать пять веков философии, от Гераклита до нас, никогда никому, кроме нескольких «безумцев», не приходило в голову то, о чем я сейчас говорю. Разве это не чудо из чудес дьявольских? Сколько философских систем – и ни одной троичной! Монизм, дуализм, плюрализм – все, что угодно, только не это. Как будто мысль наша отвращается от этого так же неодолимо, как наша евклидова геометрия – от четвертого измерения, и тело наше – от смерти.

Три – число заклятое. Кто произносит его, хотя бы шепотом, тот ополчает на себя все силы ада, и каменные глыбы наваливаются на него, как подушки, чтобы задушить шепот.

XIX

Под «трижды светящим Светом» рычит, скалит зубы, корчится древний Пес, Мефистофель: помнит, что уже раз опалил его этот Свет, и знает, что опалит снова.

И все мы, песьей шерстью обросшие, дети Мефистофеля, корчимся: знаем и мы, что испепелит нас Молния Трех.

Один, два и три

I

«Три свидетельствуют на небе, Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле, дух, вода и кровь; и сии три об одном» (I Иоан. V, 7–8).

Это и значит: божественная Троица на небе, а на земле – человеческая. Но что такое Троица, Три, нельзя понять, не поняв, что такое Один.

II

Тайна Одного есть тайна божественного Я. «Я есмь Сущий», – говорит Бог, и человек, образ и подобие Божие, повторяет: «Я есмь».

Бог един и личен, и человек тоже: никогда еще такого не было и никогда уже не будет. Единственность есть божественность человеческой личности.

Кто этого не знает, тот ничего не знает о Боге; кто не сказал: «Я есмь», тот никогда не скажет: «Есть Бог».

III

«Если нет Бога, то исчезает и проблема ценности для моей жизни: тогда я – ничто. И у меня даже нет поводов к отчаянию, потому что и отчаяние указывало бы на мое ничтожество ввиду ценности (личности). Бог должен быть, чтобы я был. Я есмь лишь постольку, поскольку я – Бог» (*Weininger. Über die letzten Dinge*, рус. перевод, 154).

Но в том и беда, что весь этот ход мысли непонятен современным безличным и безбожным людям; непонятен, потому что нельзя перейти ни от личности к Богу, ни от Бога к личности: личность и Бог вместе даны или вместе отняты.

Как, в самом деле, говорить о Троице, когда нет Единицы? Если нет Одного – божественной Личности в Отце, то нет ни Двух – божественного Пола в Сыне, ни Трех – божественного Общества-Церкви, Царства Божьего, в Духе.

Провал личности – провал всего в религии.

IV

Höchstes Glück der Erdekinder
Sei nur die Persönlichkeit.
Пусть же будет только личность
Высшим счастьем на земле, —

говорит Гете, как бы предчувствуя, что скоро личность уже не будет счастьем.
И еще:

Alles könne man verlieren
Wenn man bleibe, was man ist!
Не беда всего лишиться,
Только б вечно быть собой!

А мы готовы всего лишиться, только бы не быть собою.

V

Может ли человек потерять лицо свое? Может, если лицо его – пустая личина. Могу ли я забыть, что я – я? Могу, если «я – простой узел элементов» (*Эрн. Мах*). Я не я, а что-то другое, безличное, бездушное – материя, механика, атом физических или человеческих «масс» – вот наше главное чувство. Воля к безличности – не быть собою – вот наша главная воля. Безумно любим себя и безумно ненавидим. Бежим от себя, как от ужаса, от пустоты, бездонно зияющей.

VI

«Меня не было, меня нет», – сказано в надгробной надписи одного древнего эллина-безбожника. Ничего лучше и мы для себя не придумаем.

«Умрем и будем, как вода, пролитая на землю, которую нельзя собрать» (Вт. Цар. XIV, 14). Нет, не будем – мы уже и сейчас, как пролитая на землю вода.

«Коммунисты шли умирать с хохотом», – сказано в одной советской военной реляции. Еще бы! Смерть не страшна тому, кто умер заживо.

Имя наше – злая шутка Одиссея над Полифемом: «Я – *Никто*».

Люди умирают – пустые личины сыплются с человечества, как сухие листья с дерева, и обнажается черный, страшный ствол – Никто.

VII

К умирающему Пэру Гюнту приходит Пуговичник с плавильною ложкою для неудачно вылитых, без ушка, оловянных пуговиц: «Видишь ложку? Пора тебе в нее!»

Пэр Гюнт ужасается:

Расплавиться, войти частицей,
Ничтожным атомом в чужое тело,
Утратить «я» свое, свой Гюнтский облик,
И перестать самим собою быть?..
Нет, против этого готов я спорить,
Бороться всеми силами души!

А Пуговичник смеется:

Но, милый Пэр, зачем же по-пустому
Так волноваться?9 Никогда ты не был
«Самим собой»; так что же за беда,
Коль «я» твое и вовсе распадется?..
Не трать же времени, иди добром!

Так приглашает всех нас Пуговичник в ложку свою. И приглашать нечего: сами лезем.

VIII

Может быть, и вся наша планета – только неудачно отлитая, без ушка, оловянная пуговица, и огонь уже разведен, чтобы расплавить и отлить старое олово в новую форму? Об этом кое-что знает Апокалипсис, и Достоевский, «человек из Апокалипсиса». Для нас, впрочем, это лишь «бред бесноватых».

Но планета удалась, по крайней мере, в одном – в Личности. Тут уже нам нет никаких отговорок: божественная Личность, тайна Одного, открыта людям, явлена воочию. И сколько бы ни старались христубийцы, никогда не забудет человечество, что *был* на земле Человек, о Котором нельзя не сказать: такого, как Он, никогда еще не было и никогда уже не будет.

IX

Тайна Отца Единого – в Сыне Единородном, тайна Одного – в Я единственном, в личности. А тайна Двух в чем?

Я знаю первичным, прежде всякого внешнего опыта, внутренним знанием, что я – я; знаю также, что есть еще что-то – не-я. И все, что не я, отрицает, исключает меня, или мной исключается, отрицается. Всякое чужое тело, входя в мое, разрушает, пожирает, убивает его или же им убивается. И так всегда, везде, кроме одной точки – Пола. Здесь, и только здесь, в половой любви, чужое тело входит в мое, и мое в чужое, не для того, чтобы разрушить, убить, а чтобы познать друг друга, как «Адам познал Еву» (Быт. IV, I).

Изнутри я знаю только свое тело, а все чужие тела – извне. Но здесь, и только здесь, в половой любви, я познаю чужое тело, как свое, как «вещь в себе», говоря языком Канта или языком Шопенгауэра: везде познается мною «мир, как представление», *die Welt als Vorstellung*, и только в точке Пола – «как воля», *die Welt als Wille*.

Пол есть единственно возможное для человека, кровнотелесное «касание к мирам иным», к трансцендентным сущностям. Тут, в половой любви, – рождение, и тут же – смерть, потому что умирает все, что рождается; смерть и рождение – два пути в одно место, или один путь туда и оттуда.

«Пол есть второе, темное лицо человека... Пол выходит из границ естества; он внеестествен и сверхъестествен... Это – пропасть, уходящая в антипод бытия, образ того света, здесь, и единственно здесь, выглянувший в наш свет» (*Розанов*).

Тело мое отовсюду закрыто, замкнуто, непроницаемо, – отовсюду, кроме Пола. Пол есть полость, открытость, зияние в теле моем, выход из этого мира в тот, как бы окно темничное. Все тело имманентно, а Пол трансцендентен; все тело в трех измерениях, а Пол – в четвертом. Здесь-то и «соединяются противоположности», мужское и женское (по Гераклиту). «Перчатка с правой руки надевается на левую»: чужое тело становится моим, так что я уже не знаю, где я и где не-я.

X

Не-я – Ты, это впервые познано в тайне Двух; впервые прошептано «Ты», устами любящих в лобзании любви.

Вся природа хочет и не может сказать: «Ты». Но уже и звери, укрощенные Эросом, перестают ненавидеть и начинают любить; уже и в рыкании львов, а может быть, и раньше, в довременном хаосе, в «избирательном средстве» химических тел, слышится не сказанное Ты. Только человек сказал его – и стал, как Бог. Я и Ты – это откровение Пола так же изначально, трансцендентно, божественно, как откровение Личности: я – Я.

«В начале Бог сотворил человека по образу своему». Но уже и в одном было два: «Мужчину и женщину сотворил их – да будут два одна плоть».

Так уже в начале открывается в тайне Одного – Личности, тайна Двух – Пол.

XI

«Пол» – грубое, узкое, или огрубленное, суженное слово, религиозно-пустое, или опустошенное. Когда мы соединяем его со словом «любовь», то нам кажется, что мы не освящаем пол, а оскверняем любовь. Но у нас нет другого слова. И, конечно, недаром весь язык наш безбожен или беспол: как в нем, так и в нас самих пол против Бога, и Бог против пола.

А в начале не было так. Все, что мы называем «язычеством» – Египет, Вавилон, Ханаан, Хеттея, Эгея, Эллада, Рим – весь Отчий Завет «струится от пола» (*Розанов*); ожидает Богозачатия, Богорождения.

И вот, Бог родился. Казалось бы, пол в Боге, тайна Двух должна исполниться? Нет, не исполнилась.

Христианство, исключив из себя непреображенный в язычестве пол, само не преобразило его и не заменило ничем: там, где пол – в язычестве, в христианстве – нуль.

В Троице языческой – Отец, Сын и Мать; в христианской – вместо Матери Дух. Сын рождается без Матери, как бы вовсе не рождается. Вместо живого откровения мертвый и умерщвляющий догмат. Половая символика в Боге принята лишь концом уст, а сердцем отвергнута. Христос – Жених, царство Его – вечера брачная: это сказано, но не сделано; это невоплощенный и невоплотимый символ, неисполненное и неисполнимое пророчество.

XII

И таинство брака не сердцем принято, а лишь концом уст. Сердце христианства – Евхаристия – с таинством брака не связано, не связуемо. «Будут два одна плоть», одна кровь в зачатии, в семени, – самая мысль об этом, в таинстве Плоти и Крови, кощунственна.

И опять, «в начале не было так». Именно здесь, в точке Пола, повернулось колесо мира на оси своей, так что верхнее сделалось нижним, святое – кощунственным. Таинство христианское – вне Пола, а языческое, ветхозаветное, от святыни Израильской – обрезания – до Елевзинских половых символов, «неизреченных святынь»,

ἄρρητα

, насыщено Полom.

С посвящаемым в мистерию мистом Эрос делает то же, что Серафим – с пророком:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверзтую водвинул.

В самом Боге пылает этот «неугасимый огонь»,

ἀκάματον πῦρ

, «разжигающий всякую жизнь» (*Шеллинг*).

«Бог твой, Израиль, есть огонь поядоющий». И доныне, сколько бы мы ни заливали его слезами покаяния, горит в нашей крови божественный уголь Пола, и рдеет рдяным огнем его

вся наша кровь. И доныне совершается мистерия Пола: завеса стыда над каждою четою любящих – завеса Елевзинского святилища.

XIII

Недаром Гераклит, единственный из древних философов, посвященный в мистерии, говорит на языке троичном и половом, половом и троичном вместе. Именно здесь, в божественной тайне Пола, Троице, и открывается Гераклиту тайна всех таинств:

τὸ ἀντίξουν συμφέρον

, «противоборствующее – соединяющее», противоположное – согласное. Соединение двух противоположных начал в третьем – «все противоположности в Боге,

ἐν Θεῷ τὰναντία ἅπαντα

– Гераклитова Троица и есть не что иное, как соединение Двух Полов.

И это сам Гераклит знает: «Природа льнет к противоположному и из него извлекает некое созвучие (гармонию)... Так сочетала она мужское с женским» (*Fragm.*, 10). Два противоположных начала, два пола, «соединяются в действии, как противоположные части лиры и лука» (*J. Gérard. Le sentim. relig. en Grèce*, 232).

Это и значит: все в природе натянуто, напряжено половым напряжением (*Spannung* Шеллинга), как тетива на луке и на лире струна. Так, гераклитовский антиномизм или, точнее, **анантиизм** (от слова ἀναντία, «противоборствующее», «противоположное») есть не что иное, как **тринитаризм**, троичность, а тринитаризм – не что иное, как преломленный в философском мышлении религиозный **сексуализм** – половая насыщенность, напряженность древней мистерии. В мире Пол – в Боге Троица.

XIV

Между двумя полами, или, как мы теперь сказали бы, электрическими полюсами, зажигается божественная искра любви – гераклитовская «молния – кормчий всего». «Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мат. XXIV, 27). А по слову Гераклита: «Все огонь, когда придет, рассудит и возьмет себе. – Суд мира и всего, что в мире, через огонь» (*Fragm.*, 63–65). – «Огонь пришел Я низвесть на землю», – говорит и Сын Человеческий (Лук. XII, 49).

Вот такая гроза любви собирается в мире и в Боге.

XV

Бог любит мир, как Отец – Сына? Да, но и как Жених – Невесту. Недаром первые слова любви на земле прошептаны четою любящих. И на небе огненные духи, Серафимы, «целые созвездия», горят любовью брачною, влюбленностью; и закон мирового тяготения, правящий солнцами, – та же любовь.

Amor che muove Sol e l'altre stelle.

(Dante)

Франциск Ассизский, *Pater Seraphicus*, и наш Серафим Саровский знают о рдеющих углях, огненных розах этой любви.

XVI

Пол есть божественная в человеческом теле Троичность, двуострый меч Господень в сердце нашем, Тайна Двух. Пол есть первое, изначальное, кровнотелесное осязание Бога Троидного.

Вот почему и в Завете Отчем, в язычестве, все начинается с Пола. Полом облечен, как девственной пленкою цветочной завязи, еще нераспустившийся цветок Божественного Трилистника.

XVII

Между Единицей-Личностью и Обществом-Множеством умножающий, рождающий Пол – как перекинутый над пропастью мост. Мост провалился, и пропасть зияет: на одном краю – безобщественная личность – индивидуализм, а на другом – безличная общественность – социализм.

Социализм и сексуализм: в нашей мнимохристианской современности – атеистический социализм, а в языческой древности – религиозный сексуализм – две равные силы; одна разрушает, другая творит.

XVIII

Существо социализма – безличное и бесполое, потому что безбожное. «Пролетарии», «плодущие» – от латинского слова proles, «потомство», «плод». Телом плодущие, а духом скопцы; не мужчины, не женщины, а страшные «товарищи», бесполое и безличные муравьи человеческого муравейника, сдавленные шарики «паюсной икры» (*Герцен*).

XIX

Как глубоко наше скопчество, видно из того, что в нем согласны все индивидуалисты и социалисты, буржуа и пролетарии, верующие в Бога и безбожники. Как нам понять, что такое божественный Эрос, когда вместо Афродиты Урании – у нас «Елена Прекрасная», а вместо Елевзинского храма – публичный дом?

Мы убили Пол и мертвое тело спрятали в подполье: вот почему у нас в доме такой тлетворный дух.

XX

Тайна Одного – в Личности, тайна Двух – в Поле, а тайна Трех в чем?

Три есть первый численный символ Множества – Общества. «Tres faciunt collegium. Трое составляют собор» – общество. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них». Он Один среди Двух – в Поле, среди Трех – в Обществе.

Или, говоря языком геометрии: человек в одном измерении, в линии – в движущейся точке личности; человек в двух измерениях, в плоскости – в движущейся линии пола, рода, размножения; и человек в трех измерениях, в теле человечества – в движущейся плоскости общества: Я, Ты и Он.

Как легко начертить, но как трудно понять эту схему Божественной Геометрии. Не отвлеченно-умственно, а религиозно-опытно понимается она только в «четвертом измерении», в метагеометрии.

XXI

От начала времен путь человечества есть путь к божественному Обществу, Царству Божьему. «Да приидет царствие Твое» – эта молитва была в сердце людей прежде, чем на устах.

От Египта и Вавилона до Рима, от Рима языческого до христианского, – всемирная монархия есть всемирная теократия. Царем может быть только Сын Божий – это уже знают и язычники. Но человек, не солгав, не может поверить сам и заставить верить других, что он – Сын Божий – Бог. Это значит, что во всемирной «теократии-монархии» – царство Божие, божественное Общество, зиждется на лжи человеческой. А где ложь, там и насилие, убийство, война. Всемирная монархия – война всемирная, – империализм.

«Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники. – Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить, Я есмь Пастырь добрый и жизнь Мою полагаю за овец. – И будет одно стадо и один Пастырь» (Иоан. X, 8 – 16). Один Царь – Христос.

«И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. – И распяли Его. – Пилат же написал и надпись на кресте: Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Иоан. XIX, 14–21).

И доныне Царь висит на кресте, и люди говорят Ему: «Сойди с креста!»

XXII

Если вся языческая теократия – только тень без тела, то вся христианская – тень от тела Распятого. Слепые овцы в язычестве смешивали Пастыря с волком; но то же делают и в христианстве овцы зрячие. Пастырь Добрый мог бы сказать и сейчас: все, сколько их ни приходило *после* Меня, суть воры и разбойники.

Не исполнилось царство Божие и в христианстве, так же как в язычестве. Здесь, в христианстве, личность без пола; там, в язычестве, пол без личности. А только тогда, когда исполнится тайна Одного и тайна Двух – Личность и Пол, исполнится и тайна Трех – Общество.

XXIII

Царства Божьего искало человечество и не нашло. Но, если еще не до конца пусты опустошенные нами слова: «прогресс», «цивилизация», то все, что в них есть, найдено человечеством только в поисках Града Божьего, божественного Общества. Все земные цветы расцвели в этих двух тенях от тела Распятого, христианской и языческой.

XXIV

По смутным воспоминаниям христианским мы знаем, что такое личность; по воспоминаниям языческим, еще более смутным, мы знаем, что такое пол; но мы уже совсем не знаем, что такое Церковь – Царство Божие – божественное Общество.

XXV

Я чувствую себя в теле своем: это корни Личности; я чувствую себя в другом теле: это корни Пола; я чувствую себя во всех других телах: это корни Общества.

Два первых чувства мы знаем, но не знаем третьего, потому что не вовнутрь живого тела нашего уходят корни Общества, а куда-то вовне, в бездушную материю человеческих «масс».

XXVI

«Будут два одна плоть», – только ли о брачной любви это сказано? Нет, как два, так и все будут одна плоть, одна кровь в таинстве Плоти и Крови, в тайне Церкви – Царства Божьего – божественного Общества. «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – и Я в них» (Иоан. XVII, 21–26).

XXVII

«Коммунисты идут умирать с хохотом». Нет, не умирать, а убивать. На убийство, братоубийство, идут «революционные массы», черные толпы в красном зареве. «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Бросались друг на друга, кололи и резались, кусали и ели друг друга» (Сон Раскольникова). – «Все будут убивать друг друга» (вавилонская клинопись).

Все тела сплелись, как в свальном грехе, в одно страшное тело – *Оно*.

Побежало тесно, тучно,
Многоликое Оно.
Упоительно – и скучно,
Хорошо – и все равно...
Жадны звонкие копыта,
Шумно, дико и темно;
Там веселье с кровью слито,
Тело в тело вплетено.

И все – одна плоть, одна кровь. Так опрокинуто в дьявольском зеркале таинство Плоти и Крови.

XXVIII

Русский коммунизм с антропофагией ничего не значат для всемирного «прогресса» и всемирной «цивилизации»? Нет, кое-что значат.

Не захотели есть Плоть Его, пить Кровь Его, и будут есть свою собственную плоть, пить свою собственную кровь. В Интернационале, новой «церкви вселенской», новое таинство – Антропофагия.

XXIX

Да, может быть, все человечество окажется «неудачно отлитую, без ушка, оловянную пуговицей», и скоро придет за ним Пуговичник с плавильною ложкою. Может быть. Но даже если только в тайниках подземных кто-то будет шептать: «Да приидет царствие Твое!», то и тогда еще надежда не будет потеряна.

Мир никогда еще так не погибал, как сейчас; но, может быть, никогда еще и не был так близок к спасению. Он весь – под знаком атеизма. Это мертвая вода, а мир жаждет живой. «Как жаждущему снится, будто он пьет; но пробуждается, и вот, он томится, и душа его жаждет, так будет и множеству всех народов» (Ис. XXIX, 8).

Можно ли судить по силе жажды о близости воды? В религии можно. Никогда еще человечество не жаждало так, как сейчас. Припало ухом к земле и слушает, не зажурчат ли воды. Еще не там, где надо, слушает, но, может быть, уже близко воды журчат.

XXX

Три Парки свивают три нити судеб человеческих – Личность, Пол и Общество. В одном узле три нити вместе связаны и только вместе развяжутся.

Три Старца где-то все еще молятся: «Трое Вас, трое нас – помилуй нас!»

Три на небе, три на земле: это и значит: земля спасется небесною тайною Трех.

Письмо в бутылке

I

Лет двадцать назад, накануне первой русской революции, я поставил вопрос о тайне Трех. Вот что мне ответил тогда великий религиозный мыслитель нашего времени, покойный Василий Васильевич Розанов.

«В круге Иисусо-теизма вопрос Мережковского не находит никакого ответа, или получает ответ резко отрицательный. Но в круге Три-Ипостасного исповедания Церкви вопрос находит полное и удовлетворительное разрешение».

И далее, в самом ответе, вопрос углубляется. «Церковь, в отношении к Отцу, ничего не сделала... Она, правда, говорит: „Творец мира“, „Промыслитель“, но это отвлеченные предикаты... В согласии ли дети Божии – Мир-Дитя и Иисус-Дитя?» Нет, не в согласии, отвечает Розанов: «Евангелие вообще не раздвигается для мира, не принимает его в себя. Мир за переплетом небесной книги... Вопрос Мережковского мы разрешить не можем, и только можем подготовить условия к его разрешению» (**В. Розанов**. Темный лик, 261–262).

Но как подготовить и где? В христианстве или вне христианства, с ним или против него? Розанов не отвечает на этот вопрос, может быть, потому, что ответ для него слишком страшен. Ведь если, в самом деле, мир – откровение Отца – не вмещается в Евангелие – откровение Сына, то не значит ли это, что в самом Боге есть два начала несоединимых? Но зачем же тогда говорить о «Три-Ипостасном исповедании» – о соединении двух начал в третьем – Отца и Сына в Духе?

II

Существует закон откровений троичных, по которому каждое предыдущее исполняется в последующем: откровение Отца – в Сыне, Сына – в Духе, Духа – в Троице.

Мир древний – между Отцом и Сыном, новый – между Сыном и Духом. И ныне происходит такое же, как тогда, передвижение Эонов во всемирной истории, неземных Вечностей в веках земных; и ныне мир томится томлением смертным, задыхается в смертном удушии, как бы в щели между двумя Эонами – Сына и Духа. Эти два жернова мелют нас, как зерно, да будет пшеница Господня.

III

Тайна Трех не откроется людям без откровения Божьего. Но Божье откровение есть и открытие души человеческой. «Как летний дождь сойду на них, как роса – на скошенный луг, говорит Господь». Откровение Божие сходит с неба на землю вечными росами. А если и под ними душа остается пустою, то потому что опрокинута, как чаша, вверх дном. Надо перевернуть душу. Вот настоящий переворот, «всемирная революция», уже не во имя «Интернационала», а во имя Христа.

IV

Царствие Божие кажется нам таким далеким, что ныне уже и верующие повторяют почти мертвыми устами: да приидет царствие Твое. А разве социализм – царство человеческое, близко? Сейчас многим кажется, что до него рукой подать. Но беда в том, что нас отделяет

от него узенькая речка крови; одно имя ее: Всемирная Революция, а другое, судя по русскому опыту: Антропофагия.

V

Нет, дело вовсе не в дальности или близости, а в верности пути. Если наш путь неверен, и мы заблудились окончательно, бредем впотьмах, ощупью, то каждый шаг может привести нас к пропасти.

Только что Европа едва не погибла в первой всемирной войне, и вот уже готова начать вторую. Ничего не изменилось после войны, или изменилось к худшему. Никогда еще не правили миром такие ничтожные мерзавцы, как сейчас. Я говорю не только о русских правителях.

Да, царство Божие далеко; не скоро лев ляжет рядом с ягненком; но каждый сделанный шаг приближает нас к этому или удаляет от этого. Надо же знать, наконец, куда мы идем. Как же не остановиться, не оглянуться назад?

VI

Эта книга есть взор, обращенный назад, далеко назад, до начала времен, потому что там начался тот всемирно-исторический путь, с которого мы так внезапно свернули в сторону.

Назад, к незапамятной древности, обращен не только мой взор, но и воля моя. Что это, «реакция»? Так скажут многие. Пусть. Кто, кроме русских и всемирных мерзавцев, знает сейчас, где «реакция» и где «революция»?

VII

«Тогда силы небесные поколеблются». Силы земные уже поколебались: все падает, рушится, земля уходит из-под ног.

Вот от чего я бегу в древность. Там твердыни вечные; чем древнее, тем незыблемей: римское железо, эллинские мраморы, вавилонские кирпичи, египетские граниты зиждутся на одном-единственном, в основании мира заложенном Камне. «Камень, который отвергли строители, делается главою угла».

VIII

Эта книга – путевой дневник. Я побывал в далеких странах, прошел непроходимые пустыни, где спят очарованным сном святые развалины, обломки святых чудес.

«Я поцеловал землю Египта, в первый раз вступив на нее, столь желанную» (*Champollion le Jeune. Lettres d’Egypte*, 1833). О, если бы и мне поцеловать ее, я заплакал бы от радости, как изгнанник, вернувшийся на родину!

IX

Запад – чужбина, Восток – родина. Солнце зашло на Западе, и наступила ночь. «Сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Ис. XXI, 11–12). Еще темен Запад – и не просветлеет, пока не увидит Свет с Востока.

X

Странная книга, почти невозможная, потому что написанная с точки зрения почти невозможной.

Не иметь земли своей почти то же, что не иметь своего тела. Я пишу по-русски, а России нет. Странно, почти невозможно, писать на языке страны, которой нет.

XI

А может быть, в этом и мое преимущество. Я умер заживо и вижу то, чего не видят живые.

Стою над пропастью, куда провалилась Россия, тысяча лет русской истории. России нет – и нет для меня ничего. Умом я знаю, что есть, но сердцем чувствую, что нет ничего. У самых ног моих – пустота, провал, а за ним – страшная даль, до края небес, до начала и конца времен, до «Атлантиды» и «Апокалипсиса». Там, внизу, на дне провала, копошится муравейник нынешний, но уже ничто не заслоняет от меня седых исполинов древности, снеговых вершин человечества.

О, вы, имеющие землю свою, тело свое, не завидуйте этой страшной русской всемирности! Достоевский воспевал ее. Но знал ли он, знаем ли мы, что это, гибель или спасение?

Седые исполины древности, народы Востока, за что я вас так полюбил? Не за то ли, что моя Россия с вами умерла и с вами воскреснет?

XII

Россия – лицо Востока, обращенное к Западу. Лицо ее окровавлено, оплевано, попрано стопами Запада. Недвижно, как мертвое; очи закрыты, и уже многие радуются, что ворон выклевал их.

А что, если откроются и заглянут в очи Запада? Каким взором обменяются они, какою молнией? Не это ли решит судьбы Востока и Запада?

XIII

Спасем ли мы себя или погубим нашею всемирностью, мы еще не знаем, но уже твердо знаем, что погубим или спасем не только себя.

В конце прошлого века, на юге России, в Днепровских плавнях, целая община страшных русских сектантов буквально закопалась в землю, погреблась заживо, в неимоверном ожидании наступающего конца мира и Второго Пришествия. Вот что говорит об этом Розанов: «Эта смерть есть, может быть, самое ужасное, и самое значительное событие XIX века, куда важнее наполеоновских войн!.. Такой народ, со способностью такого восприятия, такого слышания, – если этот святой народ услышит настоящее живоносное слово, повернет около себя весь мир, как около солнца вертится земля» (*Розанов. Темный лик*, 136).

Что это, мания величия, гордыня отчаяния? Но вот уже не маленькая община безумных сектантов, а целый народ, сто пятьдесят миллионов людей закопались в землю, погреблись заживо, в неимоверном ожидании какого-то «Второго Пришествия». Этому здесь, в Европе, еще никто не верит, этого никто еще не знает, или не хочет знать. Но это уже, в самом деле, такое событие всемирной истории, что около него может повернуться весь мир, как земля вертится около солнца. А какое оно, это солнце, черное или белое, это уже другой вопрос.

XIV

Много лет назад протоиерей о. Устинский, один из самых вещей и мудрых людей, каких я встречал в моей жизни, подарил мне православный русский образ Пресвятой Троицы. Я долго хранил его; не знаю, цел ли он сейчас на моей разоренной петербургской квартире, и жив ли

сам о. Устинский. Если жив, то пусть эти строки дойдут до него и скажут ему, что я вечно храню в сердце моем чудесный дар его, образ Пресвятой Троицы.

XV

Помню, в раннем детстве, из окон старого петровского дома Баурова, на углу Невы и Фонтанки, у Летнего сада, я любил смотреть на ту сторону Невы, где стоит ветхая деревянная церковка, собор Пресвятой Троицы, заложенный Петром Великим при основании Петербурга.

О. Устинский часто говаривал мне, что Петр знал, или Кто-то знал за него, что он делает, закладывая этот собор.

«Без Троицы дом не строится», – говорит русский народ, и, может быть, за одно это слово можно простить ему все, что он сделал с собой и с Россией, а ведь это простить не так-то легко.

Да, наш русский и всемирный дом построится не без Троицы.

XVI

Я знаю, что и здесь, на темном Западе, последние христиане в подземных тайниках, в новых катакомбах, все еще молятся: да приидет царствие Твое! Может быть, и здесь меня поймут, если я скажу, отчасти как живой европеец, отчасти как русский, умерший заживо, что сейчас русская православная Церковь выше всех церквей и ближе всех к будущей Церкви Вселенской. Только что умер, как великий мученик первых веков христианства, петербургский митрополит Вениамин. И по всей России льется сейчас кровь мучеников так, как с первых веков не лилась, а ведь только на этой крови и созиждется Вселенская Церковь.

Прав о. Устинский: Петр знал, или Кто-то знал за него, что он делает, закладывая при основании Петербурга и всей новой России собор Пресвятой Троицы.

XVII

Вот почему, кидая книгу мою – письмо в бутылке – с тонущего корабля в море, я осеняю себя православным – и уже вселенским – крестным знаменем.

Эту книгу, начатую здесь, на чужбине, дай мне, Господи, кончить на родине! Возврати мне землю мою, тело мое! Оживи меня, мертвого!

XVIII

Слава Божественному Трилистнику! Слава Отцу, Сыну и Духу! Слава Пресвятой Троице!

Египет – Озирис

Бегство в Египет

I

«Се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет».

Христианство началось бегством в Египет, и, если христианство не кончено, снова родится Христос в сердцах человеческих, Он снова бежит в Египет.

II

На рубеже Египта, как вечные вехи, возвестительницы тайны его, стоят пирамиды и Сфинкс.

Пирамида, pyramis, по-египетски pir-m-us, значит «исхождение из земли», «восстание мертвых», «воскресение». И заглавие Книги Мертвых – книги египетской по преимуществу – Pir-m-hagu, «Исхождение в свет» – из мрака смерти в свет Воскресения.

III

А египетское имя Сфинкса – Hor-Harmakhitu, «Бог солнца восходящего», или Chepra, «становление» (Werden), «исхождение из небытия в бытие», «Воскресение».

Вот почему на краю пустыни, царства смерти, Сфинкс подымает голову, чтобы первому увидеть воскресное солнце.

IV

Когда Матерь с Младенцем бежала в Египет, то, утружденная дневным путем, не отдыхала ли под сенью пирамид, у подножия Сфинкса? Не чернели ли над Ними, над Младенцем и Матерью, в звездном небе треугольники вечных гробниц? Не улыбался ли Им каменный лик Бога-Зверя?

V

Incipe, parve Puer, risu cognoscere Matrem!

«Мать Свою начни узнавать с первой улыбкой, Младенец!» – вот мессианское пророчество Вергилия.

Улыбка Младенца – улыбка Сфинкса: тайна обоих одна. Только и ждал Его весь Египет, только и думал о Нем, о Боге, пришедшем на землю, чтоб умереть и воскреснуть.

VI

Каждый народ велик тем, что находит. Что нашел Египет? Бога.

«Египтяне – благочестивейшие люди», – свидетельствует Геродот.

«Почти весь мир научили они поклоняться богам, и мы знаем, что боги обитали и доньше обитают в Египте», – говорит один язычник-эллинист IV века по Р. Х. «Наша земля – всего мира святилище», – говорит Гермес Трисмегист.

«Святой Египет» – родина Бога, Божья земля. «Столпы религии сложены были в Египте: это выше, вечнее пирамид» (*В. Розанов*).

Здесь, в религии, первая противоположность наша Египту. Он Бога нашел, мы – потеряли; он сложил столпы религии, мы – разрушили; благочестивейший – он, нечестивейшие – мы.

VII

Если нет Бога, то нет и Египта, и как бы вовсе не было; а если Бог есть, и Бог – все, то есть Египет, и он доньше во всем. В первом случае «самые мудрые из людей» (по Геродоту), египтяне, – сумасшедшие; а во втором сумасшедшие – мы. Но в обоих случаях Египет и мы уничтожаем друг друга и мимо друг друга не можем пройти равнодушно: мы должны возненавидеть или возлюбить Египет, от него или к нему бежать.

VIII

Накануне нашего великого безбожия в Божью землю вошел величайший из нас: первый вошел в Египет Наполеон, и первый понял, что «сорок веков смотрят на нас с высоты пирамид». Больше, чем сорок, – все века от начала мира. Начало мира смотрит на его конец.

IX

«Египта никто не видел, и ты вошел в него первым», – говорит В. Розанов, глубочайший религиозный мыслитель нашего времени, тот, кто написал «Апокалипсис наших дней».

Апокалипсис – конец мира, а начало – Египет. Чем ближе к концу, тем ближе к началу.

В Египте будь... Иди туда за Мной, —

услышал таинственный зов русский пророк, написавший «Повесть о конце мира», Вл. Соловьев («Три свидания»). И пророк европейский, Генрих Ибсен, предсказавший «Третье Царство Духа» в конце времен («Кесарь и Галилеянин»), услышал тот же зов.

Я буду ждать тебя, как обещала, —

поэт Сольвейг в избушке, на севере («Пэр Гюнт»). И после этого: «В Египте. На утренней заре. Полузасыпанный песками колосс Мемнона».

Пэр Гюнт: «Вот здесь мой путь начать мне будет кстати!»

Здесь, в Египте, начинается путь к Третьему Царству в конце времен.

X

Апокалипсис предсказывает «тысячелетнее царство святых» на земле, царство мира, конец всех войн в конце времен, а в начале их, в Египте, уже дан прообраз этого царства.

От III династии до IV (3300–2400 гг. до Р. Х.), в продолжение тысячи лет, мир в Египте не нарушается ничем, кроме немногих походов на полудиких кочевников Синайского полуострова.

Если даже столетие римского мира, рах гомана, кажется нам чудом неповторяемым, счастьем единственным за память человечества, то какое же чудо тысячелетний мир Египта!

XI

В одной египетской надгробной стенописи изображена спелая жатва и жнецы с серпами, а рядом надпись: «Вот жатва. Трудящийся кроток».

XII

Избыток сил, расточаемых другими народами на войны, здесь, в Египте, уходит на мирный труд. И если египтяне «сотворили больше чудес, чем все прочие люди» (*Геродот*), то все эти чудеса – непревзойденное ваяние, живопись, зодчество, мудрость, и легкость, и крепость жизни – суть чудеса мира. Только под этим безоблачным солнцем мог созреть Египет, плод земли небесно-сладостный.

XIII

«Кротко было сердце мое и незлобиво, и боги за то даровали мне счастье на земле», – говорит один умерший в надгробной надписи, и это мог бы сказать о себе весь Египет.

XIV

Первый фараон первой династии, Менес (4000–3500 лет до Р. Х.), изменил течение Нила в Верхнем Египте исполинскою плотиною. Она существует доныне (Qosheisch) и доныне распределяет воды Нила, благодетельствуя край. Так, через шесть тысяч лет, люди чувствуют благодать Менеса. Имя его забыто, а имена Александров и Цезарей памятливы; но что больше – гремящие славы их, или тихая слава Менеса?

XV

Я умножил пшеницу, возлюбил бога ячменного,
Не было при мне ни голодных, ни жаждущих,
Люди жили в мире и в милости, —

вот чем славит себя фараон Аменемхет I (XII династии) и тем же – Рамзес III (XIX): «Я заставил во дни мои пехоту и конницу мирно сидеть по домам; и мечи, и луки в кладовых моих лежали, праздные».

А вот слава Амена, древнего областеначальника: «Ни один ребенок не был обижен при мне».

Слава эта заглохнет в веках: не поймут ее ни Ахиллес, ни даже «кроткий» царь Давид. Солнце мира закатится в Египте и уже не взойдет до конца времен.

XVI

В самый канун нашествия страшных азиатских кочевников (Гиксов) фараон Аменемхет III ни о каких войнах не думает и воздвигает дивные здания, орошает пустыни каналами. Гиксы пришли, завоевали и поработили Египет на пять веков.

Чтобы освободиться от варваров, Египет принужден начать войну. Но когда после изгнания Гиксов великий завоеватель Тутмес III соединяет в длани царя весь мир, от Голубого Нила до Евфрата (надпись в Карнаке), то эта миродержавная власть Египта остается непрочною. Кажется, сами победители не очень дорожат своими победами: иногда теряют в один год завоевания веков.

И при первой возможности Египет забывает о войне, как будто воюет нехотя, презирая втайне войну и питая отвращение к железу, «металлу Сэтову»: Сэт, бог войны, – полудиавол.

XVII

История учит Египет войне и все не может научить. После воинственных Тутмесов – Аменофисы мирные, после Рамзеса II, египетского Цезаря, – Рамзес III, тот самый, который хвалится праздностью луков и мечей.

И новые полчища варваров заливают мирный край: ливийцы, ассирийцы, персы, эфиопляне, эллины, римляне – все терзают святое тело Озирисово. Но Египет до конца верен себе: знает, что лучше войны мир. «Мир лучше войны» – это самое египетское и самое мудрое из всех изречений египетской мудрости.

Вот где вторая противоположность наша Египту: мы безбожны и воинственны, он боголюбив и мирен.

XVIII

И, наконец, третья. Мы живем, движемся в бесконечных пространствах, но век наш короток. Пространство Египта ничтожно – клочок земли, как бы точка, но движущаяся по бесконечной линии времени. Мы – пожиратели пространства, Египет – пожиратель времени. Насколько время глубже, таинственнее пространства, настолько дух Египта – глубже нашего.

XIX

Египет – «дар Нила» (по Геродоту), узкая полоска необычайно плодородной земли, речного ила, стесненная двумя пустынями с востока и запада. Береговая линия Дельты, лишенная гаваней, на севере, и Нильские пороги на юге – ограждают Египет, как стенами. Эта огражденность, стесненность, суженность, сосредоточенность земли отразилась такими же свойствами на человеческом духе. Единственная в мире земля создала единственных в мире людей.

XX

Глубокая долина – солнечный угрев, уют – колыбель человечества. «Спуститься» – значит по-египетски «вернуться на родину»: спуститься в долину Нила – лечь в колыбель.

XXI

Весь мир для египтян – «черная и красная земля» – чернозем и песок пустыни. «Черная земля» – Quêmet – название самого Египта. Чернота нильского ила, влажно-блестящая, как живой «Изидин зрачок», и краснота мертвых песков: жизнь и смерть рядом, но не в борениях и бурях внезапных, а в вечном союзе, в вечной тишости.

XXII

Круговорот земных явлений так же неизменно правилен, как круговорот светил небесных.

Из года в год, в один и тот же день, воды Нила начинают расти, постепенно выходят из берегов своих, наводняют поля, сожженные летнею засухой, рожают из смерти жизнь; и в один и тот же день начинают падать, постепенно входят в берега, до нового разлива в новом году. Эти подъемы и падения так ровны и тихи, как дыхание спящего ребенка.

На человеческом духе запечатлелась и эта неизменная правильность, тишина и вечность природы.

XXIII

«Не вечное не истинно», – говорит Гермес Трисмегист. Вечность Египта – вечность истины.

XXIV

Всякая юность на земле ветшает, увядает. Только Египет, «ветхий деньми», цветет вечною юностью.

XXV

Священные египетские книги времен эллино-римских повторяют с точностью пирамидные надписи, бесконечно-древнейшие самих пирамид: это похоже на то, как если бы мы повторяли слова даже не Авраама, а допотопных людей.

И не только священные книги, обряды, верования, но и мелочи быта, выражение лица, движения тела, звуки голоса остаются почти неизменными.

XXVI

По Геродоту, «плачевная песнь Манероса», надгробный плач Изида над Озирисом, воспевается при XXVII династии точно так же как при первой: ни один звук не изменился за три тысячи лет.

В священных изображениях бог Амон поднял правую руку с бичом, младенец Гор поднес палец ко рту, наподобие грудных сосущих детей, – и оба замерли так на тысячи лет, неподвижные.

Но эта неподвижность – не мертвого тела в гробу, а живого семени в земле, или младенца в утробе матери; неподвижность, тишина лучезарного полдня: совершенная жизнь в совершенной тишине; вечная жизнь в вечной тишине.

XXVII

«– Вы стали верить в будущую вечную жизнь?»

– Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно.

– Вы надеетесь дойти до такой минуты?

– Да.

– Это вряд ли в наше время возможно. В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет.

– Знаю. Это очень там верно, отчетливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль.

– Куда же его спрячут?

– Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме» (Разговор Ставрогина и Кириллова в «Бесах» Достоевского).

XXVIII

Вон там, за этим песчаным холмом Хенунзутена-Гераклеополиса, на этой Нильской заводи, из открывающейся чаши голубого лотоса, выходит каждое утро, как в первый день творения, новорожденный младенец, бог солнца, Ра (Ra). И тогда «человек счастлив весь», и «времени больше не надо, время останавливается», и наступает неподвижный миг вечности – «здешняя вечная жизнь».

XXIX

«Первое и главное впечатление наше от всего египетского – невероятное молчание» (*Spengler*). Высшее развитие математики в зодчестве, в проведении каналов, в исчислениях астрономических – и ни одной математической книги; законодательство, которое служит образцом для Римской империи (недаром мечтает Цезарь сделать Александрию столицей мира), – и ни одного законодательного кодекса; бездонная мудрость – и никакой философии.

Здесь опять наша противоположность Египту. Во всем египетском отсутствует наша теория, потому что отсутствует наша механика. Все живо, животное, растительно; но растет, живет, дышит – молча.

Наши пустые бочки катятся с грохотом, а египетские «воды жизни» безмолвно текут. Наш дом валится с треском, а египетская жатва тихо зреет. Мы, болтая, разрушаем, а Египет молча творит.

Вот откуда это «молчание невероятное», бессловесность, безглагольность Египта.

Безглагольна, недвижна
Мертвая страна.

Нет, живая. Чем живее, тем безглагольное.

XXX

Из молитвы Тоту, богу мудрости: «Ты родник в пустыне; ты запечатлен для говорящего, открыт для безмолвного». Из песнопения богу солнца, Амону-Ра: «Шум ненавистен Богу. Люди, молитесь втайне!» Так, в ожидании грядущего Слова, безмолвен Египет.

XXXI

Египтяне живут во времени; но полет его над ними так неслышен, что они его почти не чувствуют: во времени живут, как в вечности.

Вот почему нет у них «истории» в нашем смысле. Самое чувство времени еще не развито, слабо, смутно, как бы притуплено, по сравнению с нашим, столь острым и все заостряющимся к тому последнему острию, когда «времени больше не будет».

XXXII

Египтяне – как бы еще не совсем родившиеся – «недородившиеся» люди. Души их не совсем воплотились, не окончательно выпали в этот мир из того, во время из вечности.

XXXIII

Наш исторический лот, опускаясь в глубину египетской древности, не нащупывает дна. Есть ли вообще дно у этой бездны?

XXXIV

По новейшим исследованиям (*Морган, Масперо*), пирамидный Египет – не начало, а конец и, может быть, упадок Египта древнейшего, допирамидного. Первое явление Египта в истории уже совершенно, и отчасти даже превосходит все явления позднейшие. Развитие Египта доисторическое, по крайней мере, столь же длительно, как четыре тысячи лет египетской истории.

Если так, то не слишком ошибался Платон, уверяя, что египетская живопись и ваяние существовали за 10000 лет до эллинов.

XXXV

У диких туземцев каменного века в Нильской долине не найдено никакого намека на связь их с древнейшим Египтом (*Морган*). Между Египтом пирамидным и каменным веком – *прерыв*.

XXXVI

Явление Египта внезапно: когда появляется он на горизонте истории, круг его закончен, подобно кругу восходящего светила: за чертой горизонта он тот же, что на небе.

XXXVII

Внезапность Египта колеблет все наши понятия о непрерывном и постепенном развитии, так называемой «эволюции» человечества. По этим понятиям, мрак позади, впереди – свет, и человечество движется от мрака ко свету; но вот, движение Египта обратное: от какого-то великого света; и чем дальше назад, тем ярче свет, как будто самый источник его позади. Какой же это свет? Откуда? Что там, на дне непостижимой для нас, головокружительно-бездонной древности?

XXXVIII

Наш лот никогда не нащупает дна; никогда не узнаем мы *принудительно*, – из обезьяньих ли лап вышел человек, или из Божьих рук? Но чем древнее, тем яснее на нем Божий след. След рая – на лицах египтян.

XXXIX

«Вы, эллины, – вечные дети! Нет старца в Элладе. Нет у вас никаких преданий, никакой памяти о седой старине», – говорил Солону Афинянину старый саисский жрец («Тимей» *Платона*). Это беспамятство нового человечества объясняет он всемирными потопами и пожарами, многократно истреблявшими род человеческий; только в Египте их не было, и только здесь сохранилась память о допотопной и доогненной древности.

«Был некогда Остров против того пролива, который вы называете Столпы Геркулесовы: земля, по размерам большая, чем Ливия и Малая Азия, вместе взятые. Этот Остров – *Атлантида*», – сообщает тот же саисский жрец одно из древнейших сказаний Египта. Атланты, жители Острова, были «сынами Божиими» («Критий» *Платона*).

«В те дни были на земле исполины, особенно с того времени, как сыны Божии (Benê Elohim) стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди», – как бы вторит Бытие Египту (IV, 4).

«Когда же божеская природа людей постепенно истощилась, смешиваясь с природой человеческой и, наконец, человеческая совершенно возобладавала над божеской, то люди развратились», – продолжает египетский жрец у Платона. – «Мудрые видели, что люди сделались злыми, а не мудрым казалось, что они достигли вершины добродетели и счастья, в то время, как обуяла их безумная жадность к богатствам и могуществу... Тогда Зевс решил наказать развращенное племя людей» («Критий»).

«И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле... и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков», – опять вторит Бытие Египту (VI, 5–7).

Конец обоих преданий один. Египетский бог Атум говорит: «Я разрушу, что создал: потоплю землю, и земля снова будет водою». – «Воды потопа пришли на землю... и лишилась жизни всякая плоть» (Быт. VI, 10–21). – «Произошли великие землетрясения, потопа, и в один день, в одну ночь... остров Атлантида исчез в пучине морской» («Тимей»).

XL

«Атланты распространили владычество свое до пределов Египта», – сообщает Платон («Критий»). А по Геродоту (II, 181): «Был путь из Фив к Столпам Геркулесовым» – к Атлантиде.

Так в этом древнейшем сказании, может быть, первом лепете человечества, начало нашего мира связано с концом каких-то иных миров. И связь между концом и началом – Египет.

XLI

Если в сказании об Атлантиде нет никакого зерна внешней исторической истины, то зерно истины религиозной, внутренней, в нем все-таки есть: языческая эсхатология начала мира, столь противоположно-подобная христианской эсхатологии конца – Апокалипсису.

XLII

Свет Атлантиды, вот что на дне головокружительно-бездонной Египетской древности – вечности.

XLIII

Что такое Атлантида? Предание или пророчество? Была ли она или будет?

Атланты – «сыны Божии», или, как мы теперь сказали бы, «человекобоги». «Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости – и явится Человекобог» (Иван Карамазов у Достоевского). О ком это сказано? О них или о нас? Не такие же ли и мы – обреченные, обуянные безумною гордыней и жаждою могущества, сыны Божии, на Бога восставшие? И не ждет ли нас тот же конец?

XLIV

Так, медленно склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.

К началу и концу, ибо конец времен совпадает с началом в замыкающемся круге вечности.

XLV

Вот почему: «Египта никто не видел, и ты вошел в него первым». Первым из нас вошел в Египет тот, кто ближе всех к Апокалипсису.

XLVI

И вот почему так двойственно впечатление наше от Египта: бесконечная древность – новизна бесконечная.

XLVII

Мемфис и Гелиополь ближе к будущему, «апокалипсичнее» всех наших современных городов. Каменные иглы обелисков на площадях Константинополя, Рима, Парижа и Лондона – вечные вехи на пути человечества от Атлантиды к Апокалипсису.

XLVIII

Когда в самые черные дни большевистского ужаса, в декабре 1918 года, в нетопленных залах петербургской публичной библиотеки, где замерзали чернила в чернильницах, я просматривал египетские рисунки в огромных томах Бонапартовой Экспедиции, Шамполлиона и Лепсиуса, я ничего не понял бы в них, если бы тут же, рядом со мной, не совершался «Апокалипсис наших дней».

XLIX

Помню, в детстве, под зелено-прозрачным небом морозного дня, над мгlistо-белую далью Невы, опущенные тонким инеем, розово-гранитные лики Сфинксов. С какою жадностью я вглядывался в них! Как хотелось мне знать, что они думают!

И теперь хочется знать, что думают они о том, что сейчас вокруг них происходит. Не прозревают ли каменные очи их дальше всех живых очей в тайну грядущего?

L

Конец Атлантиды, начало Египта – конец первого мира, начало второго; Апокалипсис – конец второго мира, начало третьего, ибо в трех мирах тайна Трех совершается.

LI

Египет – единственный путь к Тайне Трех, это мы поняли. Вот что значит бегство наше в Египет.

Небесная радость земли

I

«Бывают с вами, Шатов, минуты вечной гармонии?.. Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное, я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: „Да, это правда, это хорошо“. Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, – о, тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно, и такая радость. Если более пяти секунд, то душа не выдержит и должна исчезнуть. В пять секунд я проживаю жизнь и за них отдал бы жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически» (Кириллов, в «Бесах» Достоевского).

Ни Кириллов, ни сам Достоевский не подозревают, конечно, что здесь прикасаются к сокровеннейшей тайне Египта.

«Бесноватый» Кириллов находится в средоточии того вертящегося смерча, из которого выйдет русская и, может быть, всемирная революция «Апокалипсис наших дней», «конец мира». Только через этот конец мы постигаем начало мира, через эту бурю «бесов» – божественную тихость Египта.

II

В суточном богослужении, совершаемом в каждом египетском храме и разделенном, подобно нашим церковным службам, на «часы», в первый час ночи, жрец, читающий молитвы над мертвыми, кропит «живой водой из Нуна, небесного Нила, Океана первичного», тело умершего бога, Озирисову мумию, возжигает фимиам, кадит и произносит четырежды:

«Небо с землей соединяется!»

Великая плакальщица (четырежды). На земле радость небесная.

Жрец. Бог грядет. Славьте!

Великая плакальщица (ударяя в тимпан). На земле радость небесная!

В этих словах – весь Египет, потому что он весь небесная радость земли, «минута вечной гармонии».

III

«Чтобы вынести больше, чем пять секунд этой радости, надо перемениться физически». По сравнению с Египтом мы физически переменились, но в обратном смысле: мы выносим эту радость пять секунд, а Египет – пять тысячелетий; мы покупаем ее страшной ценою – неимоверным усилием, безумием, самоистязанием, подвигом, святостью, или, подобно Кириллову, «бесноватостью», а Египет получил ее даром, пришел с нею в мир.

IV

Гомер тоже радуется жизни земной, но как скорбна радость его, как смертна, по сравнению с египетской, больше, чем бессмертной, воскресной!

Ρεῖα ζῶντες

, «легко живущие» боги Гомера как тяжки, по сравнению с египетской легкостью! Те боги только бессмертны, а эти люди побеждают смерть – воскресают.

V

Траурный цвет египтян голубой: цвет смерти – цвет неба.

VI

Надо взглянуться в надгробную живопись и ваяние в Саккара, Бэни-Гассане, Бибан-эль-Молуке, Тэль-эль-Амарне, чтобы не понять – понять мы не можем, – а только увидеть и измерить мерою скорби нашей эту воскресную, небесную радость земли.

VII

«Да будет гробница моя чертогом пиршественным», – говорит умерший в надгробной надписи. И, действительно, он изображается как бы в вечном пиршестве, точно таким, как был при жизни, но в счастливейшей поре ее: увенчанный цветами, умащенный благовониями, восседает он за жертвенной трапезой, обнимает жену свою, смотрит с любовью на детей своих, играющих.

Или в жаркий полдень, сидя в креслах с босыми ногами на коврике, удит рыбу в садовой сажалке, с водяными цветами и травами, под тенью густых сикомор, где «сладостно дыхание северного ветра ноздрям его».

Или охотится в легком челноке, в папирусных чашах нильских заводей, где тучами носятся стаи диких уток, гусей, цапель, ибисов и на согнутых ветром, спутанных стеблях папируса зыблются птичьи гнезда с яйцами и хищный зверек, ихневмон, крадется к ним, а матка над гнездами порхает, стараясь отогнать хищника криком и хлопаньем крыльев.

VIII

Строго-величаво все в этом надгробном искусстве. Но есть и забавное, как в детских картинках.

Вот, в торжественном шествии перед царем-победителем, нубийские пленники ведут редких животных; обезьянка-шалунья вскочила на тонкую, длинную шею жирафа и взлезает по ней, как по стволу дерева; жираф удивлен, но не испуган; а толстогубый негр-ребенок оглянулся на нее, смотрит тоже с удивлением; и кажется, всем троим весело.

Вот во время охоты на диких туров и львов маленький ежик с хитрой мордочкой, тоже охотник, спрятавшись за куст, спокойно лакомится пойманной ящерицей. Так же спокойно важная лягушка с круглыми глазами, сидя в глубокой чаше распустившегося лотоса, смотрит на веселую драку лодочников, старающихся веслами столкнуть друг друга в воду.

Вот стадо переходит реку вброд; пастух несет на плечах сосунка-теленочка, пегого, успокаивая голосом тревожно мычащую матку, а другому сосунку, белому, навесил на шею цветок голубого лотоса вместо колокольчика.

А вот маленький мальчик сосет вымя коровы, отняв его у теленка; тот жалобно мычит; корова обернула голову к нему и лижет его, утешает: не надо жалеть молока – обоим хватит.

IX

Так с человеком вся тварь земная участвует в этой воскресной, небесной радости земли: чем земнее, тем небеснее.

X

И все – родное, милое, как в детстве незапамятном. Смерть – возвращение на родину: всякий «умерший возвращается в ту землю, где боги были детьми; там и ты родился, там вырос и ты, и там же, здоров и невредим, состаришься».

XI

Вот смешной лягушон, с неуклюже растопыренными лапками, прыгает, словно падает, с берега в воду: не такого же ли точно видел я в детстве, в пруду на Елагином острове, под Петербургом, где родился? Вот простая, полевая, желтая, как будто русская, бабочка. Вот кузнечик серенький с торчащей изо рта зеленой былинкою: должно быть, ел и не доел – задремал на утреннем солнце. Вот, на цветущей ветке акации, нахохлившийся, в утренней свежести, птенец. Вот грубо-пестрая, в грубо-зеленой воде, утка, точно деревянная, игрушечная: кажется, свежим лаком и клеем пахнет от нее, как от новых игрушек в детстве; а все-таки живая: сейчас закрикает. А вот и другие птицы, летящие: в них та же грубость, деревянность, игрушечность вместе с тонкостью, духовностью, как бы певучестью, красок; кажется, слышишь пение, щебетание птиц, ярко-весеннее.

XII

Все вообще растения и животные изображаются с таким «натурализмом», что современные естествоиспытатели легко определяют породу каждого. Но египетский натурализм не наш.

«Все что у вас, есть и у нас», – открывает у Достоевского черт Ивану Карамазову тайну загробного мира, но открывает не совсем. В том мире – то же, что в этом; но то да не то, или так да не так – и в иной категории, в ином измерении, в свете ином.

Вот почему мерцает в искусстве Египта нездешний, таинственный луч того света на всем: все сквозь смерть; этот мир сквозь тот. «Натурально» и необычайно до ужаса, до того, что надо перемениться физически, чтобы выдержать больше, чем пять секунд этого радостного ужаса.

XIII

«Если не обратитесь и не станете, как дети»... Но египтянам и «обращаться» не надо.

«В сиянии младенца есть ноуменальная святость, как бы влага потустороннего света, еще не сбежавшая с ресниц его» (**В. Розанов**). Вот эта-то влажная, как бы сквозь слезы радости, улыбка – на всем египетском. Ни плача, ни смеха, а только улыбка – след рая.

XIV

Может быть, в искусстве Египта для нас всего удивительнее ежесекундное и тысячелетнее внимание, любопытство неутолимое все к одному и тому же: ползущий навозный жук, Скарабей; вздувшееся от яда горло очковой змеи, Урея; распускающийся лотос; раскинутые крылья парящего сокола – образы эти, повторяясь бесчисленно в иероглифах, живописи, ваянии, зодчестве, остаются вечно новыми.

Наш глаз, если смотрит слишком долго, перестает видеть, утомляется; глаз египтян неутомим, ненасытим: чем дольше смотрит, тем больше видит. Человек всему удивляется, как в первый день творения; говорит всему, как Бог: «Да, это правда, это хорошо».

XV

В живописи и ваянии, на стенах Тэль-эль-Амарнских гробниц, бог Атон, Круг Солнца, простирает с неба к земле прямые, тонкие, длинные лучи, и каждый луч кончается детской ручкою. Ручки ласкают голое тело фараона Ахетатона Уаэна, «Сына Солнца Единородного», и царицы, супруги его, и шести дочерей; или, даруя ноздрям их дыхания жизни, держат маленькие, с рукоятью, крестики животворящие, ankh.

На одном изваянии детские пальчики нежно прильнули к стану царя, между чревом и персями; на другом, еще нежнее, обняли тело царицы, под правым сосцом, и голову, сзади, у затылка, и спину. В этих солнечных ручках-лучиках – теплота весенняя, материнская ласковость. И недаром именно здесь, в гробах, изображается солнце животворящее. Тайна солнца – любовь, тайна любви – воскресение: вот глубочайшая мысль Египта.

XVI

Солнце, сердце мира, благодно; теплота его – благодать, свет его – прелесть; прелесть и благодать в солнце, в сердце мира – одно.

XVII

Эти два понятия, столь для нас различные, на языке египтян выражаются одним словом: nofert, «прелесть-благодать», и в письме, одним иероглифом: «любня» —

Существо мира – nofert, музыка, лад, вечная гармония – «прелесть-благодать» вечная.

XVIII

Один излюбленный образ повторяется в египетском искусстве особенно часто: девочка-подросток, лет тринадцати, плясунья-певица, с любнею, nofert; худенькое, гибкое, как стебель водяного цветка, смугло-янтарное тело, смугло-розовые кончики острых сосцов, полудетских, полудевичьих, вся нагота прозрачно сквозит сквозь струйчатые складки тончайшего «царского льна», «тканого воздуха». Лицо дико-стыдливо и задумчиво, нет улыбки на губах невинно-сомкнутых, но вся она – улыбка божественной прелести-благодати.

Сладкая, сладка ты для любви.
Сладкая, сладка ты для царей,
Сладкая, сладка ты для мужей.
Царица любви между женами,
Дочь царей, сладка была в любви...

(Надгробная надпись)

XIX

В гранитном саркофаге Аменофиса II найдена веточка мимозы на сердце усопшего: нежные листики-перушки «не-тронь-меня» должны ответить трепетом на трепет воскресающего сердца.

Вот что значит египетская прелесть-благодать; вот в чем тайна египетской «магии». Ибо что такое магия вечная, неложная, как не одоление закона естества – смерти – иным законом, высшим, сверхъестественным, – любовью воскрешающей?

XX

«Он любил несчастного и тихо с ним говорил, пока слезы не переставали сжимать горло его. Он старался быть улыбкой плачущих», – сказано в одной египетской надгробной надписи. О, воистину, тот умерший, о ком это сказано, «не увидит смерти вовек», по слову Господа!

XXI

Нет, не тщетной была египетская магия. Воскрешение мертвых здесь, в Египте, *в самом деле, начато*. То, что мы знаем, видим воочию, египетскую жизнь времен домоисеевых, лучше, чем жизнь наших предков, за триста – четыреста лет, не похоже ли на чудо «воскрешения»?

Когда ученые, производившие раскопки в 1891 году, в Деир-эль-Бахари, около Фив, нашли нетленные тела Тутмесов, Рамзесов, Аменофисов, – «мне случалось распеленывать мумии: тело их было почти мягко» (*Маснепо*), – то это было так похоже на чудо, что сначала никто не поверил.

На песке гробниц иногда сохраняется след, оставленный ногою последнего человека, покинувшего гробницу за четыре-пять тысяч лет.

В могиле Изинкебы, царицы XX династии, найдены плоды похоронной тризны, такие свежие, что виден был след прикасавшихся пальцев, на мякоти фиников.

А в другой гробнице пчела запуталась в вязи цветов, обвивавших тело умершего; цветы едва потеряли весенние краски, и пчела сохранилась, почти нетленная, только со сломанным кончиком одного из крылышек.

XXII

Еще в другой усыпальнице, в Долине Царей, Бибан-эль-Молуке, у Фив, найден сосуд с медом почти жидким, благоухающим. Когда сняли крышку с сосуда, то залетела в гробницу оса, привлеченная медовым запахом, и жадно зажужжала над горлышком; надо было отогнать ее платком, чтобы не полакомилась медом, собранным пчелами с цветов Фиваидских долин, за три тысячи лет.

XXIII

«С египетских рисунков каплет мед» (*В. Розанов*).

Сладкая, сладка ты для любви...

Мед каплет со всего Египта, сладчайший мед Воскресения.

XXIV

«Ваятели», «художники», по-египетски *seepesh*, «оживители», «воскресители».

XXV

Их слава – не наша. Величайшие создания, только что родившись, выйдя на свет, погружаются во тьму гробов: потухают краски, исчезают облики во тьме, и уже не наше солнце озарит их, увидят не очи живых.

XXVI

Нашей красоты самодовлеющей, «искусства для искусства» не знают египтяне. Не красоты ищут они, а большего, и красоту находят попутно. «Ищите царствия Божьего, и прочее приложится вам». Этого они еще не слышали, но уже исполнили.

XXVII

Искусство их больше, чем искусство, и даже больше, чем жизнь: источник жизни – религия. Это – самое религиозное из всех искусств.

XXVIII

Чтобы это понять, стоит только сравнить его с искусством эллинским. Эллина начали тоже не с красоты, а с большего; но когда изменили большему, то и красоту потеряли. Эстетизм-атеизм эллино-римский опустошил искусство и доныне опустошает.

XXIX

Безбожным и смертным, смерть утверждающим, было возрождение эллино-римской древности, духовное начало современной Европы; возрождение древности египетской, если только суждено ему совершиться, будет религиозным и воскресным.

XXX

У каждого человека есть то, что у египтян называется *Ka* и для чего у нас нет слова: то ли «двойник», то ли платоновское

εἶδωλον

«образ-видение», то ли «душевное тело» апостола Павла, или «астральное тело» наших современных оккультистов.

Пока человек жив, невидимое *Ka* следует за ним неотступно, как тень; а когда он умирает, оно отрывается от него насильственно, мучительно; тоскуя, блуждает в пространствах, хочет вернуться, ищет его и не находит; а когда найдет, то «тело душевное» снова соединится с физическим, и человек воскреснет.

Надо помочь *Ka* в этих поисках, навести его на след. Это и делают изображения умершего в надгробной стенописи и ваянии. Сходство с изображаемым должно быть самым точным, портретным, но не внешним, а внутренним, отражающим все, что в человеке особенно,

неповторимо, незаменимо, единственно, *лично*, и потому вечно, достойно вечности – воскрешаемо. Этим-то сходством, как бы божественным запахом личности, привлекается *Ka*, «астральное тело» к телу физическому, как та залетевшая в гробницу оса привлечена была медовым запахом.

XXXI

И не только у человека, но и у всей твари, – животных, растений, даже бездушных предметов, одушевляемых человеческой близостью, как бы надышанных, напитанных запахом человеческой личности, – есть *Ka*, «астральное тело» и лицо.

Все эти лица должны быть изображены с такою же портретною точностью, как лицо человека, для того, чтобы вместе с ним воскреснуть. И все они, эти нечеловеческие лица и личики, как малые цветы великого луга, заманивают *Ka* к тому последнему божественному цветку человеческой личности, который расцветет под солнцем Воскресения.

XXXII

Так все искусство Египта пронизано единой волею воскресною; все оно – уже не искусство, не созерцание, а делание, величайшее из человеческих деланий – «воскрешение мертвых», подлинная «магия», животворящее солнце божественной «прелести-благодати».

Для того-то и сходит искусство во тьму гробов, чтобы там, во тьме, зажечь это солнце.

XXXIII

Вот почему египтяне первые создали *портрет*, увидели и поняли лицо человека.

Сфинкс, может быть, древнее пирамид. Если так, то это вообще древнейшее из всех созданий человеческих. В лице Сфинкса – первое явление человеческого лица; и уже в этом первом явлении, так же как в последнем, окончательном, в лице Сына человеческого, исполненная Тайна Трех, тайна Воскресения, связана с тайною Личности, тайною Одного.

Как же не сказать, что египтяне уже знали *все* и что источник знания – свет – для них позади?

XXXIV

«– Ты – художник?

– Художник.

– Хорошо. Нарисуй с меня портрет. Я, может быть, скоро умру, детей у меня нет; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь нарисовать такой портрет, чтобы был совершенно, как живой?»

Художник начинает писать, и портрет выходит, «как живой»; особенно живы глаза. Но, по мере того как они оживают, в душе его рождается «такое страшное отвращение, такая непонятная тяжесть... что он наконец бросил кисть и сказал наотрез, что не может более писать... Надобно было видеть, как изменился при этих словах страшный ростовщик» (заказчик портрета). Он упал ему в ноги и «молил кончить портрет, говоря, что от этого зависит судьба его и существование в мире; что уже он тронул своею кистью его живые черты; что, если он передаст их верно, жизнь с сверхъестественною силою удержится в портрете; что ему нужно присутствовать в мире». Художник «почувствовал ужас от таких слов: они показались ему до того странны и страшны, что он бросил и кисть и палитру и бросился опрометью вон из комнаты» («Портрет» *Гоголя*).

XXXV

Каждый раз, как я смотрю на глаза Рахотепа, чье надгробное изваяние найдено в Медуме, в Нижнем Египте, и хранится в Каирском музее («Рахотеп и Ноферта»), мне вспоминается «Портрет» Гоголя. Лучше, чем его словами, нельзя передать впечатление от этих глаз. «Невыносимые, страшные глаза». «Это были живые, это были человеческие глаза. Казалось, как будто они вырезаны из живого человека и вставлены сюда», – в полотно портрета или в камень изваяния. «Глядит! Глядит!» – хочется вскрикнуть и попятиться, как та женщина из уличной толпы, которая нечаянно увидела портрет, или тот приятель художника, который испытал на себе заключенную в портрете «нечистую силу»: «Ну, брат, состряпал ты черта!»

XXXVI

Вся разница в том, что у Гоголя – черт, нечистая сила, черная магия; а здесь, в Египте, – Бог, сила святая, магия белая. И Гоголь только мечтает о том, что *может быть*; а в Египте это, действительно, *было* – было, есть и будет, если был, есть и будет Воскресший Человек, Христос.

XXXVII

Рахотеп – современник царя Снофру, IV династии (около 3000 лет до Р. Х.), а наследник Снофру, Хеопс (*Chufu*), построил большую пирамиду Гизехскую. Кажется, в глазах Рахотепа – та нечеловеческая сила, которая воздвигла это величайшее строение на земле.

XXXVIII

Пирамида Хеопса – два миллиона триста тысяч каменных глыб, по две с половиною тонны каждая, величайшая тяжесть, когда-либо вознесенная руками человека, и легкая веточка мимозы на сердце усопшего: одна и та же сила – воля к воскресению – и в этой тяжести, и в этой легкости.

XXXIX

«Я не буду описывать, потому что одно из двух: или слова мои не выразят и тысячной доли того, что нужно сказать; или же, если бы я дал только самый бледный и слабый очерк, меня сочли бы за человека восторженного, может быть, даже за сумасшедшего. Одно скажу: эти люди строили, как исполины в сто локтей ростом». Это говорит Шамполлион обо всем египетском зодчестве, и это же можно бы сказать о пирамидах, в особенности.

XL

Лучше всего говорит о них Филон Византийский, в книге «О семи чудесах мира»: «Люди по ним восходили к богам, и боги нисходили к людям».

XLI

Геродот (II, 125) сообщает о пирамиде Хеопса: «Строилась она уступами. Камни подымались на первый уступ, посредством машины, сложенной из коротких деревянных звеньев; камень, поднятый на первый уступ, вкладывался во вторую машину и оттуда подымался на

второй уступ; со второго – на третий, и так далее. Подъемных машин было столько же, сколько уступов». А по Диодору, камни вскатывались по земляным насыпям на деревянных полозьях.

Такова первобытная техника пирамидного зодчества, но, несмотря на эту первобытность, оно никогда и нигде, ни даже в самом Египте, не было превзойдено. В зодчестве этом такое величие и такая простота, как в созданиях природы.

«Почти невероятно, что подобный замысел мог быть исполнен» (*Э. Мейер*). «Это сон исполинского величия, осуществленный только раз на земле, неповторяемый» (*А. Морэ*).

«Даже при нашей современной технике было бы трудноисполнимой задачей построить, как это сделали египетские зодчие IV династии, в толще каменных громад, подобных пирамидам, внутренние горницы, ходы и переходы, которые, несмотря на давление миллионов пудов, сохраняют, после шестидесяти веков, всю свою первоначальную правильность и не покривились ни в одной точке» (*Ленорман*).

В усыпальнице Хеопса, несмотря на тысячелетия и землетрясения, колебавшие громаду пирамиды, ни один камень ни на один волос не сдвинулся. Прочнее никто не строил и, вероятно, никогда уже не построит. Это – самое вечное из всего, что создано людьми на земле.

XLII

Исполинские глыбы гранита сплочены так, что нельзя между ними просунуть иголку, и, отполированные до зеркальной гладкости, грани их подобны граням совершенного кристалла.

XLIII

Средняя ошибка в кладке камней равняется одной десятитысячной, по отношению к математически точной длине, квадрату и горизонтальности. Кладка столь совершенна, и глыбы в несколько десятков тысяч пудов сложены так, что наибольшие промежутки между ними равняются одной десятитысячной дюйма, образуя грани и плоскости, «не уступающие работе современного оптика» (*Flinders-Petrie*).

Это – совершенство даже не кристалла, а живой ткани органической.

XLIV

Цари-пирамидостроители – «жестокые тираны», заставлявшие народ воздвигать бесполезные гробницы, памятники царской гордыни своей: по тому, что Геродот верит этой сказке, видно, до чего потерял уже эллинами ключ к египетской древности. Нет, не жестокие тираны эти цари, а освободители человечества от рабства тягчайшего – смерти, победоносные вожди к Воскресению.

XLV

Если вообще оказалось возможным такое небывалое напряжение и сосредоточение духовно-физической силы целого народа, как пирамидное зодчество, то только потому, что здесь воля одного совпала с волею всех. И не в рабском унынии трудились эти 100000 человек в продолжение 20 лет над великой пирамидой Хеопса (*Геродот*), а в опьяняющей радости, в исступлении мудро-безумном, как бы в вечном восторге молитвенном. Не стенание жертв из-под камней этих слышится, а победный крик человечества, впервые увидевшего путь, прорезанный в небо острием пирамид.

XLVI

Как ни совершенна механика пирамидного зодчества, скрытая в ней метафизика еще совершеннее.

Что такое пирамида? Безмысленная груда камней? Нет, даже геометрическое тело ее не так просто, как это кажется. Тут простота – упрощение сложности. Простое тело пирамиды найдено не сразу, а после долгих, может быть, тысячелетних, поисков, через промежуточные тела пирамид ступенчатых.

Совершенные треугольники, возносясь от земли, соединяются в одной точке неба. «Я начал быть, как Бог единый, но три Бога были во Мне», – говорит Бог Нун в древней египетской книге, почти с такою же точностью, как символ Никейского собора.

Бог един в Себе и троичен в мире. Бог и мир – Единица и Троица: $1+3=4$. Не знаменует ли пирамидное зодчество – соединение четырех треугольников в одной точке – эту трансцендентную динамику божественных чисел?

И пусть для самого Египта она еще темна и сокровенна, как малое семя в земле; но, воистину, вырос он весь, как пирамида, из этого малого семени.

XLVII

От начала мира до наших дней и, может быть, до конца времен, каждое утро, на песчаной равнине Гизеха, на розово-пепельной дали выжженных, с голыми ребрами. Ливийских и Мокагамских гор, в лучах восходящего солнца, рдея, как бы изнутри освещенные, кристаллы пирамид возвещают людям единственный путь к Воскресению – Тайну Трех, Пресвятую Троицу.

XLVIII

В древнейших пирамидах почти нет иероглифных надписей; сама пирамида – исполинский иероглиф: *Pir-mhagu*, «исхождение в свет», «Воскресение». Но затем всюду появляются надписи, на стенах и столпах святилищ, на пилонах, обелисках, изваяниях, в высоте, на скалах и под землею, в гробах: весь Египет – один бесконечно развивающийся свиток с иероглифами. Вся живопись – иероглиф, и все иероглифы – живопись. Люди, растения, животные, звезды – все явления природы – письмена, начертанные Божьим перстом, вещие знаки, знамения.

Для нас они уже темны. Мы не понимаем и, может быть, никогда не поймем, что значат эти, подобные бреду, чудовищные сплетения человеческих тел с телами животных – четвероногих, насекомых, птиц, пресмыкающихся; но они понятны египтянам: все всему отвечает, все во все переливается, все сквозь все просвечивает. Мир тускл, как булыжник, для нас; а для них прозрачен, как драгоценный камень.

Вот почему пламенеют с такою волшебною яркостью самоцветные тела египетских богов – сапфирно-голубые, корналиново-алые, топазово-желтые, изумрудно-зеленые.

XLIX

Помимо формы, само вещество упоительно.

От глубочайшей, додинастической древности дошли до нас сосуды совершенной прелести, из твердейших каменных пород – диорита, сиенита, порфира, обсидиана, базальта, горного хрусталя, – просверленные без помощи железа, простыми деревянными сверлами с увлажненным порошком кварца или песком.

В гранитных колоссах тонкость и нежность камей. В каждой мелочи такое совершенство, что кажется, художник работал под лупой. Овладение веществом небывалое. Проникновение в тайну вещества религиозное.

L

Живое тело для нас – мертвая материя; а для них мертвая материя – живое тело. Дух и вещество взаимнопроницаемы. Сфинкс вырублен в скале: камень переходит в животное, животное – в человека, человек – в Бога.

«Почему материя не достойна природы божественной?» – недоумевает Спиноза. Никто не ответил на это недоумение, кроме Египта.

LI

Стены храма, от внешних притворов к внутреннему святилищу, постепенно сдвигаются, потолок нависает, тени сгущаются до совершенного мрака во Святом Святых, Sechem, где обитает Бог.

«Слава тебе, Боже, во мраке живущий!» – воспевается бог солнца, Ра. И на горе Синае, Моисей «вступил во мрак, где Бог». О том, что Бог обитает во мраке, не узнал ли он от учителей своих египетских?

Там, во Святом Святых, в маленькой часовенке из огромной цельной глыбы гранита, в вечном сумраке, в таинственном свете лампад, в дыму благовонных курений, шевелится священное животное – живое сердце храма.

LII

«Почему египтяне поклонялись животным? Если бы я об этом сказал, то коснулся бы предметов божественных, говорить о коих больше всего избегаю» (Herod., II, 65).

Да, именно здесь, в поклонении животным, мы прикасаемся к неизреченной тайне Египта.

Немой глагол Сфинкса, глагол всего Египта, доселе никем не услышанный: «Ищи Бога в Животном» (*В. Розанов*).

LIII

Не святым и страшным, а только смешным и отвратительным кажется эллино-римской древности, так же как и нашей европейской современности, лицо Египта, обращенное к Богу-Животному.

«Средоточие храма – не бог, а... кошка, крокодил, козел, бык или пес», – смеется Лукиан, самозатский насмешник, тот самый, который с такою же легкостью посмеялся и над «Распятым Софистом».

И св. Климент Александрийский вторит Лукиану безбожнику: «Внутреннее святилище египетских храмов завешано золотыми завесами, а когда мы ищем бога, жрец подходит с важностью, воспевая песнь; приподымает завесу, как бы желая показать божество, и возбуждает в нас великий смех, ибо мы видим не божество, а кошку, крокодила, змею или иного мерзостного гада. Египетский бог является зверем, валяющимся на пурпуре».

LIV

К «великому смеху» мы уже не способны; мы только усмехаемся брезгливо, глядя на тщательно спеленутые мумии кошек или крокодильих детенышей, на маленькие кладбища мух-кантарид и навозных жуков. Кто эти зверепоклонники – дикари, дети или сумасшедшие?

LV

Но вот, уже не смех, а ужас. «Случилось в области той (Мендесской) такое диво при мне: с женщиной козел всенародно смесился, и это стало всем ведомо», – сообщает Геродот (II, 46).

Один из лучших знатоков второй книги Геродотовой, посвященной Египту, немецкий египтолог Видеманн полагает возможным и вероятным священное скотоложество в Египте: по смыслу обряда женщина совокупляется, конечно, с богом, а не с животным.

Мендесский козел или овен, Banibdiduit, сокращенно Bindidi, есть «живая душа» бога солнца Ра, или бога мертвых, Озириса. «Банибдидуит – великий бог, жизнь Солнца, юных жен оплодотворяющий, источник силы мужской у богов и людей», – гласит мендесская надпись.

LVI

«Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом», – возвещает Моисей во Второзаконии (XVII, 21), и в Числах (XVIII, 23–27): «Женщина не должна становиться перед скотом для совокупления с ним... говорит Господь... Всем этим осквернили себя народы, которые я прогоняю от вас... И осквернилась земля... и свергнула с себя людей, живущих на ней».

Это сказано тотчас по Исходе из Египта, и уж конечно, Моисей не заклинал бы народа Божьего такую грозную клятвою из огня Синая, если бы не знал, какой для народа соблазн в этих невероятных тайнах Египта. Во всяком случае, Моисей не смеется, подобно Лукиану безбожнику, св. Клименту и нам.

LVII

Нет, нам будет не до смеха, если мы только представим себе этот ужас воочию.

Вот она, юная жрица Мендесского бога, может быть, та самая девочка-подросток, лет тринадцати: «птица аравийская, миррой умашенная», тонкий стебель водяного цветка, янтарно-смуглое тело, розово-смуглые кончики острых сосцов, полудетских, полудевичьих; вся нагота ее – одна улыбка божественной «прелести-благодати»:

Сладкая, сладка ты для любви.

И рядом – чудовищный козел или овен, сладострастно-смердный Биндиди, – не черный ли Ночной Козел, *Nurgus Nocturnus*, средневекового шабаша ведьм?

Этого почти нельзя вынести. И как могла Пречистая Матерь с Младенцем бежать в *такую* землю? Не проклясть ли нам Египта? не бежать ли из него вместе с Израилем?

LVIII

Это, впрочем, мы уже сделали: бежали из Египта, от нечистой животности, в пустыню «чистого разума», где и блуждаем доныне вместе с Израилем.

Чистый разум Декарта не соблазняется никакою животностью: для него сами животные – только «машины», «автоматы». И можно сказать, что весь наш век – век чистого разума и чистой механики – родился от этой Декартовой машины.

Вейнингер, иудей-христианин, идет еще дальше Декарта. По Вейнингеру, женщине «бытие метафизическое присуще так же мало», как животным и растениям.

Так, вся живая тварь уничтожена обезумевшим разумом, огнем пополюющим иудеохристианской пустыни, «умным и страшным Духом небытия».

LIX

Во всяком случае, перед Египтом нам гордиться нечем: мы сумели соединить наш чистый разум с нечистой животностью. Правда, священного скотоложества нет у нас; но каждую ночь, когда загораются бесчисленные огни проституции в наших больших городах, мы приносим в жертву все ту же невинную девочку тому же смрачному козлу Биндиди, только в человеческом образе.

LX

Мы забыли окончательно многоочитную плоть Иезекиилеву – херувимов, kherubi, ассиро-вавилонских быков и египетских аписов, предстоящих престолу Господа; и «четырех животных» Апокалипсиса, которые «ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: „Свят, свят, свят!“

А забыв эту святую и страшную тайну – животное в Боге, – мы самого Бога забыли.

LXI

«Не забуду одного впечатления. Еще гимназистом, я раз положил хризолиду (куколку) в коробку, но долго не мог ничего дожидаться и уже принял ее за мертвую. Раз подхожу утром и открываю коробку: меня не испугалась, впервые увидев человека, чудная, белая, ночная бабочка, огромная и нежная. Что-то святое и чудное повеяло от нее на меня. Я почувствовал, что до нее *ужасный грех* было бы дотронуться, погубив ее доверчивость, и воспользоваться ее неопытностью, тут же наколов на булавку, и я ее выпустил» (*В. Розанов*).

Вот египетское богопочитание животных. «Египтяне поклонялись в животных их детскости, еще не раскрывшимся очам». И в сиянии животного, так же как младенца, «есть ноуменальная святость, как бы влага потустороннего света, еще не сбежавшая с ресниц его».

Вот почему животное, может быть, к Богу ближе человека: в человеке потухшая, все еще сияет в животом небесная радость земли. И не спасется человек, пока вся тварь не спасется.

LXII

«Мир – Божья тварь; это такая простая и родная истина, что упоемые ею, мы впадаем в скакание и играение Давидово... Является миромоление, миролобзание... Я ложусь на землю и целую ее: почему? Божия. Я беру мотылька и не сорву с него крылышек, но с неизъяснимой негой буду следить, как он неумелыми ножками ползет по пальцу: брат мой, сын мой, – одно с ним у меня дыхание жизни. Нет более могил – везде воскресение... Сама смерть непостижима для меня иначе, как второе рождение... Умерла куколка, мотылек выпорхнул» (*В. Розанов*)

Куколка – мумия – тело воскресшего: вот новое чтение иероглифов. «Египта никто не видел, и ты вошел в него первым».

LXIII

Так преодолевается Египтом ужас Достоевского, ужас мертвой механики или нечистой животности: средоточие мира – не Бог, а машина, или насекомое.

LXIV

Насекомым – сладострастье;
Ангел Богу предстоит.

Но вот и насекомое – в Боге: «Я всему молюсь. Видите, паук ползет по стене; я смотрю и благодарен ему за то, что ползет» (Кириллов, в «Бесах»).

LXV

Египетский розовый лотос, *pekheb*, со сладостно-свежим, анисовым запахом, при заходе солнца, закрывает чашу свою, сокращает стебель и уходит в воду, а утром опять выходит и раскрывается, выпуская спрятавшихся в нем насекомых. И новорожденный бог солнца, Гор, каждое утро выходит из распустившегося лотоса, как насекомое. «Он открывает вежды свои – и просвещается мир, день от ночи отделяется, и оживает вся тварь».

LXVI

Развращенным эллино-римскою внешнею красотой – не красотою – нам понятно поклонение милой бабочке, нежной голубке, гордому льву и даже змее, таинственно-тихой; но смрадный козел, свирепый крокодил, безобразная лягушка, – нам кажется, что надо сойти с ума, чтобы поклониться такой животности. Египтяне – не сумасшедшие. Они хорошо понимают, что не все свято в животном. Не только глупого осла и грязную свинью исключают из круга поклонения, но и боевого коня, столь прекрасного. Сэт, злой бог, изображается тоже зверем, но баснословным, в природе не существующим, с тонкою, острою, умною мордочкой-клювом, воплощением не животной, а человечески-дьявольской хитрости.

LXVII

Вообще Египет обладает чувством меры в высшей степени. Он геометрически-ясен и точен, как бы скован священнодейственной точностью. Но, прикасаясь к тайне животного, вдруг теряет чувство меры, пьянеет, «впадает в скакание и игране Давидово», иступляется, ищет безмерного и хочет слиться с Творцом, творящим, для которого нет ни нашей красоты, ни нашего уродства, а есть только тварь творимая.

LXVIII

Навозный жук катит по земле свой маленький шарик, подобно тому как солнце катит по небу свой великий шар: и вот смиренный жук – священный Скарабей, бог солнца, Ра.

Павианы кличут и скачут, как бы поют и пляшут, славя восходящее солнце: и вот, восемь павианов – восемь великих богов солнечных.

Длинноногий ибис шагает по нильским болотам, как бы меряет землю: и вот, Ибис – бог меры и мудрости, Тот (Tho-t), Гермес Трижды Великий.

Когда человек идет в пустыне, шакал любит забежать перед ним: забежит, остановится и оглянется, идет ли человек за ним; и снова забежит, как будто ведет его в пустыню, царство смерти: и вот, шакал – бог Анубис – «путеводитель умерших, отверзатель вечных путей».

Египтяне думали, что после наводнения, во влажном и теплом иле, самозарождаются твари; кишат, копошатся, хотят и не могут выползти: одна половина тела уже образована, а другая еще не окончена. Так, в первичной материи – Нун – самозарождаются боги, Восмерица великих богов гермопольских, таинственных существ змееглавых и лягушкоглавых, недоконченных, из древней тины волочащихся, животн-божественных ублюдков хаоса.

Что это значит? Не заглянул ли здесь человек впервые в последнюю тайну природы, тайну развития, зачатия живого из мертвого, тайну того, что мы называем «мировой эволюцией»?

LXIX

Бесчисленное множество маленьких древесных зеленых лягушек появляется внезапно, в самых сухих пустынях тропической Африки, после грозового весеннего ливня, и наполняет лужу громким кваканьем, серебристо-нежным, как соловьиные трели. Туземцы думают, что эти лягушки – *матла-метло* – падают с неба из туч; на самом деле они проводят в спячке время зимней засухи, спрятавшись в глубоких ямках, у корней кустов, а когда начинается дождь, выползают из ямок, встают из могил, «воскресают» (*Ливингстон*).

И вот, великая богиня Хекет, огромная, зеленая лягушка, восседает в Дендерахском святилище, на престоле богов, помогая, как повивальная бабка, второму рождению, воскресению Озирису.

От первых веков христианства в Египте дошла до нас церковная лампада, в виде лягушки с надписью: «

Εγώ εἰμι Ἀνάστασις

Аз есмь Воскресение». И ведь уж, конечно, ближе были к Господу, чем мы, те древние христиане, которые не побоялись сравнить с этою смиренною тварью Того, Кто пришел спасти всю тварь.

LXX

Но вот, наконец, самое чудовищное из божеств Египта – Taurt-Apet Гиппопотамиха, стоящая на задних лапах, с тупым рылом свинухи, со свирепым оскалом зубов, с отвисшими сосцами и толстым брюхом беременной женщины. Если мы не устрасимся ее, то страшная личина спадет, и мы за нею увидим «светозарную из светозарных, золотую, зеленую», как зелень земли зеленеющей, «женственным светом светящую, влажными огнями благие семена питающую», Матерь людей и богов, Изиду, Царицу Небесную.

Знай же: Вечная Женственность ныне
В теле бессмертном на землю грядет!

LXXI

В дивном изваянии Саккара (Каирский музей) та же Изидо-Гатор является в образе Телицы с материнским, человечески – нет, божески-благостным ликом. Лицо фараона Псамметиха, стоящего между передними ногами ее, как ни тонко и человечно, все-таки грубее, животнее.

И не тот же ли самый тельчий лик склоняется над вифлеемскими яслями, рядом с ликом Пречистой Матери, и дышит на Младенца теплом коровьего хлева вместе с Ее дыханием божественным?

Вот когда «небо с землей соединяется», и «на земле – радость небесная».

Озирис, тень распятого

I

Как младенец, спеленут пеленами смертными, только лицо открыто и кисти рук свободны; в одной руке царский жезл, в другой – пастуший бич и посох; на голове – тиара высокая, яйцевидная, белая, между двумя плоскими перьями. Кожа на руках и лице – ярко-зеленая, как первая зелень вешних ростков. Ткань пелен так туго натянута, что видны все очертания тела, тонкого, узкого, длинного, не живого, не мертвого, а воскресающего, но еще не воскресшего. Простое лицо, как у всех – лицо Сына Человеческого, Брата Человеческого, тихое-тихое лицо Того, Чье имя: «Бог Тихое Сердце», «Бог с сердцем небьющимся». На плоских губах – улыбка детская, сонная; улыбка пробуждения; улыбка бесконечной благодати; та, о которой сказано: «Старался быть улыбкой плачущих».

Таков Бог Египта, главный и единственный: *Usiri Unnofer*, Озирис Благое Существо.

II

«Не все египтяне чтут одних и тех же богов... Но Изиду и Озириса чтут все одинаково», – свидетельствует Геродот (II, 42).

Кажется, никто из современных ученых не обратил должного внимания на это свидетельство. Все еще спорят, существует ли в Египте единобожие, верит ли Египет во многих богов или в Единого. Станный спор! Конечно, во многих богов и, конечно, в Единого. Одно не мешает другому; напротив, одно предполагает другое. От имманентного множества к трансцендентному единству, или, точнее, к триединству Божьему – таков путь всякого религиозного опыта.

Здесь, в Египте, вера во многих Богов не мешает вере в Бога Единого, как там, в Израиле, многобожие ханаанское, вера в бесчисленных Ваалов и Астарт не мешает единобожию синайскому, вере в единого Бога, Иагве. Ведь одно из имен Израильского Бога: *Elohim*, – *Богу*, или, по крайней мере, *два Бога*, мужской и женский, Он и Она, Ваал и Ваалат.

III

Дистиллированная вода бывает только в аптечных склянках, а не в живых родниках, и совершенное единобожие только в чистом разуме, а не в живых сердцах. Если египетский родник единобожия кажется нам нечистым, то одно можно сказать: более чистого не было нигде, ни даже в Израиле.

IV

«Единый из единых *«Ua en ua»*. – Бог един, и никто, кроме Него», – исповедуется в тайном учении египетской мудрости. «Единый Единственный, слава Тебе!» – воспевается бог Амон фиванский, и почти так же – гелиопольский Ра, гермопольский Хмун, мемфисский Пта – все боги Египта. Все они – точки окружности, чей центр – Бог единый; и мудрость Египта только и делает что соединяет точки круга с центром.

«Ты Бог единый. Ты соединяешь все облики в лике едином». – «Боги суть члены Твои, Господи!»

Все боги, взаимно поглощаясь, теряются в Одном. Он пронизывает белым лучом Своим всю баснословную, многоцветную чашу богов.

V

Amen значит Сокровенный. «Никто из людей не может назвать Его по имени». – «Неизреченно имя Его». – «Он – Бог невидимый, неведомый. Его же образа никто не видит, Его же имени никто не ведает».

Бога из камня нельзя изваять,
Ибо невидим Он для очей.
Ни молитвы, ни жертвы к Нему не восходят,
И никакие таинства не могут Его низвести.
Люди не знают, где Бог,
И святыя книги о Боге молчат.

О Боге трансцендентном, сущем вне мира, никто никогда не говорил с большею силою: ни в Законе, ни в Пророках лучше не сказано.

VI

Только в Книге Мертвых, папирусном свитке, полагаемом во гроб вместе с мумией, открывается имя Его, для живых сокровенное: «*Nuk pu nuk*. Я есмь Тот, Кто есть. Аз есмь Сый».

Из Купины Неопалимой Бог изрек Моисею то же имя: «*Jahwe*. Аз есмь Сый». «Иагве» (Иегова), по-еврейски; «*Nuk pu nuk*» по-египетски.

Бог Израиля – «огнь поядающий». Весь Египет, так же как Израиль, есть куст горящий и не сгорающий в Божьем огне, Купина Неопалимая. И многие боги Египта суть многие ветви Купины Единой.

VII

Таков сущий вне мира, трансцендентный Бог Египта, а вот и Бог имманентный, сущий в мире.

Вначале был Нун, Бездна вод первичных, и ни земли, ни тверди, ни людей, ни богов еще не было. Над бездною вод носился Дух Божий, Атум (*Atum*). Он изрек Себе Самому: «Приди ко Мне», и один стал Двумя. И сотворил солнце, бога Ра. Сначала Ра был в Нуне, солнце в бездне вод, как сокол с очами закрытыми; но бог открыл их, и солнце взошло – явился мир.

Так творение есть явление мира Богу, видение Бога. «Когда Ты свет увидел, стал свет». Мир есть Божие *Ka*, двойник Божий.

Мир есть Божие «излияние» – *emanatio*. В день творения душа человека «пролилась, как слеза из Божиих очей», а души богов «изошли из уст Божиих, как слова из уст человека».

Мир есть «Сын Божий», то, что мы, христиане, называем Логосом.

Один стал Двумя – богом трансцендентным, Отцом и Богом имманентным, Сыном. Вне Сына Отец есть «огнь поядающий», ужас, а в Сыне – огнь животворящий, любовь.

Великий любовью рождает богов —
И птенцу в яйце дает дыхание,
Хранит сына червя,

Кормит мышонка в норе
И мошку в воздухе...
«Славься!» – рыкают львы,
«Славься!» – вторит пустыня.

Ни в Псалмах, ни в Пророках, ни даже в христианских молитвах лучше не сказано.

VIII

«Один стал Двумя». Если Тайна Двух, Отца и Сына, как путь к Тайне Трех, Отца, Сына и Духа, понята яснее, чем здесь, – в откровении христианском, то уж, во всяком случае, не в Законе и Пророках Израиля.

IX

Фиванский бог солнца, Амон-Ра, говорит: «Я – Одно, ставшее Двумя; Я – Два, ставшее Четырьмя; Я – Четыре, ставшее Восемью; и Я – Одно».

Так совершается в лоне самого Бога раздвоение – тайна Амонова, или растерзание, «распятие» – тайна Озирисова. Это и есть начало мира – «начало разделения, различения», *principium individuationis*, по Шопенгауэру; «*Er selbst muss untergehen, damit das Einzelne lebe*». Он Сам должен умереть, дабы единичное жило», по Шеллингу; «смертью богов люди живут», по Гераклиту; «день вчерашний – Озирис, день завтрашний – Ра», по Книге Мертвых.

Мир есть преломление, раздробление единого белого света Амонова в душе человека, «Божией слезе», дрожащей капле влаги Озирисовой – в многоцветную радугу.

Мир есть раздробленный, растерзанный Бог.

X

Вот почему трансцендентному единобожию Амонову соответствует имманентное единобожие Озирисово: «Отец Един – Сын Единороден», – как мы сказали бы. И если единобожие Амоново есть тайна жреческих школ (не этой ли тайне «египетской мудрости» и научился Моисей?), то единобожие Озирисово есть вера всенародная: «Озириса все египтяне чтут одинаково», и только Озириса из всех богов, по свидетельству Геродотову.

XI

Озирис – «Владыка подземного неба», «Первенец из мертвых», умерший и воскресший Бог.

По учению жрецов фиванских и гелиопольских, Амон-Ра и есть Озирис, «Сокровенное Солнце». В солнце Бог скрывает и являет Себя. «Лучезарность твоя от лица твоего неведомого, Господи!»

Тайна солнца, тайна света есть религиозная тайна Египта по преимуществу. В Амоне-Ра и в Озирисе, в двух ипостасях Бога Единого, открывается духовное начало света – «Душа, светящая из Солнечного Ока».

XII

Египетское имя Озириса – *Us-iri* значит «Сила Ока», «Сила Солнца». Но это еще не настоящее имя, а только поиски, чаяние, тоска по имени, тоска всего Египта неутолимая.

Неутолимо и вечно искомый Озирис.
Nunquam satis quaesitus Osiris.

(Ovid.)

«Неизреченно имя Его», – можно сказать и об Озирисе, так же как об Амоне. Многоименный – безымянный. «Тот, кого я назвать не смею», – как бы на ухо шепчет нам Геродот, подражая египтянам «Род же Его кто исповесть?» – по мессианскому пророчеству Исаии (LIII, 8).

XIII

Страдалец, Мученик, *Tesch-tesch*, вот самое святое и страшное имя Его.

«Взял на Себя наши немощи и понес наши болезни – изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши и ранами Его мы исцелились», – по тому же пророчеству Исаии (LIII, 4–5).

Озирис есть «Великая Жертва», и во всякой жертве растерзание, убиение его совершается. Во всякой заколаемой жертве – «сердце Озирисово»: «Ты – телец жертвенный».

«Как овца, веден был на заклание, и, как агнец пред стригущим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. LIII, 7).

Египетский иероглиф, означающий жертву, – человек со связанными за спиной руками и с приставленным к горлу ножом. По свидетельству дошедших до нас памятников, в Египте каменного века существовали человеческие жертвоприношения: чужеземцы-пленники закалывались или удавливались. Впоследствии человек заменяется животным – газелью, тельцом, агнцем, – и тогда к животному привязывается глиняная или каменная печать с изображением человека, приносимого в жертву; и, наконец, жертва отождествляется с самим Богом: теперь уже не человек приносится в жертву Богу, а сам Бог приносит себя в жертву человеку. Жертва совершается в Боге: тайна мира есть тайна любви жертвенной. «Так возлюбил Бог мир, что Сына Своего Единородного отдал за мир», – опять как бы вторит христианство египетской мудрости.

XIV

Одно из имен Озирисовых – *Bata*, «Душа хлеба». Вкушая хлеб, люди вкушают плоть Озирисову, плоти его причащаются. «Ты – отец и мать всех людей: люди дышат дыханием твоим, едят плоть твою».

XV

По свидетельству Плутарха (*De Iside et Osiride*, XXI), «не только об Озирисе, но и о всех прочих богах жрецы исповедуют, что тела их лежат в Египте, погребенные и почитаемые». Это значит: все боги суть Озирисы, жертвы закланные. Все живут, страдают и умирают вместе с ним: в этом и только в этом – единобожие Озирисово-Амоново.

Он один – во всех богах, и о них о всех можно сказать то же, что сказано о нем в Книге Мертвых: «Он знает день, когда его не будет». Знает жертву свою: «имеет власть отдать жизнь Свою, и власть имеет снова принять ее». – «Он истязуем был, но страдал добровольно» (Ис. LIII, 7).

XVI

Бог в страдании; страдание божественно не только в человеке, но и во всей природе. По незаписанному изречению Господа: «Говорит Иисус: подыми камень, и там найдешь Меня; разруби дерево, и Я там» (*Clem. Roman. Agraph.*, 50)

Ущерб, изнеможение и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Возвышенной стыдливостью страданья.

В улыбке Озирисовой, «улыбке плачущих», эта стыдливость страдания сливает небесную радость с небесною грустью земли, ибо и в грусти, так же как в радости, «небо с землей соединяется».

Он – в закалываемой жертве, в умирающем семени, в пожинаемом колосе, в убывающем Ниле, в ущербном месяце, – во всяком страдании, но в страдании человеческом особенно.

XVII

Озирис – человек, Бог и человек вместе; воистину Бог, и человек воистину. Жил, страдал и умер, как человек, в униженном «рабьем зраке». «Уничжил себя самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку и по виду став, как человек, смирил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Филип. II, 7–8). О ком это сказано? Об Озирисе? Нет. Озирис только тень Тела незримого. Но в подобии Тела и Тени – сокровеннейшая тайна египетской мудрости.

XVIII

На краю песчаной Ливийской пустыни, в глубине большой полукруглой равнины Абидосской, около двух километров к северо-западу от Озирисова храма, в узком скалистом ущельи Пэкэр (нынешнем Ум-эль-Гакабе), там, где заходит солнце, найдены гробы древнейших царей Египта, и среди них – «гроб Озириса». Французскому ученому Амэлино (Amélineau), производившему раскопки в Абидосе в 1897–1898 гг., надписи на этих гробах показали столь несомненным историческим свидетельством, что он поверил, что действительно найден им гроб «человека Озириса», лица исторического, третьего фараона первой династии.

Можно сказать, что весь Египет зиждется на вере, что человек Озирис жил, страдал и умер на земле; но как жил, об этом мы почти ничего не узнаем из бесчисленных изображений, а как страдал и умер, – еще меньше. Тут только намеки, как будто нарочно темные и краткие. «Я знаю все, но да хранят уста мои благоговейное молчание», – говорит об этом Геродот (II, 170) и мог бы сказать весь Египет.

XIX

На памятной плите-стеле Ихернофрета (Ichernofret), главного казначея царя Узертесена III (Среднее царство), сохранилась единственная надпись об Озирисовых таинствах в Абидосском святилище. Но и в ней почти не говорится о смерти «человека Озириса», о том, как он убит. По-видимому, «страсти Озирисовы», *Οοίριδος πάθοι*, изображались в театральном действии (вот где, в Египте, а не в Элладе, начало театра), подобно «страстям Господним» в сред-

невековых мистериях; но изображались только для посвященных, толпа их не видела. И в этих «тайнах» если была вообще сцена убийства, то еще более тайная: наступала тишина – и вдруг раздавался вопль, великий плач Изиды над Озирисом.

XX

Как будто весь Египет повернулся спиной к нему, человеку умершему, а лицом к богу воскресшему: не хочет видеть страдания и смерти. Откуда же он знает, что смерть и страдание божественны? Какой свет озарил ему эту тайну? Где источник света – позади или впереди, в начале или в конце мира? Или же и здесь опять конец совпадает с началом в замыкающемся круге вечности?

XXI

О конце какого-то первого мира и начале второго повествует древняя сказка Египта, простая, детская, как те, что сказывают старые няни маленьким детям.

Некогда жили боги на земле, вместе с людьми, и великий бог солнца, Ра, обитая в Гелиополе, правил Египтом. Тогда еще земля не отделилась от неба, и люди были, как боги. Но развратились, отпали от Бога и сказали: «Вот состарился Он; обветшал Ветхий деньми: кости у него, как серебро, тело, как золото, волосы, как лапись-лазурь; и дрожат члены Его, и слюна течет изо рта». Так смеялись люди над Богом. И разгневался Он и повелел богине любви, Гатор, истребить род человеческий. Гатор истребила его, но не до конца. Умилосердился Бог, потопил за ночь землю потопом влаги опьяняющей, и когда богиня любви вошла в нее поутру, то увидела лицо свое во влаге, как в зеркале, и развеселилась; отведала влаги, опьянела, и перестала истреблять род человеческий.

Но древний союз неба с землею был нарушен. И сказал Бог: «Устало сердце Мое. Не хочу жить с людьми и истреблять их не хочу до конца». И покинул землю, взошел на небо и отделил землю от неба. И стала земля, стало небо, как ныне стоят и будут стоять до конца времен. Так первый мир кончился и начался второй.

XXII

Эту древнюю сказку Египта продолжает, через тысячи лет, Плутарх, эллин II века по Р. Х., великий жрец Аполлона Дельфийского, в книге своей «об Изиде и Озирисе». Это единственный, до нас дошедший памятник о «страстях» Озирисовых. Если бы не он, то мы так ничего о них и не знали бы. Узнаем, впрочем, и по книге Плутарха немного: египетский подлинник Озирисова жития относится к ней, по всей вероятности, так же, как Евангелие к апокрифам. Вот сказание Плутарха.

Когда Бог, взойдя на небо, покинул людей, то, пожирая друг друга, как дикие звери, погибали они и погибли бы, если б не пришел Озирис. Он родился простым человеком и, сделавшись царем Египта, отучил людей от звериной жизни, научил их возделывать хлебные злаки, дал им законы и установил почитание богов. Потом обошел всю землю, благовествуя царство свое и завоевывая мир не силой меча, а любовью, песнями, пляской и музыкой. Когда же вернулся в Египет, то брат его Тифон (Сэт), вместе с семьюдесятью двумя заговорщиками, решил его погубить. Тайно снял с него мерку, велел по ней изготовить великолепно украшенный ковчег и пригласил брата на пир. Во время пира, слуги внесли ковчег. Все гости восхищались им, а Тифон, как бы шутя, обещал подарить его тому, кому он придется по росту. Семьдесят два заговорщика ложились в него по очереди, но никому не был он впору. Наконец лег и Озирис.

Тогда все бросились к ковчегу, захлопнули крышку, забили гвоздями, залили оловом, отнесли на реку, кинули в воду, и ковчег уплыл в море через Танаисское устье Нила.

Изида, супруга Озирисова, долго искала мертвого тела его, блуждая по всей земле; наконец нашла, с воплем и плачем упала на него, прильнула лицом к лицу Озирисову и целовала его, и орошала слезами. Потом, отправляясь в новые поиски за сыном своим, Гором, скрыла ковчег в Нильских папирусах. Но Тифон, охотясь ночью, в полнолуние, при свете месячном, увидел ковчег и узнал его. Вынул тело, растерзал его на четырнадцать частей и разметал их на все четыре стороны. Изида, сведав о том, опять начала поиски. Собрала все части, соединила их и воскресила мертвого, потому что обладала «лекарством бессмертия», чарой любви воскрешающей.

«Символы эти ведут к богопознанию», – заключает Плутарх, но сам разгадать их не может. Пифагорейцы и орфики ближе, чем он, к египетской мудрости: у них и разгадка главного символа – Сэтова гроба-ковчег.

XXIII

«Тело есть гроб души, погребенной в веке сем» (

σῶμα σῆμα

) – сообщает Платон учение орфиков (Cratyl., с. 400). «Наслаждение (для душ) падать – рождаться.

Τέρπσις ἢ εἰς γένεσιν πῶσις

, находим отзвук того же учения у Гераклита Эфесского» (Fragm. 771).

Наслаждением плоти рождающей рождаемые души вовлекаются в плоть. Как цвет с райского древа жизни, срывает их сладкая буря зачатия, – и они падают на землю. Падение – наслаждение для них, но и преступление, «первородный грех»: падают, рождаются – умирают.

XXIV

Так пал Озирис в ковчег Сэтов, в тело-гроб,

σῶμα σῆμα

: родился – умер. Но души невольно рождаются, падают, а Озирис – вольно: «он знает день, когда его не будет».

Рождение – «падение»,

πτῶσις

, а воскресение – «восстание», ἀνάστασις, по тому же учению орфиков. Озирис пал, чтобы восстать и восставить павших; умер, чтобы воскреснуть и воскресить мертвых.

XXV

Египетский гроб есть деревянная или каменная оболочка мумии, повторяющая с точностью не только облик тела, но и черты лица умершего. Тело узнается по гробу, как душа – по телу; гроб есть мера тела, а тело – мера души. Вот почему и Сэтов гроб-ковчег изготовлен по мере тела Озирисова, мере особой, единственной, личной и различающей. Это и есть «начало различения», principium individuationis – начало мира, по Шопенгауэру.

«Растерзанный» Бог – множественный мир. «Я – одно, ставшее Двумя, Четырьмя, Восемью».

Вот почему растерзывает Сэт Озириса.

XXVI

Но если Озирис – Бог, то кто же Сэт? Дьявол? Нет.

«Совершенство бытия во мне и небытие во мне. Я – Сэт, небытие среди богов. Останись же, Гор! Сэт сопричислен к богам», – говорит Озирис Гору, сыну своему и мстителю (Кн. Мертв. VIII, 3). Это значит: Озирис и Сэт – одно. Сэт и Озирис суть две ипостаси Единого Бога. «Он знает день, когда его не будет»: это «не будет» и есть небытие в Боге – Сэт.

По Шеллингу, «три потенции» в Боге изображаются алгебраически так: $+A - A \pm A$. Небытие и бытие, отрицание и утверждение, гнев и любовь – два начала, соединенные в третьем: Сэт и Озирис в Горе. «Я начал быть, как Бог, Единый, но Три Бога были во Мне», – говорит бог Нун в книге «Апофиса». Или, как мы теперь сказали бы: три Ипостаси в Боге Едином – Тайна Трех, Пресвятая Троица.

Вот к какому богопознанию ведут эти символы.

XXVII

Св. Климент Александрийский, до обращения в христианство, посвящен был во многие языческие таинства, между прочим и в Озирисовы. Он, может быть, о них вспоминает, когда говорит: «И варварская, и эллинская мудрость видят вечную истину в некоем *растерзании, распятии* – не в том, о коем повествует баснословие Дионисово, а в том, о коем учит богословие вечного Логоса» (Strom., I, 13). Так, соединяя растерзание Диониса и Озириса с распятием Логоса, зримую тень с Телом незримым, св. Климент не кощунствует, а славит Господа.

XXVIII

Под ярким солнцем, на белом песке, черная тень – Озирис. Только тень; тела Египет не видит. Мы видим, и неужели не узнаем, чья это тень?

Озирис, тень воскресшего

I

Озирисова мумия прильнула, как бы прилипла, к земле чревом и персями, плоско, мертво, немощно. Земля от земли, прах от праха. Земная куколка небесной бабочки. Тело из диорита светло-зеленого, темно-пятнистого, подобно телу червя: как червь, ползет, пресмыкается. Червь и Бог вместе. Уже воскресает, но еще не воскрес: еще окоченелость в теле, скованность, мертвенность. Но уже приподнял голову, открыл глаза, улыбнулся, и в этой улыбке – вечная жизнь, солнце незакатное.

II

Во всем христианстве, за двадцать веков, ничего подобного. Над ним надо всем – знамение крестное, смертное, но не воскресное.

Мы знаем, что Христос воскрес, но **как** воскресал, не знаем, не видим, не слышим, не чувствуем. Приближение постепенности к прерыву, необходимости к чуду, тела Умершего к телу Воскресшего, брезжащий свет воскресения – все это невообразимо для нас. Этого мы не знаем и знать не хотим или не смеем.

Египет смел. Пять тысяч лет только и делал, что вдумывался, вглядывался в это с неустрашимой пытливостью.

III

В ряде последовательных образов, как бы в мгновенных снимках для кинематографа, изображается постепенно воскресающее тело Озириса: по телу мертвеца сначала пробегает слабое содрогание, как по телу куколки, в которой шевелится готовая выпорхнуть бабочка; потом медленно-медленно он подносит руку к лицу, как просыпающийся от глубокого сна; сгибает колени, ищет ногами упора; наконец с усилием все тело приподымается выше и выше и вдруг встает из гроба, вскакивает, как бы взлетает с божественною легкостью.

Изображения эти так «внушительны», что рождают не мысль в уме, а ощущение в теле.

«С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление» («Смерть Ивана Ильича» *Л. Толстого*)

Кто знает, жизнь не есть ли смерть,
А смерть не есть ли жизнь?

(Euripid. Fragm., ap. Plat., Gorg.)

IV

Да, это не в уме, а в теле загорается: глядя на любящих – хочется любить, на пляшущих – плясать, а на воскресающих – воскресать.

V

«Египтяне первые научили людей тому, что душа человека бессмертна» (*Геродот. II, 123*). Геродот, так же как Платон и все вообще эллины, кроме Гераклита и орфиков, не понимает, что воскресение вовсе не есть бессмертие.

Бессмертие души – только идея в уме, а воскресение плоти – опыт. На вопрос, победила ли смерть *физически*, нельзя отвечать доводами разума, как делает Сократ в «Федоне»; ответить на него можно только опытом. Воскресение плоти – или бессмыслица, или действительнейшая из действительностей, опытнейший из опытов.

Весь Египет и есть не что иное, как *опыт воскресения*. И пусть не удался он или не закончился в самом Египте. Но, если когда-нибудь, где-нибудь удастся, – христиане верят, что уже удался, – то это будет не без Египта.

Вот почему: «от Египта воззвал Я Сына Моего» (Матф. II, 15).

VI

Хорошо это или плохо, мудро или глупо, но не метафизики «бессмертья», а «воскресной физики» ищет Египет; воскресению плоти у самой плоти учится. Понимает, может быть, не хуже нашего, что физика эта – порядка нездешнего, в котором все неизреченно и невысказанно для нашего слова и разума; мыслится только в безумных «радениях», оргиях, изрекается только в безмолвных таинствах.

VII

В плоти ищет и находит Египет три тайны воскресные.

Первая тайна – в плоти космической.

Заходящее солнце, ущербный месяц, убывающий Нил – умирание Бога; солнце восходящее, полнолуние, половодие – воскресение. Вот почему Озирисово тело зелено, как лунный свет; и четырнадцать частей растерзанного тела его – четырнадцать дней убывающего месяца; а семьдесят два заговорщика, убийцы его, – дни зимней засухи, когда воды Нила падают до самого низкого уровня, и Озирис нисходит во гроб.

VIII

Вторая тайна – в плоти растительной.

«Египтяне говорят, что Озирис хоронится, когда съемный плод скрывается в земле, и что снова оживает, является, в прорастающем семени» (*Plutarch. De Iside et Osiride*).

«Озирис есть владыка жизни, сущий в хлебном семени» (Кн. Мертв., 147). Озирис есть Душа Хлеба, Вата: вот почему сеять хлеб – значит «хоронить Озириса». На празднике жатвы царь пожинает серпом первый сноп, убивает Озириса, и убитым богом, хлебом, живут, питаются люди. «Я – Озирис, я – пожинаяемый Нэпра» (бог пшеницы), – говорит о себе умерший в надгробной надписи.

На острове Филэ, в одной из часовен храма Изида, изображены колосья, прорастающие из мертвого тела Озирисова; жрец поливает их водой из сосуда; рядом надпись: «Вот образ того, кого не должно знать, Озириса тайного, исходящего из вод возвратных» (наводнения). А на другом изображении – гробница, осененная деревом, с надписью: «Озирис, прозябающий из семени».

Это и значит: тайна прозябающего семени – тайна воскресающего тела. «То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет... Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (Перв. Кор. XV, 36, 44).

IX

Подобие не доказательство, и магия не механика. Но живые подобия иногда принудительней всех доказательств, и магия жизни сильнее мертвой механики. Мы не знаем, что происходит в оживающем семени; но если бы узнали, то, может быть, это показалось бы нам таким же чудом, неизреченным и немыслимым, как то, что происходит в воскресающем теле. Возможное в семени почему не возможно и в теле? Разве тело не значительнее семени?

X

Во многих египетских гробницах (Тутмеса III, Иуйи и Туий, Мегарпири) найден «Озирис прорастающий». На низкой раме натянуто полотно; на полотне начертан облик Озирисовой мумии, покрыт тонким слоем чернозема и густо засеян ячменными или пшеничными семенами. Семена увлажняются, пока чуть-чуть не прорастут; тогда проросшие стебли подстригают и равняют гладко, как травку на газонах наших садов. Так, в могиле, рядом с телом покойника, образуется ярко-зеленое, весеннее, воскресное тело Озириса. Живые как бы учат мертвого: «Вот, ожило семя – оживай и ты».

XI

В погребальных таинствах, пока неистово вопят вопленицы, так же неистово пляшут плясуньи, голые девушки: стоя в ряд, на одной ноге, поднимают другую, все вместе, опускают и опять поднимают, все выше и выше. Это значит: так высоко, как поднимаются ноги, да взойдет из земли колос, да восстанет мертвый из гроба.

XII

В Абидосских мистериях, замешивается в золотой квашне тесто из пшеничной муки, фиников, ладана, мирры, воды, земли и драгоценных камней; из теста вылепливаются в золотых полых складнях все части растерзанного Озирисова тела и соединяются в маленькую, в пол-локтя, мумию, которая сушится, печется, как хлеб на солнце, полагается на ложе, «плащаницу» Озирисову, среди бесчисленных лампад и курильниц, и затем погребается.

«Люди едят плоть твою», – сказано в Книге Мертвых, и в лейденском «магическом папирусе»: «Видно сие да будет кровью Озирисовой».

XIII

В Деир-эль-Бахари (Фивы) найдены христианские мумии. Рядом с символом таинств Озирисовых, изображены на них чаша и колос, вино и хлеб Евхаристии.

Так тень соприкасается с телом: тень – Озирис – падает к ногам Господним.

XIV

И, наконец, третья воскресная тайна – животная.

Уже в древнейших нагадетских, допирамидных могилах (VII–VIII тысячелетия), овальных или прямоугольных ямах, человеческие костяки лежат на левом боку, в положении согнутом, как младенцы в утробе матери, чтобы легче было родиться – воскреснуть.

XV

В похоронных таинствах позднейшего Египта закалывается жертва – антилопа, газель, бык или другое животное – и в свежесодранную кожу облачается покойник или ложится жрец, согнувшись тоже, как младенец во чреве матери. Эта кожа, *meskhent*, есть гроб-колыбель, «место становления», «превращения», *cherer*. «Через кожу-колыбель прошел Озирис. Таинство кожи есть колыбельное таинство», – говорится в Книге Мертвых.

Впоследствии кожа заменяется пеленой мумийной. Полежав под ней, жрец выходит из нее, как младенец из чрева матери: умерший воскресает – рождается.

XVI

В Озирисовых праздничных шествиях, на древках священных знамен, предносится «сэдшед», *shedsched*, изображение савана, в виде женской матки в последней степени беременности. Во врачебных папирусах *shed* значит *vulva*, матка, или *foetus*, человеческий зародыш – иероглиф этого слова изображает довольно точный анатомический разрез матки.

XVII

Воскресающий человек отождествляется с Амоном-Ра, восходящим солнцем, рождаемым от Небесной Телицы, Гатор: «Ты чист, ты чист, Амон! Уста твои, как уста молочного теленка, в день рождения телицею-маткою» (Книга Мертвых). Непостижимый для нас предел божественной ласки – в этом обращении к умершему: молочком от тебя пахнет, как от теленочка.

XVIII

По Гераклиту: «смерть есть рождение» (*Heraclit. Fragm.*, 21).

«Путь вверх и вниз – один и тот же.

Ὁδὸς ἄνω κάτω μία καὶ αὐτή

(*Fragm.*, 60). Это значит: умирая, мы *туда* рождаемся; рождаясь, приходим *оттуда*.

XIX

«Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая сила... Он чувствовал, что мучение его в том, что он всовывается в эту черную дыру, и еще больше в том, что он не может пролезть в нее... Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок; еще сильнее сдавило ему дыхание; он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то» («Смерть Ивана Ильича» *Л. Толстого*).

Эта «черная дыра» или «мешок» есть египетский «сэдшед», трансцендентная «матка», *vulva*, в которую просовывается рождающийся и умирающий; одна дверь туда и оттуда, один путь вверх и вниз.

XX

«Я – Вчера и Завтра. Я – беременный. Я – снова рождаемый» – эти слова из Книги Мертвых (64), столь непонятные для нас, умирающий Иван Ильич понял бы.

Сын Озириса, Гор, воскрешает, «рождает отца своего». Смерть – рождение обратное. «Все, что у вас, есть и у нас» (*Достоевский*), – только перевернуто, опрокинуто, как в зеркале.

XXI

«Он искал своего прежнего страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страх не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет» («Смерть Ивана Ильича»).

По Гераклиту (Fragm., 26): «Человек, в смертную ночь, свет зажигает себе сам». Вот почему «в конце дыры засветилось что-то»: засветился тот свет.

XXII

Гераклит, за двадцать пять веков, как бы вторит Л. Толстому, а Л. Толстой как бы вторит Египту допирамидному. И неужели не принудительнее всех доказательств эти живые подобию, живые голоса, которые перекликаются над такими безднами веков и народов все об одном и том же?

XXIII

Три тайны воскресающей плоти – животная, растительная, космическая – соединяются в одно таинство. И все молитвы, обряды, богослужения – вся религия сводится к нему же. Иного таинства нет в Египте.

Каждый день, во всех храмах, царь, воплощенный Гор, сын Озириса, или жрец, наместник царя, совершает одно и то же богослужение – воскрешение людей и богов, ибо все боги и люди суть Озирисы умершие.

XXIV

Не только Бог человеку, но и человек Богу помогает воскресать. Человек и Бог взаимно-дополнительны. Между ними происходит постоянный обмен воскрешающей силы, как бы непрерывный ток искр между двумя электрическими полюсами. Одним и тем же воздухом дышат люди и боги: боги выдыхают, люди вдыхают.

XXV

Царь – воскреситель богов и людей. Отсюда безграничная власть его над людьми.

Так как в Египте почитание богов людьми тождественно с почитанием умерших отцов сыновьями, то царь становится сыном всех богов-отцов, Сыном по преимуществу, воплощением богосыновства, как начала имманентного миру, а богосыновство становится основой боговластия, теократии.

Весь Египет строится, как пирамида, и высшая точка пирамиды – царь-бог.

XXVI

Что же это, в последнем счете, – богочеловечество или человекобожество? Ни то ни другое; и то и другое. Сам Египет не сумел разделить этих двух начал. Тут еще несознанное и потому невинное смешение.

XXVII

Царь-бог – высшая точка, острие пирамиды; вся она к ней возносится. Последний раб участвует вместе с царем в воскресении. Каждый умерший, даже самый бедный, получает свой участок земли на «Островах Блаженных», в полях Jalu, в «Египте втором», совершенном подобию первого.

XXVIII

У мемфисских жрецов было сказание о нищем, который, после смерти, воссел одесную бога, на Озирисовой вечери, в одежде из белого льна, «потому что бог Тот (Thot, Измеритель) засвидетельствовал о нем, что не получил он в веке сем части своей».

Вот почему бедные люди изготавливают деревянные куколки-мумии, пишут на них свои имена, кладут в маленькие гробики и зарывают в песке, у входа в большие гробницы, чтобы в воскресении участвовать и малым вместе с великими.

XXIX

Геродот повествует о «празднике лампад», когда в память умерших, в воскресную ночь Озириса, 17-го числа месяца Атира, по всему Египту, от Саиса до Элефантины, зажигались бесчисленные лампы внутри и вокруг домов; к маслу прибавлялась соль, чтобы пламя горело ярче и тише под открытым небом.

Многозвездное небо отвечает земле многоогненной, и в каждом огоньке – душа умершего. Живые соединяются с умершими в эту святую ночь.

XXX

Человек не может воскреснуть один; он воскресает только вместе со всем человечеством и со всею плотью мира. Ибо вся плоть, вся тварь «совокупно стенает и мучается доньше, с надеждою ожидая откровения сынов Божиих» (Римл. VIII, 19–22). Вместе с человеком вся совокупно стенающая тварь – животные, растения, земля, небо, солнце – пробивается сквозь смерть к воскресению.

XXXI

«Все звери полевые и птицы небесные собрались в доме Господнем, и Господь весьма радовался, что все они были хороши, и возвратились в дом Его» (Книга Еноха. ХС, 33). «Явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие» (Ис. X, 5). Всякая плоть – не только человеческая, но и космическая, растительная, животная.

Вот почему «египтяне живут вместе с животными» (Геродот, II, 36), – живут, умирают и воскресают.

XXXII

Египетскую мысль о воскресении человека вместе со всею плотью мира, мысль, которая кажется нам такою нелепою, невозможною, ненаучною, несовременною, высказывает один из самых научных, современных философов, Бергсон.

«Все живые друг за друга держатся и все увлекаются одним и тем же ужасающим порывом. Животное находит точку опоры в растении, человек в животном; и все человечество, в пространстве и во времени, есть великое войско, скачущее рядом с каждым из нас, и впереди и позади каждого, в стремительном натиске, способном сокрушить все, что стоит на пути его, и опрокинуть многие преграды, *может быть, даже смерть*» (*H. Bergson. L'Evolution Créatrice, 1913, III, 293–294*).

Бергсон говорит: «может быть», а Египет говорит: «наверное», вот и вся разница.

XXXIII

Бергсонова «творческая эволюция» есть египетский *пеманч*, «обновление жизни». Мы все признаем «эволюцию»; вопрос только в том, действительно ли эволюция – «творческая»; ведет ли она куда-нибудь; катится ли по какому-то пути к какой-то цели это мировое колесо, орфический *цикл*, *к'үклос* подобно многоочитым колесам колесницы Иезекииловой: «куда Дух хотел идти, туда шли и они» (Иез. I, 20), или слепо, бесцельно и безмысленно вертится, подобно проклятому колесу Иксионову, орудию адской пытки?

XXXIV

В египетских гробницах ставились каменные сосуды, «каноны» с набальзамированными внутренностями умершего; крышки канонов изображали головы различных животных, между прочим, павиана, одного из наших предков, по Дарвину. Здесь, в Египте, павиан тоже предок, но в смысле ином. По современной эмбриологии, человеческий зародыш – в утробе матери, а по учению или только предчувствию египтян, в трансцендентной *vulva*, матке, умерший проходит все ступени мировой эволюции, между прочим, и ступень от обезьяны к человеку, и еще выше, от человека к Богу. А наш путь обратный: наверное – не от Бога к человеку и, *может быть*, – от человека к обезьяне.

XXXV

Всякий умерший, воскресая, становится Озирисом. «Как жив Озирис, так жив и он; как не умер Озирис, так не умер и он; как неуничтожаем Озирис, так неуничтожаем и он». Сам Озирис говорит устами умершего: «Я восстал богом живым; я блистаю в сонме богов. Я, как один из вас, боги!» (Кн. Мертв., IV). И еще дерзновеннее: «Ты (воскресший) повелеваешь богам» (Пирамидная надпись фараона Пэпи II). «Я есмь Единый. Бытие мое – бытие всех богов в вечности» (Кн. Мертв., VII, 4). «Захочет он (воскресший), чтобы вы, боги, умерли, – умрете; захочет, чтобы живы были, – будете живы». Боги «приходят к тебе и падают ниц, дабы лобзать прах у ног твоих» (Пирам. надп.).

Что это, кошунство? Да, если не помнить, что воскресший человек есть «Озирис», и не знать, Чья он тень. Но если это знать, то уже не кошунственно, а благоговейно то, что говорит, вместе с воскресшим человеком, Озирис, тень – о теле своем: «Он есть – я есмь? я есмь – Он есть». И еще яснее, в лейденском, позднем, эллино-египетском папирусе:

σὺ γὰρ εἶ ἐγὼ καὶ ἐγὼ σὺ

Ибо Ты еси Я, и Я есмь Ты».

Нет, не кощунство, а слава Господня – то, что все боги, как тени, падают к ногам Тела своего, умирают, как тень, в лучах Солнца Единого.

«Бог стал в сонме богов, среди богов произвел суд... Я сказал: вы – боги, и сыны Вышнего – все вы; но вы умрете» (Псал. LXXXI, 1–6). «Захочет Он, – и умрете; захочет, – и живы будете», – как бы вторит Египет Израилю.

XXXVI

Вторит сердцем, но умом не разумеет.

В стенных изваяниях пирамид иероглиф, изображающий змею, почти всегда разрубается на части, чтобы, в воскресении мертвых, ожившая змея не ужалила покойника. В гроб кладутся зеркала, дощечки для румян, куклы, игральные кости и книги сказок, чтобы на том свете покойник мог поиграть и почитать от скуки.

Бог скупает, играет в куклы, смотрится в зеркало, румянится, боится змеиного жала; по таким противоречиям, диким и детским, видно, что Египет не соединяет, а смешивает человека с Богом, этот мир – с тем.

XXXVII

Вообще египтяне только дикари и дети, по сравнению с нами, «взрослыми», «просвещенными». Это так очевидно, что много говорить об этом не стоит. Но вот что удивительно: эти дикари и дети знают о христианстве, за три тысячи лет до Христа, больше нашего.

Определить с точностью меру этого знания мы не умеем не только потому, что оно слишком смутно, бессознательно – «многое можно знать бессознательно» (Достоевский), – но и потому, что самый способ египетского мышления чересчур отличен от нашего: сила нашей мысли – в уме, а египетской – в сердце; недаром для «сердца» и «ума» у них одно слово: «сердце».

XXXVIII

Как дикари и дети, смешивают тот мир с этим? Да, смешивают, но не совсем.

«Когда время будет вечностью, мы снова увидим тебя (умершего), ибо ты отходишь туда, где все едино».

Не значит ли это: в мире здешнем, во времени, воскресение только начинается, а кончится в вечности? Тут уже разделение двух миров почти сознательно.

XXXIX

Одно можно сказать с точностью: египетское воскресение плоти ближе к воскресению христианскому, чем к бессмертию души, языческому и нашему.

В воскресении тот мир с этим соединяется: «время *будет* вечностью»; оба мира взаимно утверждаются; а в бессмертии – взаимно отрицаются так, что если довести до конца эту линию взаимного отрицания, то получится уничтожение обоих миров, совершенное небытие, Нирвана. Платоновский Мэон, Бог Несущий – уже отец Будды.

Вот почему все тяготение современной Европы, мэонической, буддийской, по преимуществу (*Шопенгауэр – Эйнштейн*), есть тяготение от Египта к Индии. Можно сказать, что Египет наиболее противоположен Индии, Озирис – Будде. Египет – сильнейшее противоядие от

яда буддийского, от нашей мнимой «теософии», столь невежественно и кощунственно смешавшей Христа с Буддой, величайшее «да» с величайшим «нет». Давно уже началось это смешение: Аполлоний Тианский, первый теософ, мечтавший упразднить единственность Христа, – уже ученик индийских «гимнософистов».

От Будды к Озирису, к Египту от Индии, – вот путь нашего спасения, и вот почему Египет так современен, апокалипсичен.

XL

Как трудно поверить в бессмертие души, мы знаем по собственному опыту. Кто из нас верит, хотя бы так, как Сократ – перед чашей с цикутой? Но насколько труднее поверить в воскресение плоти! Для этого нужно было явление самого Бога, да и то не поверили.

«Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа; но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это – Я Сам. Осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня» (Лук. XXIV, 37–39).

Из всех человеческих слов это самые непонятные, невозможные, невероятные. Только что люди поверили в них, как уже опять усомнились, перешли от слишком трудной веры в воскресение плоти к более легкой – в бессмертие души.

XLI

Египтяне знали, может быть, не хуже нашего, что такое смерть, и как неодолим ее физический закон. Почти все народы, древние и новые, торопятся сжигать трупы или прятать их в землю, чтобы не видеть тления и спокойно верить или не верить в бессмертие души. Египтяне сохраняют их тщательно и борются, – пусть детски, дико, беспомощно, – но все-таки борются, лицом к лицу, с тлением. «Дикари» и «дети», но ведь все-таки люди: если ненаучно, как мы, то чувственно, опытно знают, может быть, опять-таки не хуже нашего, что такое тление. «Господи, уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе», – это и они могли бы сказать.

Но вот, не сказали – поверили. О, конечно, сомневались! И даже очень, это мы знаем по многим свидетельствам. Но не то удивительно, что сомневались, а то, что все-таки верили, и от каменного века до христианства, через восемь тысячелетий, пронесли эту безумную, дикую, детскую, невозможную, невероятную веру – пронесли и сложили у ног Воскресшего.

XLII

Мы знаем, как трудно возненавидеть смертное тело, этот мир, землю, чтобы возлюбить бессмертную душу, тот мир, небо, – но насколько труднее возлюбить сквозь смерть смертное тело, этот мир, землю! А ведь именно так возлюбил их Египет. Можно сказать, что никогда не бывало такой любви к жизни сквозь смерть, пока Бог не сошел на землю, и, может быть, надо, чтобы Он сошел снова, чтобы повторилась такая любовь.

XLIII

«Восстань, восстань, Озирис! Я, сын твой, Гор, пришел возратить тебе жизнь, соединить кости твои, связать мышцы твои, совокупить члены твои. Я – Гор, образующий отца своего. Гор отвергает уста твои... дарует очи тебе, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, ноги, чтобы ходить, руки, чтобы делать». С этими словами жрец совершает над мертвым обряд агра, «отверзание

уст и очей»; обнимает мумию, приближает к ее лицу лицо свое и передает из уст в уста дыхание жизни.

«Ты – бог среди богов, но имеешь и все, что имел на земле... Плоть твоя растет, кровь течет в жилах, и здравы все члены твои... У тебя – сердце твое, твое настоящее, прежнее сердце».

– «Я есмь, я есмь! Я жив, я жив!» – отвечает умерший (Кн. Мертв., гл. 154).

XLIV

Этот материализм пугает нас, закоренелых «духовников», спиритуалистов. Нам кажется, что тут для детской и дикой веры египтян нет воскресающего тела, а есть только оживляемый труп. Но это не так, или не совсем так.

Как луковица состоит из многих кожиц, так человек – из многих оболочек, телесных, душевных и духовных: одна оболочка в другой, более тонкая – в более грубой. Их соотношение – предмет очень сложной трансцендентной «физиологии», которую мы плохо понимаем. Это, впрочем, и неважно, а важно то, что египетская мистика пытается установить целый ряд ступеней между физическим телом, которое должно умереть, и духовным, которое должно воскреснуть. Еще важнее, что для этой мистики, так же как для христианства, не подвластное смерти существо человека – личность – заключается не в теле и не в духе, а в *соединении духа и тела*, в «духовном теле», *sahu*. Только это тело и воскресает.

Тут первая, может быть, еще бессознательная, но уже несомненная, религиозная воля Египта к Абсолютной Личности, и вместе с тем глубочайшая противоположность Индии, так же как всей современной Европе, с их волей к безличности, ибо воля к небытию, к нирване, и есть не что иное, как воля к абсолютной безличности.

XLV

Уже доисторические египтяне Наагадетского некрополя, чертя облик *sahu*, «светлой тени», «духовного тела», может быть, предчувствуют, что оно больше, чем тело только физическое, и что, проходя сквозь твердейшую твердь, «хрустальное небо», оно возносится к звездам. Недаром впоследствии тот мир, Другая Земля, *Tuat*, – уже не на земле, а на небе, а Острова Блаженных, *Jalu* – в Млечном Пути.

XLVI

Но земля не уничтожается, а преобразается в небо. И как бы высоко душа ни возносилась в небо, она все-таки сходит и на землю. Жизнь умерших есть «подобие тех дней, когда еще дышали они на земле».

XLVII

«Да гуляю я каждый день у пруда моего; да порхает душа моя, как птица, по веткам деревьев моих; да отдыхает в тени сикиморы моей... Да восхожу я на небо и нисхожу на землю, ничем не удержанный. Да будет мой Двойник свободен» (Кн. Мертв.).

Именно в этой свободе, полете от земли к небу и от неба к земле – особенность воскресения египетского.

XLVIII

«Да будет мне дано совершать все превращения, какие пожелаю», – говорит умерший (Кн. Мертв., I, 20). Он может быть всем, чем хочет, – светилом, человеком, богом, животным, растением.

«Я – чистый лотос, расцветший на краю неба, ноздрям бога Солнца благоухающий». «Я – Змея, дочь земли». «Я – крокодил, царь ужаса». «Я – ласточка, я – ласточка. Я – скорпион, сын солнца». «Я – пребывающий в Оке Солнечном» (Кн. Мертв., LXXI–VIII).

XLIX

Жизнь во многих телах – казнь за грехи, «карма» для индийцев, а для египтян награда.

Но эти «превращения» – не «переселение душ», как полагал Геродот (II, 123). Душа человека не может войти в новое тело и снова родиться, потому что тело, проекция личности, так же неповторяемо, единственно, как личность. Одна личность – одно рождение, одна смерть.

Метемпсихозы не могло быть в личном Египте, как в безличной Индии не могло ее не быть. И мы действительно знаем, что это учение, цвет индийской мистики, занесено в Европу с Востока (баснословный поход Диониса, путешествие Пифагора в Индию).

L

«Сердце», *ав*, есть узел, связующий тело с духом, трансцендентный узел личности, единственной, божественной: «Ты есмь Я, Я есмь Ты».

Вот почему душа, после всех превращений, возвращается к своему телу. От «нетленных Созвездий Севера», сходит в могилу и смотрит с любовью на свое земное тело, в свое земное лицо, положив обе руки на сердце мумии: «сердце рождения моего, сердце матери моей, сердце земное мое, нужное мне для моих превращений, не покидай меня!.. Ты – Я во мне. Ты – мой *Ка* (Двойник) в теле моем. Ты – Хнум (бог Ваятель), изваявший члены мои» (Кн. Мертв.).

Это и значит: тело есть проекция духа, личности. Вот почему и абсолютное утверждение ее не есть бессмертие души, а воскресение плоти.

LI

Душа не рождается в новом теле, а только проходит сквозь него – «превращается». Эти превращения нужны ей для того, чтобы участвовать, вместе со всею тварью и самим Творцом, в творческой эволюции. Не в покое пребывают мертвые, а в вечном делании – «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» – борются со смертью и побеждают ее не только в себе, но и во всей космической плоти: и мертвые с живыми жизнь творят.

LII

Так как плоть человека может воскреснуть только с плотью мира, то их надо соединить. Для этого в тело умершего вкладывается, вместо вынутого сердца, изваянный из драгоценного камня Скарабей, Священный Жук (*Ateochus sacer*), изображающий сердце – малое солнце в теле человека, и солнце – большое сердце в теле мира.

Имя Скарабея – *Cheper* – «становиться», «превращаться». Это превращение и есть «творческая эволюция», тот «стремительный натиск, который способен сокрушить все, что стоит на пути его, и опрокинуть многие преграды, – может быть, даже смерть».

LIII

С тою же целью кладется в гроб, под голову мумии лист папируса с молитвою к богу солнца, Ра: «О, Сокровенный, Амон, бодрствующий в небе! Обрати лицо твое к телу сына твоего... Имени его не забудь. Прийди к Озирису такому-то (имя умершего). Даруй теплоту под голову его. Он есть душа великого тела (Бога Ра), погребенного в Гелиополе. Имя его – Светозарный, Сущий, Ветхий деньми. Он есть Ты» (Кн. Мертв.).

LIV

Воскрешающее солнце должно согреть затылок, мозжечок умершего. Тут опять «материализм»; но за материализмом кажущимся – символизм подлинный.

Сокол могучий, ширококрылый,
Оба неба пролетающий;
Через небо подземное
Спешащий в беге недреманном,
Чтобы утром взойти на месте своем;
Самый тайный из тайных богов!
Жизнью твоей оживают мертвые,
Даешь ты дыхание ноздрям недышащим,
Расширяешь горло стесненное.

Это из молитвы восходящему солнцу, а вот из другой молитвы солнцу заходящему:

Когда за край неба нисходишь ты,
К Владыке вечности, Царю подземному,
То сущим в смерти свет несешь...
И, прославляя тебя из гробов своих,
Воздевают усопшие длани свои,
Веселятся под землею сущие.

LV

Думать, что воскрешающая сила солнца – *только* физическая, значит ничего не понимать в египетском воскресении. Тут физическому, внешнему отвечает внутреннее. Недаром имя Озириса, солнца ночного: «Самый тайный из тайных богов», а имя Ра, солнца дневного: «Сокровенный».

Для того чтобы воскресение могло завершиться вовне, в плоти человека и мира, оно должно начаться внутри, «в духе и истине». Вот почему мертвые, на Страшном суде, судятся перед лицом Истины, богини Маат. На одну чашу весов кладется сердце человека, а на другую – изваяньице Маат или перо легчайшее. И человек говорит сердцу своему: «Сердце мое, сердце матери моей! не восставай на меня, не свидетельствуй против меня...»

Если стрелка на весах не дрогнет, чаша с сердцем не опустится, то человек оправдан и сам произносит свое оправдание перед лицом Озириса:

«Я не делал зла, не насильничал, не крал, не убивал, не лгал... не прелюбодействовал... не гневался до ярости... Я никого не заставлял плакать... не отнимал молока у грудного мла-

денца... не принуждал людей работать сверх сил... Я был отцом для сирот, мужем для вдов... Я питал алчущих, поил жаждущих, одевал нагих... я чист, я чист» (Кн. Мертв., 125). – «Войди в таинственную дверь Аменти» (загробного мира), – отвечает Озирис. И человек входит – воскресает (Кн. Мертв., 126).

Десятисловие Моисеево не выше этого, и вообще выше нет ничего, до Нагорной проповеди.

LVI

Если же чаша с сердцем опустится, то человек осужден.

Сердце – существо от человека отдельное, не эмпирическая, а трансцендентная личность, некий Бог, живущий внутри человека. Само оно грешить не может и восстает, свидетельствует против человека, если он согрешил грехом смертным, и тогда уже не возвращается к нему, отходит в «Обитель сердец», особую часть загробного мира, обрекая человека на «смерть вторую», без воскресения. «Умереть смертью второю» – величайший страх египтян.

Так отвечает внутреннее внешнему, внутреннее солнце Истины, Маат, – внешнему солнцу мира, Амону-Ра.

Но мертвых воскрешает не истина, а иное солнце, лучезарнее.

LVII

Когда скорпион укусил младенца Гора, сына Озирисова, то мать Изида возопила к солнцу, и оно не возшло, и ночь была на земле, пока бог Тот не сошел с неба, не исцелил Гора и не отдал его матери. С той поры читается над больными детьми молитва-заклятие Изиды: «Остановилось солнце и не сдвинется, пока дитя исцеленное не возвратится матери, так же как Изиде – Гор» (Меттернихова стела).

Таково чудо любви – закон сверхъестественный, повелевающий законам естества.

LVIII

И самого Озириса что воскрешает?

Изида плачет над ним: «Я – сестра твоя, я люблю тебя. Приди к своей возлюбленной! Приди к сестре-супруге твоей... Когда я увидела тебя, то возрыдала, возопила голосом громким, до самого неба, а ты не услышал... Я – сестра твоя, на земле тебя любившая; никто не любил тебя больше, чем я».

LIX

Ты побеждаешь любовью...
Лучи твои проникают в сердце морей...
Ты утешаешь дитя во чреве матери,
Прежде чем его утешит мать.

Это говорит величайший царь Египта, Ахетатон-Уаэнра, «Сын Солнца Единородный», почти современник Моисея и, может быть, не меньший пророк, чем он, – тот, кто первый сказал Отцу: «Никто не знает Тебя, кроме Сына Твоего, Уаэнра».

LX

Сердце мира – солнце любви. Тайна сердца– любовь, тайна солнца – любовь, а тайна любви – Воскресение.

LXI

«Верующий в меня не увидит смерти вовек», – это мог бы сказать Озирис – тень Воскресшего.

Тайна двух в Озирисе

I

«Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их и сказал: будут два одна плоть» (Матф. XIX, 4–5). Так было в начале, в Завете Отца; так должно быть и в конце, в Завете Сына, ибо недаром же Сын повторяет слово Отца.

Так должно быть, но, на самом деле, не так. «Не читали ли вы?» Да, читали, но не поняли. Именно здесь, в тайне пола, в Тайне Двух, всего ощутительнее, при совпадении обоих Заветов в неподвижном догмате, в статике, их расхождение в движущей воле, в динамике.

II

«Неужели христианин должен совершать половой акт вне молитвенного озарения, как бы во славу Велиара?.. Нет, признаю и исповедую, что и в момент совокупления с женою своею я так же должен мысленно, умом и сердцем, предстоять пред Богом, как предстою пред Ним, когда, во время священнослужения, нахожусь пред престолом алтаря Господня», – пишет протоиерей Устинский, благочестивый русский священник, подлинный израильтянин, в котором нет лукавства, В. В. Розанову, едва ли не первому мыслителю, за две тысячи лет христианства, поднявшему религиозный вопрос о поле (*В. Розанов. В мире неясного и нерешенного*, 231).

«Супруги ставят над изголовьем кроватей, рядом сдвинутых, образ Божией Матери с неугасимо теплящеюся лампадою... Лампада не гасится, когда супруги приступают и к совокуплению... Св. Лик сверху близко взирает на них», – продолжает Розанов мысль о. Устинского. Но тот недаром прибавляет: «Да не назовет кто-либо этих слов моих кощунством». Казалось бы, где же кощунство, если брак есть таинство, и если «будут два одна плоть» есть слово Отца, повторенное Сыном? Да, в догмате так, но не так в святости.

Св. Лик, взирающий на половое совокупление, это даже не кощунство, а трансцендентное безвкусие, смешение двух порядков, разноголосица, столь же невыносимая для религиозного уха, как для физического – скрежет гвоздя по стеклу.

«Я должен в половом совокуплении предстоять пред Богом». Должен, но вот не могу. Разум соглашается, но все существо мое, весь телесный состав молитв: не надо! Этих двух огней соединить нельзя: один из них потухает – или огонь пола, или огонь святости.

III

Человек – стыдящееся животное. Но что такое стыд, откуда, зачем? Тайной стыда как бы задан вопрос уже в самом естестве пола, о природе его сверхъестественной загадана Божья загадка.

IV

У ассиро-вавилонской богини любви, Иштар, на лице покрывало с надписью: «Кто подымет покрывало с лица моего, – умрет». Стыд – покров лица Божьего в поле.

V

«И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: „Адам, где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю и убоился, потому что я наг“ (Быт. III, 9). Вот из какой глубины этот страх наготы, трансцендентный страх пола – стыд. „Будут два одна плоть“, сказано еще до грехопадения; когда же человек согрешил, пал, то пал на него и покров стыда и уже не подымется, пока человек не увидит „нового неба и новой земли“.

Только здесь, на этой глубине, в этой первой точке, сходятся оба Завета, а потом чем дальше, тем больше расходятся, и больше, чем где-либо, именно здесь, в поле, в Тайне Двух.

VI

По учению пифагорейцев, существует земля и «противоземие»; так существует пол и *противопол*. Это как бы два полюса одной силы: половое притяжение и половое отталкивание, Эрос и Антэрос.

Отношение обоих Заветов к этим двум полюсам противоположное. В Завете Отчем к Богу относится пол; в Сыновнем – *противопол*. Первый Завет обращен лицом назад, к райской невинности, к нагоде человека до грехопадения, а Второй – вперед, к искуплению, к «одеждам, убеленным кровью Агнца». И можно сказать, что все содержание обоих Заветов, здесь в Тайне Двух, есть бесконечное борение пола с противопологом, Эроса с Антэросом.

VII

Христос благословляет брак. Исполнение Церкви есть брак Христа-Жениха с Церковью. Но для нас все это алгебра без арифметики, отношения возможных чисел без данных, орех без ядра.

Никто не может себе представить Христа иного, как безбрачного. Самая мысль о физическом поле в теле Христа, доведенная до конца, есть невообразимое кошунство. Тут половое отталкивание, сила противополола достигает крайнего напряжения. Сын Человеческий рождается, но не рождает; чтобы только помыслить, что Иисус родил, надо сойти с ума или ниспровергнуть Евангелие. Если даже пол и Евангелие, как две параллельные линии, сходятся в бесконечности, то это схождение непредставимо для нас.

VIII

Возможно ли богоощущение в поле, слияние половой чувственности с чувством религиозным? Невозможно, – отвечает опыт всей Сыновней святости; возможно, – отвечает опыт всей святости Отчей. Это и значит: два Завета сходятся только в неподвижной точке догмата, в статике, а в откровении движущем, в динамике, расходятся.

На то, что о. Устинский утверждает в догмате: «в половом совокуплении я должен предстоять перед Богом», св. Григорий Богослов возражает в святости: «плотское рождение есть дело тьмы, рабское и страстное... Не иное что делает совокупающийся, как уступает только наглым требованиям плоти» (**В. Розанов**. В мире неясного и нерешенного, 249).

«Сквернави вси есьмы пред Тобою», – молится Церковь об очищении родильницы. Такова скверна пола, что само рождение сопровождается как бы временным отлучением от церкви родившей матери. Метафизически брак освящается, но не физически: половое совокупление, совершенное в церкви, есть невообразимое кошунство.

IX

И со св. Григорием Богословом соглашается в этом древнем опыте новообращенный в христианство иудей, Отто Вейнингер: «Все, что, кроме любви платонической, называется любовью, есть просто свинство» («Пол и характер», русск. перев., 299). «Половое совокупление есть действие животное, свинское, гнусное, не говоря уже о возведении его на степень глубочайшей мистерии» (Ibid., 353).

«Половое совокупление отдаляет душу человека от Бога на расстояние безмерное», – замечает один протестантский богослов с простодушной точностью.

Так слово Отца и Сына: «будут два одна плоть», забыто окончательно; пол побежден противопологом, Эрос – Антэросом.

X

«Изображение гнусного члена сего ставили в праздничные дни бога Либера (Вакха) на телеги и везли в город с великою почестью», – сообщает св. Августин о фаллофориях, ношениях священного фалла, в языческих мистериях (De civit. Dei, VII, 21). И со св. Августином опять соглашается Вейнингер: «Мы ощущаем фалл, как нечто в высшей степени гнусное. Потому-то он и представляется всегда в каком-то отношении к сатане: средоточие Дантова ада (центр земли) занимают половые части Люцифера» (Ibid., 367). Это значит: в тело человека, созданное Богом, пол вкраплен дьяволом. Так ветхозаветная статика ниспровергается новозаветной динамикой: Сын против Отца.

XI

По тайному учению орфиков, «пуп земли», средоточие мира, есть омфал дельфийский – надгробный фалл, над растерзанным и погребенным богом Дионисом-Загреем (Philosophorum, V, 20). А для христиан фалл – средоточие ада. Так земля и небо опрокинулись.

XII

В христианской динамике пол и противополог сначала борются друг друга, а потом уничтожают. Наступает небытие пола в религии, половое безбожие, может быть, корень всех остальных безбожий, личных и общественных.

«Знаменитый вопрос одного из героев романа Чернышевского „Что делать?“ касательно верности в супружестве: да почему не дать приятелю покурить из своей трубочки? – в сущности, так и остался без ответа» (**В. Розанов**).

Это ниже зверства, – ведь и самец ревнует; это бездушный автоматизм пола. Тут «средоточие ада» выходит на поверхность земли, бездна становится плоскостью. И насколько это ужаснее всех половых ужасов! Адские огни их – ничто перед этой холодной мерзостью.

XIII

«Дух вынут, и умершее тело пола заражает зловонием своего разложения цивилизацию». «Я думаю, не можно ли эту цивилизацию послать к черту на рога, как несомненно от черта она и происходит» (**В. Розанов**. Люди лунного света, 268).

Нет, не от черта, или не только от черта и не только от людей. Тут силы небесные колеблются; ось мира сдвигается, солнце поворачивается от лета к зиме; как предсказано: «В конце

мира охладает любовь». Любовь охладела – обледенела земля; наступила полярная ночь, ледниковый период пола.

XIV

Солнце Завета Отчего есть обрезанный, освященный Божьей печатью запечатленный пол. Ибо что такое «обрезание»?

«И взял Моисей жену свою (Сепфору) и сыновей своих, посадил их на осла и отправился в землю Египетскую... Дорогою, на ночлеге, случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взявши нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня. И отошел от него Господь. Тогда сказала она: жених крови – по обрезанию» (Исх. IV, 20–26).

Обрезание есть жениховство человека Богу, кровное, плотское. Завет брачный, брачный союз, половое сокоупление человека с Богом. Это странно и страшно. И как об этом говорить нашими проклятыми словами, бесстыдно-дикими или анатомически-трупными? Тут, в самом деле, «язык прилипает к гортани, и бумага под чернилами горит, тлеет, проваливается» (**В. Розанов**).

Но разве менее страшно и странно Боговкушение, питание человека Телом и Кровью Бога? «Какие странные слова! Кто может это слышать?» – ужаснулись ученики Его, когда услышали об этом впервые.

XV

Кольцо обрезания – кольцо обручальное. «В обрезании устанавливалось вечное и невольное созерцание Бога, как бы через кольцо здесь срезанное» (**В. Розанов**. В Мире неясн., 124). «Крайняя плоть», самая огненная точка плоти, пол, посвящается Богу. Кольцом обрезания плоть мира к Богу возносится.

...Цепь золотую спустив от высокого неба,
...С самой землею и самим морем ее повлеку я, —
...И вселенная вся на высотах повиснет.

(Ил. VIII, 19–26)

Звенья цепи – кольца обрезания, все равно, плотского или духовного, не только в Израиле, но и во всей языческой, Отчей древности.

XVI

Обрезание нашел Моисей на пути в Египет. Египет – первоисточник пола освященного.

«Финикийцы и сирийцы, живущие в Палестине (т. е. Израиль), сами сказывают, что обрезанию научились они у египтян», – сообщает Геродот (II, 104).

На одной шифровой дощечке (палитре) прэтинитской, додинастической древности (V–VI тысячелетия), воины из полудикого племени северо-восточной Африки, враги Египта, уже обрезаны. А у самих египтян существовало обрезание еще с каменного века. Вот почему и Сепфора употребляет не новый, железный (железо – начало войны – от Сэта и Каина, братоубийц), а древний, мирный, каменный нож.

XVII

В том же каменном веке египтяне хоронят мертвецов в согнутом положении утробных младенцев, чтобы легче им было родиться в тот мир – воскресать. Так первая мысль Египта о воскресении соединена с мыслью о поле, и уже никогда эти две мысли здесь, в Египте, не разлучатся.

XVIII

Однажды фиванец Памилий слышал из глубины святилища Амонова таинственный голос: «Возвести людям рождество Озириса, великого царя, спасителя мира» (Plut., Isid. et Osir.). В память этого благовещения, по всему Египту, установлено празднество «памилий», фаллофорий, торжественных ношений фалла Озирисова.

Геродот повествует о них: «Египтяне, вместо фалла, делают человеческое изображение вышиною в локоть, приводимое в движение бечевою. Жены носят их по городам и селам; мужской член у этих изображений не меньше всего остального тела... Впереди идет флейтщик, и жены следуют за ним, воспевая Вакху (Озирису). А почему эти изображения имеют член столь великий и почему жены приводят в движение только этот член, о том есть у них святое слово,

λόγος ἱερός

; но мне не должно его открывать» (II, 48).

XIX

Плутарх объясняет: «Озирис итифаллический (с поднятым фаллом) знаменует плодородие» (Isid. et Osir., 51). Современные ученые этому поверили и в египетской религии фалла не увидели ничего, кроме полового натурализма, грубого и плоского. Сведение религиозной глубины к плоскости свойственно современным ученым. Но ведь связь пола с деторождением столь очевидна, что тут ни скрывать, ни открывать нечего; о чем же тогда «святое слово» Геродота?

И, наконец, деторождение относится не к смерти, а к жизни. Почему же все боги Египта в изображениях итифаллических – только мертвые?

Вот Озирис, выходящий из гроба, по рукам и ногам обвитый пеленами мертвыми, с поднятым фаллом, прорывающим эти пелены, как бы итифаллический Лазарь. Что это значит? Как могли дойти египтяне, «самые благочестивые» и «самые здоровые» люди в мире, по Геродоту, до такого противоестественного и кощунственного образа?

XX

Когда христианские копты-монахи увидели итифаллического Озириса на стенах гробов и святилищ, то кинулись с отвращением и ужасом соскабливать, разбивать молотками, уничтожать «сей гнусный член», «средоточие ада». Адом сделалось для них египетское небо; земля опрокинулась. Но как ни противоположны эти два полюса, само ощущение на том и на другом одинаково – *половое ощущение трансцендентного*.

XXI

Тут-то и начинается

ἱερός λόγος

, «святое слово» Египта о поле.

«Пол выходит из границ естества; он вне-естествен и сверх-естествен... Это пропасть, уходящая в антипод бытия... образ того света, здесь и единственно здесь, выглянувший в наш свет» (**В. Розанов**, *ibid.*, 110).

В сплошной стене, отделяющей тот мир от этого, пол есть единственное окно, открытое место: сам Бог открыл его в плоти Адама и опять «закрыл плотью», но уже иною, более прозрачную, как бы стеклом в окне. Через это-то стекло мы и заглядываем из этого мира в тот.

Пол – единственное кровно-телесное «касание мирам иным».

XXII

Половая жажда есть жажда познания, любопытство к трансцендентному.

Адам вкусил от древа познания, древа смерти – «познал» Еву и умер. Так и мы познаем в любви смерть; в восторгах любви умираем заживо, уходим «туда», на краткий миг, и опять «сюда» возвращаемся. Но, чтобы вернуться, надо забыть то, что мы видели там. Мы забываем окончательно; египтяне смутно помнят.

Смерть сквозь пол, пол сквозь смерть – вот богоощущение, богопознание Египта глубочайшее и наиболее противоположное нашему.

XXIII

«Будут два одна плоть» – будут, но еще не суть в любви рождающей, смертной, ибо умирает все, что рождается; будут – в любви бессмертной, воскрешающей.

Нет, не «плодородие», не рождение и смерть знаменует фалл Озириса, а воскресение.

XXIV

«Вы, боги, из фалла исшедшие, руки мне ваши подайте!» – молит мертвец, встающий из гроба (Кн. Мертв., 18). Боги изошли из крови фалла первичного бога Атума, себя самого оскотившего, потому что для Египта бессознательно не только пол, но и противополоп в Боге: тут уже смутно предчувствуется соединение Отца с Сыном.

XXV

«О, фалл Озириса, встающий для истребления мятежных (врагов Божиих)!.. Я фаллом твоим крепче крепких, могущественнее могущественных», – исповедует умерший-воскресший. Это и значит: пол есть орудие силы воскрешающей. Как смертью смерть, так полом пол побеждается; через пол, через смерть – к воскресению.

XXVI

В «Книге Мертвых», в заглавном рисунке к CLIV главе: «О том, чтобы не дать телу исплеть», на лежащую Озирисову мумию нисходит солнечный диск с тремя лучами над областью пола, и средний луч образует как бы прямо стоящий фалл: умерший совокупляется с солнцем воскрешающим: «Я не познаю тления; червь не коснется меня. Я есмь, я есмь. Я жив. Я расту, я расту. Я не познаю тления».

XXVII

В другом изображении прорастает жатва из тела Озирисова: все оно, с головы до ног, колосится густою щетиною копьевидных колосьев, как бы поднятых фаллов (Champol., I v., pl. XCIX).

Из современной биологии мы знаем, что пол заключается не только в половых частях, но и во всем теле, в каждой клетке. Пол шире тела; не в теле пол, а тело в поле.

В «Книге Мертвых» фалл бога Озириса отождествляется с самим богом. Вот почему и все воскресающее тело фаллично, насыщено полом, но не грубым, земным, а тонким, «астральным», как силой воскрешающей, ибо умерший должен воскреснуть, зачать и родить себя самого в вечность.

XXVIII

Что значит «астральный» пол?

«Пол уже не есть вовсе тело... Тело клубится *около* него и *из* него, как временный фантом, которым он скрыт, как неумирающий и по-ту-светный ноумен, как лицо порядка «Сый» в нас: «Сый» («Суций» – Иагве), так будешь ты называть Меня» (**В. Розанов**. В мире неясн., 123). «Самый ком земли, из которого образовано это место (половое), вовсе иного происхождения, чем прочие части тела, и относится к ним, например, как метеоритное железо к обыкновенному» (ibid., 111). Пол есть «инкрустация в тело» (ibid., 318).

Вот почему египтяне иногда отрезают фалл у покойника – вынимают «инкрустацию» – бальзамируют отдельно и кладут рядом с мумией, в маленький деревянный позлащенный обелиск – солнечный луч – фалл. И здесь опять половое совокупление умершего с солнцем.

Вот почему и богиня Изида находит все части растерзанного тела Озирисова, кроме фалла: «инкрустация» выпала; фалл исчез, ушел туда, откуда вышел – из этого мира в тот. И богиня заменяет недостающий земной, эмпирический фалл неземным, трансцендентным – «священным изображением из сикоморового дерева». Оно-то и знаменует воскресение в египетских фаллофориях.

XXIX

Сын отвращается от пола Отчего; это для Сына в Отце – самое страшное, тайное, непостижимое, невидимое, трансцендентное. Так и для нас, находящихся в Завете Сыновнем, пол в Отце невидим.

«И приходил Я (Господь) мимо тебя (дщери Израиля), и увидел тебя, брошенную на поправление в кровях твоих, и сказал тебе: в кровях твоих живи. Ты выросла... и достигла превосходной красоты: поднялись груди, и волосы у тебя выросли... И вот это было время твое, время любви; и простер я воскрылия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою... и ты стала Моею» (Иезек. XVI, 6–8).

Мы это глазами читаем и глазами не видим. Брачный союз Бога с Израилем, – вот что значит: «жених крови по обрезанию». Бог – Жених, Невеста – Израиль. Обрезывается мужской, эмпирический пол (обрезание – «Оскопление» малое), выявляется пол трансцендентный, женский: по Вейнингеру, весь Израиль есть «Абсолютное Ж» (Пол и характер, 377).

И «огнь поядающий» в Боге есть огонь половой ревности.

«Ты стала блудить... и сделала себе мужские изображения (фаллы) и блудодействовала с ними... и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего... За то вот, Я соберу всех

любовников твоих... и раскрою перед ними наготу твою, и увидят весь срам твой... и предам тебя кровавой ярости и ревности» (Иезек. XVI, 17–38).

Опять глазами читаем и глазами не видим, а если видим, то ужасаемся, отвращаемся. Так, впрочем, и должно быть: для погруженных в эмпирическое все трансцендентное ужасно и отвратительно.

Но стоит только сравнить написанное здесь с изображенным на стенах египетских гробов и святилищ, чтобы понять, что бог Египта, Амон-Ра-Озирис, и Бог Израиля, Иагве – Элогим – один и тот же Бог итифаллический, и что религия фалла есть религия всей Отчей древности.

XXX

Зачем же все это? Зачем пол в религии? А вот зачем.

Весь древний Египет под знаком святого пола; мы под знаком пола проклятого; и смысл Египта – бесконечный мир, воскресение мертвых; а наш смысл – убиение живых, война бесконечная. Заповедь Египта: «воскресни», наша: «убей». Если мы хотим вернуться от смерти к жизни, то должны вспомнить о Завете Отчем, о святом поле.

XXXI

«Озирис» по-египетски – *Usiri*; «Изида» – *Usri*. Одно слово с двумя окончаниями, мужским и женским: Озирис и Озириса, Он и Она – Андрогин, Мужеженщина.

XXXII

Скарабей, священный жук солнца – тоже Он и Она, самец и самка вместе. Имя его *cheper* – «быть», «становиться» – самозарождаться, рождаться без отца и матери. Скарабей – сам себе отец и мать; с самим собой совокупляется, складывает семя в земле, и, смесив его с нею, наподобие яйца или шара, катит, как солнце, от востока к западу. Старый жук умирает, а новый из яйца вылупляется, как душа из мумии, и летит, окрыленной, к солнцу. Это окрыление – исступление любви совершенной, двуполой.

XXXIII

В «Повести о двух братьях», древнейшей повести мира, Бата-Озирис, соблазняемый женою брата своего, Анупы-Сэта, оскопляется. Бата говорит жене своей: «Я – женщина, как ты».

«Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного», – это слово как будто услышал Бата. Но Бата-Озирис оскопившийся, и Озирис итифаллический – один и тот же бог. Это мнимое «скопчество» есть фаллизм подлинный, только обратный, как бы на оси своей повернувшийся: эмпирический пол ущемляется, трансцендентный – выступает. Скопчество для царства небесного есть самый огненный пол в противопололе. Эрос в Антэросе. Тут не пустота, а полнога пола, как бы нерасплесканная, до Бога донесенная чаша любви.

XXXIV

По данным современной биологии, «в мире человеческом, так же как в мире животном и растительном, нет однополых особей, все промежуточны между двумя полюсами, мужским и женским» (*Вейнингер*, ib., XV).

В каждом мужчине есть тайная женщина; в каждой женщине – тайный мужчина. Неземная прелесть мужчины – женственность; женщины – мужественность. Эмпирический пол противоположен трансцендентному.

Вот почему в Египте всякий умерший, как мужчина, так и женщина, есть Озирис, и к подбородку женской мумии приставляется узкая, длинная плетеная борода Озирисова. С такою же бородакою, в мужском одеянии, изображается, по вступлении своем на престол, царица Хатшопситу, супруга Тутмеса III – настоящая *Venus Barbata*.

И вот почему в теле растерзанного бога исчезнувший фалл заменяет богиня «священным изображением» – своим собственным, трансцендентным фаллом.

Это смешно и нелепо? Да, но для погруженных в эмпирику все трансцендентное нелепо и смешно.

XXXV

И здесь, как везде, Израиль вторит Египту.

«И сотворил Элогим человека по образу Своему; по образу Элогим сотворил его; мужчину и женщину, сотворил их» (Быт. I, 27). Сначала: его, а потом: их. Образ Божий в человеке – два в одном, не Адам, а Адамо-Ева, потому что сам Бог – два Бога, Элогим, Он и Она – Мужеженщина.

И Талмуд объясняет Бытие: «Муж и Жена были в начале одно тело и два лица; тогда рассек господь тело их надвое и каждому дал хребет» (Midrasch Bereschit Rabba).

Точно так же, в Платоновой сказке, Зевс рассекает Андрогин, «как яйца, когда солят их впрок и режут на две равные половины волосом» (*Plato. Sympos.*).

XXXVI

Тайна Одного в Тайне Двух есть личность в поле. «Личность есть равенство обоих полов» (*В. Розанов. Люди лунного света*, 285).

«Пребывать в половой разделенности – значит пребывать на пути к смерти... Кто поддерживает корень смерти, тот вкусит и плоды ее. Бессмертным может быть только целый человек» (*Вл. Соловьев. Смысл любви. Собр. соч., VI*, 393).

Пол есть половина личности, мужская или женская. Корень смерти есть половой расщеп, распад личности. Сквозь это-то «открытое место» в теле, где прошел «волос, яйцо разрезающий», и входит смерть. А смерть победить, воскреснуть – значит восстановить целую личность, исцелить зияющую рану пола. Целая, исцеленная личность для смерти закрыта, замкнута, как совершенный круг или шар – «солнечный шар» Скарабея, «двуполоый шар» Андрогина.

XXXVII

Половая любовь есть неконченный и нескончаемый путь к воскресению. Тщетно стремление двух половин к целому: соединяются и вновь распадаются; хотят и не могут воскреснуть – всегда рожают и всегда умирают.

Половое наслаждение есть предвкушение воскресающей плоти, но сквозь горечь, стыд и страх смерти. Это противоречие – самое трансцендентное в поле: наслаждаюсь и отвращаюсь; то да не то, так да не так.

XXXVIII

Первый человек, бессмертный, до грехопадения, есть Адамо-Ева, Мужеженщина; и Последний, Воскресший – тоже.

«Взгляните на изображение Его... Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Девство, нежность, женственность, просвечивающая сквозь мужские признаки... Две природы в нем, и полнота в Нем человечности, закругленная, завершенная, чего и не может быть только в одном мужском или только в одном женском» (*В. Розанов, ib., 189*).

Так и должно быть в Том, Кто смертью смерть поправ, и полом – пол.

XXXIX

Св. Климент Александрийский сохранил не записанное в Евангелиях изречение Господа, *аграфон*: «Спросила же Его Саломея: Когда придет Царствие Твое? И сказал Иисус: Когда два будут одно, и мужское будет женским, и не будет ни мужского, ни женского» (*Clemens Alexandr. Stromata, III, XIII, 92*).

Что это? Половой ужас, безумие, тьма, или нечаянная радость, неведомая мудрость, невидимая часть солнечного спектра, ультрафиолетовый свет, *темные лучи*?

XL

Пол есть радий, источник темных лучей, темное солнце в теле человека и мира. Радий жжет, язвит, мертвит, но и живит, исцеляет, воскрешает. Если вынуть из мира это ночное солнце, то и дневное потухнет.

XLI

Один ожог темных лучей Египта – в божественной двуполости, другой – в кровосмешениях божественных.

Союз братьев с сестрами для египтян – святейший союз. «Сестра моя, жена моя», вот самое чистое для них слово любви.

Цари Египта – суть «сыны бога Солнца», и только дети, рожденные от священных, кровосмесительных браков, сохраняя в жилах своих чистоту «солнечной крови», могут наследовать царский престол.

XLII

Женился ли Рамзес II на двух дочерях своих, мы хорошенько не знаем, но знаем наверное, что в царском роду Псамметихов, царей египетских, а также Селевкидов, царей сирийских, находившихся под влиянием Египта, существуют «богоподобные» браки отцов с дочерьми, сыновей с матерями. Селевк I разводится с женой своей, Стратоникой, и отдает ее в супруги сыну. Антиох обручается с родной матерью, Клеопатрой-Селеной, бог Солнца – с богиней Луны.

XLIII

В кровосмешениях люди подражают богам, потому что все браки богов кровосмесительны.

Каждое утро бог солнца, как младенец, рождается от небесной богини Нуит; каждый полдень, как муж, зачинает от той же богини, матери своей, новое солнце, себя самого. «Я – Амон, который мать свою сделал беременной».

Изида – сестра, супруга и мать Озириса: он рождается от нее в тот мир, воскресает. «Возьми в уста твои сосец Изиды, сестры твоей, и соси устами твоими молоко матери твоей» (надпись на пирамиде Унаса).

Тут уже не простые числа, а логарифмы половых беззаконий, лестница кровосмешений.

И, наконец, метафизический предел их. «Ты – Скарабей со сложенными крыльями, как собственный сын свой, рождаешься», – говорится первичному богу, Атуму-Ра, Мужеженщине.

Так восходящая лестница кровосмешений есть путь к божественной двуполости, к целой Совершенной Личности: «Когда будут два одно, и мужское будет женским, и не будет ни мужского, ни женского, придет Царствие Небесное».

XLIV

В одной из самых «магических» повестей Гоголя («Страшная месть»), писателя, кажется, вообще наиболее «магического» во всемирной литературе, потому что наиболее насыщенного «половым радием», – старый колдун влюблен в дочь свою, Катерину. «Страшно, страшно!» – повторяет Гоголь, но сам не понимает, что с ним происходит; соблазняется этими «чудесами радия», как будто смутно предчувствует сверхъестественное в противоестественном. От этих-то соблазнов он и погиб, испепеленный ожогами темных лучей.

XLV

Колдун, влюбленный в дочь свою, – «чертов брат», «антихрист». Но вот, по наблюдению Вейнингера, невинные отроки, в сновидениях, испытывают половое влечение к матерям своим (*Вейнингер, ib., 264*). Первые ангельские грезы любви кровосмесительны.

Так, в естестве пола заложена противоестественность, а может быть, и сверхъестественность. Кто-то здесь прошел и оставил во тьме светящий след: прошел оттуда, из вечности во время, и след – закон деторождения; прошел туда, из времени в вечность, и след – половое беззаконие в религиях.

XLVI

Кровосмешение Эдипа – безысходная трагедия, неразгаданная тайна Сфинкса (Египта), потому что здесь уже потерял смысл «божественных кровосмешений»: трагедия есть непонятая мистерия.

XLVII

В половых беззакониях «пол идет против естества и рушит законы его... Чрево мира как бы пробуравливается, и в узенькую воронку потрясающего случая мы разглядываем еще второе над или под миром чрево; еще землю и опять небо – звездное же, но уже не с нашими созвездиями, – лилейное, но где цветы уже не наших садов» (*В. Розанов. В мире неясн., 116–117*).

Как же полу не идти против естества своего, не рушить законов своих, когда эмпирический закон пола – рождение и смерть, а трансцендентная воля его – воскресение?

XLVIII

В чем ужас кровосмешения?

Сим и Иафет, «шли задом», пятились к отцу своему Ною, чтобы покрыть наготу его (Быт. IX, 23); отворачивались, рожденные от родившего, по естественному течению пола во времени, ибо таков основной закон бытия: все уносится вниз по течению времени. Но вот, в кровосмешении, этот закон ломается: рожденное поворачивается лицом к родившему; рождает оттуда, откуда само родилось, и тем самым как бы поворачивает время назад, заставляет реку течь вспять. Происходит как бы трансцендентный, в самом теле человека, вывих времени.

В этом ужас кровосмешения, а в чем соблазн?

Закон времени, закон пола: рождение – смерть. В беззаконнейшем из половых беззаконий, в кровосмешении, человек восстает на этот закон: не хочет рождаться, потому что не хочет умирать. Если все уносится вниз по течению пола и времени к смерти, то надо повернуть течение назад. «Последний враг», смерть, гонит человека, и он бежит; но вдруг останавливается, поворачивается лицом к врагу, чтобы сразиться и, может быть, победить.

Сам человек этого сделать не может, но за него делают боги в кровосмешениях, и он подражает богам.

О, конечно, в древнем Египте это не сознавалось и не говорилось так, как я сейчас говорю! Там все темно, слепо и немо. Но тем изумительнее, что глаз еще не видит, а рука уже осязает, находит во тьме ощупью.

XLIX

Надо ли говорить, что загадка Сфинкса разгадана, закон «кровосмешений божественных» отменен для нас Тем, Кто сказал: «Я и Отец одно?»

L

И, наконец, последний, сильнейший ожог «темных лучей» – половая любовь живых к мертвым.

Гоголь знал и об этом. Прекрасная панночка-ведьма скачет верхом на молодом бурсаке Хоме Бруте; но он отмаливается, сам вскакивает на нее и, загоняв до смерти, влюбляется в мертвую.

«Он подошел к гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей – и не мог, несколько вздрогнувши, не зажмурить глаз... Такая страшная, сверкающая красота!.. В чертах лица ничего не было тусклого, мутного, умершего: оно было живо» («Вий» Гоголя).

Жизнь сквозь смерть, пол сквозь смерть – вот в чем соблазн этого ужаса.

Тут, в самом деле, «чрево мира пробуравливается, и сквозь узенькую воронку потрясающего случая мы разглядываем второе небо, но уже не с нашими созвездиями, – лилейное, но где цветы уже не наших садов».

LI

«Жен именитых мужей (в Египте), когда умирают они, не тотчас отдают бальзамировать, особенно тех, которые славились красотой своей, но дня через три или четыре (когда начинается тление). Делают же это для того, чтобы не совокуплялись с ними бальзамировщики», – повествует Геродот (II, 89) уже почти с нашею, медицинской, юридической и теологической

грубостью, ничего не понимая в этом «потрясающем случае». Ничего не понимаем и мы, «христиане», терпящие проституцию, совокупление живых с живыми трупами.

Но Данте, лобзая последним лобзанием Беатриче в гробу, может быть, понял бы: истинною любовью любят живые только мертвых; только в разлуке смертной понимает любящий, что любовь есть путь к воскресению.

«Сыны воскресения не женятся, ни замуж не выходят, ибо равны ангелам» (Лук. XX, 35–36).

Но что же такое любовь-влюбленность, самое небесное из чувств земных, как не греза о небе на земле уснувшего Ангела? И почему сыны воскресения суть «сыны чертога брачного»?

Уничтожен ли грешный пол святым, или преображен, – в этом, конечно, весь вопрос.

ЛII

И вот опять не знаю, как говорить о святом проклятыми словами; опять «язык прилипает к гортани, бумага под чернилами горит, тлеет, проваливается».

В Абидосском храме фараона Сэти I, и на гробнице Озирисовой, саркофаге из черного базальта, в Абидосском некрополе, и в тайном притворе великого Дендерахского святилища, повторяется одно изображение: на смертном ложе лежит Озирисова мумия, окутанная саваном, – воскресающий, но еще не воскресший мертвец с поднятым фаллом; и богиня Изида, ястребиха, парящая в воздухе, опускается на него, живая совокупляется с мертвым (*Mariette. Danderach, IV, pl. 68–70, pl. 90 – A. Moret. Rois et Dieux d’Egypte, 136, pl. X*).

«Лицо Изиды светом озарилось, обвевая крылами Озириса и вопль плачевный подняла о брате... Воздвигла члены бездыханного, чье сердце биться перестало, и семя извлекла из мертвого» (Гимн Изиде. *Wallis Budge. Osiris and Egypt. resurrection, 94*).

Сестра совокупляется с братом, мать – с сыном, животное – с трупом. Какое нагромождение половых ужасов и мерзостей, и это – в самом сердце Египта – святыня святынь!

О, разумеется, никто из нас, безбожников, скопцов и распутников, не способен задуматься, как благоуханнейший, небеснейший цветок земли – Египет – мог вырасти из этого «ужаса» и этой «мерзости»!

ЛIII

Приди в твой дом, приди в твой дом, Возлюбленный!
О, Первенец из мертвых,
Не упоены ли все наши сердца
Любовью к тебе, Благой, Торжествующий?..
Люди и боги, простирая длани свои,
Ищут тебя, как дитя ищет матери...
Приди же к ним!.. Приди в свой дом!..
Взгляни на меня: я сестра твоя,
Я люблю тебя, не уходи от меня!
О, Дитя прекрасное, приди в свой дом!..
Вот, я хочу тебя видеть, я хочу тебя видеть,
О, Владыка прекрасный, я хочу тебя видеть!..
Приди к твоей Возлюбленной, приди к Сестре твоей!
О, ты, чье сердце биться перестало,
Лица богов и людей обращены к тебе:
Все вместе плачут о тебе...

Когда я тебя увидела,
То возрыдала, возопила
Голосом громким до самого неба;
А ты не услышал.
Я – сестра твоя, на земле тебя любившая;
Никто не любил тебя больше, чем я!

Так плачет Изида над мертвым телом Озириса.

LIV

И Песнь Песней вторит Египту:

На ложе моем, ночью,
Искала я того, кого любит душа моя,
Искала его, и не нашла его...

* * *

Пленила ты сердце мое,
Сестра моя, Невеста;
Пленила ты сердце мое
Одним взглядом очей твоих...

* * *

Положи меня, как печать, на сердце твое,
Как перстень, на руку твою:
Ибо крепка, как смерть, любовь...

Две тысячи лет Церковь Христова поет эту песнь торжествующей любви, а мы не слышим, не понимаем. Несчастные безбожники, жалкие скопцы и распутники! Воистину, надо иметь в жилах кровь мертвеца, чтобы не понять, что нет на земле и не будет большей любви, чем эта. «Никто на земле не любил тебя больше, чем я!» – «Крепка, как смерть, любовь». Это и значит: любовь сквозь смерть, сквозь смерть воскресение.

LV

Первый Озирис, растерзанный, есть тень Распятого, второй, воскресающий, – тень Воскресшего; а третий, тот, кого назвать, на кого мы даже взглянуть не смеем, – чья тень?

LVI

С бытием соединен Апокалипсис больше, чем Евангелие, и как бы над Евангелием, ветвями Древа Жизни, с «листьями для исцеления народов» (Апок. XXII, 2). Для исцеления всех ран – и зияющей раны пола.

В Евангелии – «скопцы, которые делают сами себя скопцами для Царства Небесного»; в Апокалипсисе – «Жена, облеченная в солнце, имеющая во чреве» (XII, 2). В Евангелии – Жених без Невесты; в Апокалипсисе – брачная вечеря Агнца; «и Дух и Невеста говорят: прииди!».

«Приди к твоей Возлюбленной, приди к Сестре твоей!» «Положи меня, как печать, на сердце твое», – это слово Невесты услышал весь Отчий Завет, от Египта до Израиля. Но, пока не услышит его и Завет Сыновний, от Евангелия до Апокалипсиса, не кончится начатый путь – от Тайны Одного, через Тайну Двух, к Тайне Трех.

Конец Египта

I

«Так говорит Господь: опустеет Египет среди опустошенных земель, и города его будут среди опустошенных городов. И узнают, что Я – Господь» (Иез. XXX, 6–8).

Это пророчество исполнилось и донныне исполняется. Над другими землями опустошение проходит однажды, а над Египтом всегда. На другие народы смерть дохнет, и умирают, а на Египет дышит – и смерти нет конца.

II

Багрово заходящее солнце на великой Фиванской равнине, затопленной половодием Нила, отражается в воде длинным столбом между двумя колоссами Мемнона; каждый из них – исполинская глыба песчаника – фараон, сидящий со сложенными на коленях руками, в торжественном покое; а там, на краю пустыни, караван верблюдов тянется, так же как во дни Авраама и Иосифа. Когда же сходит вода, то по всей равнине, в высоких травах, видны разбросанные члены других низверженных колоссов, как на поле битвы гигантов.

Такое поле битвы – весь Египет.

III

В Бибан-эль-Молуке, Долине Царей, бесчисленные мумии разбросаны, раздеты, раздроблены. Стопы проходящих топчут члены некогда тщательно набальзамированных тел, или напитанные драгоценными смолами ткани, в которые они были закутаны. «Бедуины мои выбрасывали копьями тысячетные трупы» (А. Норов. Путешествие в Египет, II, 91).

Весь Египет – такой обесчещенный труп.

IV

«Я – Озимандий, царь царей. Кто хочет быть велик, как я, да узрит, где я покоюсь, и да превзойдет создания мои», – так гласила надпись на одном колоссе, поверженном в Мемнонии (Диод. Сицил.).

Но от величия царя Озимандия не осталось даже имени.

V

«Я никогда не забуду, как на восходе солнца вдруг две гигантские тени быстро потянулись от колоссов Мемнона по всей долине разрушения и легли главами своими на хребте Ливийских гор, там, где погребен их фараон» (А. Норов, II, 91).

Такие тени – все тысячелетия славы египетской.

VI

«О, Египет, Египет! одни только предания останутся о святости твоей, одни слова уцелеют на камнях твоих, свидетелях благочестия твоего... Наступят дни, когда будет казаться, что египтяне тщетно служили богам так усердно и ревностно, потому что боги уйдут на небо, и

люди на земле погибнут. Ты плачешь, Асклепий?... Но придут еще горшие бедствия: сам Египет, некогда святая земля, станет примером несчастья, и тогда отвращение к миру овладеет людьми, и мир перестанет внушать им благоговение... Так наступит ветхость мира». И мир истребится огнем (*Hermes Trismeg. Asclepios*, XXIV).

VII

«Тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (Вт. Петр. III, 10).

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla.

VIII

«Не знаю как, но Гермес предугадал почти всю истину», – говорит отец церкви, Лактанций, о пророчестве Гермеса (*Divin. Instit.* IV, 9).

IX

Конец Египта – конец мира, по Гермесу. Если корень есть Египет, а дерево – человечество, то корень исторгнется только вместе с деревом; и если Отчий Завет, от Египта до Израиля, есть начало мира, то это начало до конца останется. Египет не только был в веках, но и будет в вечности.

Не позади, а впереди нас – вечный Египет. Все наше движение вперед, весь «прогресс» оказался мнимым: думая идти вперед, мы шли назад, и вот куда зашли – в антропофагию. Если уже созрел этот плод «прогресса» у одного христианского народа, то почему бы не созреть ему и во всем человечестве? Озирис, бог мира, уничтожил антропофагию, а Сэт, бог войны, возобновил. Мир начался Египтом и нами кончается. Какое славное начало и какой презренный конец!

X

Да, мнимым оказался «прогресс». По сравнению с Египтом, мы дики и скудны. Но при всей нашей скудности мы могли бы иметь в прогрессе, не мнимом, а подлинном, то, чего нет у Египта; мы пали ниже, но могли бы восстать выше, чем он; мы погибаем, но могли бы спастись вернее, чем он.

XI

Казалось бы, исходная точка Египта есть борьба двух непримиримых начал, злого и доброго, Сэта и Озириса. Казалось бы, так, но так ли на самом деле?

Кто Озирис, Египет знает; но не знает, кто Сэт: зло или добро, отрицание или иное утверждение, диавол или иной Бог? Этого Египет не знает, не может или не хочет знать; не делает между Богом и дьяволом окончательного выбора. Тут в религиозном знании, в религиозной воле Египта – неразрешимая двойственность.

XII

Нет одного Египта, есть два: Нижний и Верхний, полуночный и полуденный. Красный и Белый, Сэтов и Озирисов (или Горов, потому что Гор – Озирис воскресший).

После поединка Сэта и Гора отец их, бог земли, Гэб, разделит между ними Египет поровну. «Так примирились они, сделались братьями и больше не спорили» (*Roeder. Urkunden*, 168).

«Примиритесь же, – говорит им богиня Изида. – Это лучше для вас, чем друг друга терзать. Воистину, бог Тот (бог меры) слезы ваши высушит» (ib., 166).

Вот почему средоточие Египта – святилище Пта, Мемфисского верховного бога, именуется «Весами Обеих Земель»: на одной чаше весов – Египет Верхний, царство Горово, на другой – Нижний, царство Сэтово (ib., 168). И равновесие весов есть вечная недвижимость Египта.

XIII

Сэт-Гор или Сэт-Озирис, с двумя головами на одном теле, воплощает эту религиозную двойственность (*Lepsius. Denkm.* III, 234 b). И царь – тоже: на челе его две короны, белая и красная, Горова и Сэтова, соединяются; имя царя: *Set neb, Hor neb*, «совершенный Сэт, совершенный Гор».

Двойственность – не только в мире этом, но и в том: умершего берет за одну руку Гор, за другую – Сэт, и оба возводят его на небо (пирамида Унаса). Сэт – «ужас» только для слабых: после борьбы и победы умершего Сэт примиряется с ним.

Для нас этот двойной бог – *Usiri-Seti, Hor-Seti* – из всех богов самый невозможный, немислимый – Бог-Дьявол.

XIV

В самом Египте отвращение и тяготение к Сэту борются: недаром Сэт – брат Озириса и братоубийца. Воинственные цари Тутмесы и Рамзесы возобновляют богопочитание Сэта. А Сэти I – имя его от бога Сэта – в своей гробничной надписи именуется *Usiri* (Озирис), дабы не называть слишком страшного имени Сэтова; слишком страшного или святого, этого Египет не знает, не может или не хочет знать. Тут как бы «темная вода» в глазу Египта.

Проклинает Сэта, но не до конца; благословляет, и тоже не до конца. Только что начертанное Рамзесами и Тутмесами имя его последние цари Нового Царства стирают, соскабливают, разбивают молотом. Неодолимо отвращается от бога войны египетская милость, мирность, невоинственность. Братство или братоубийство, мир или война, Озирис или Сэт? В этом вопросе безответном – весь смысл Египта.

XV

Равновесие весов Мемфисских неустойчиво; ненадежен мир Бога с дьяволом: только что помирившись, возобновляют войну. Каждое утро Сэт побеждается Гором; каждый вечер Гор – Сэтом, и битве нет конца.

XVI

Сэт не дьявол: вообще в египетской религии нет дьявола, нет последнего зла, а потому и нет последней борьбы, динамики, цели, конца.

Нужен ли вообще конец, Египет не знает: в этом его бессилие.

XVII

Как будто здесь, в Египте, человек уже вкусил от древа познания, но яд еще не разлился по жилам; человек уже просыпается от райского сна, но еще не проснулся; уже изгнан из Эдема, но еще стоит на пороге и смотрит назад.

XVIII

Человек вышел из рук Божиих. Источник света – позади. От света отходит Египет, и свет для него умалется. Религиозная двойственность Египта и есть это умаление света, наступающие сумерки.

В свете изначальном воскресение совпадает с концом этого мира, началом того, а в наступающих сумерках идея конца потухает, оба мира не соединяются, а только смешиваются, и воскресение становится «повторением жизни» – *nemanch*. Все, что было в веках, повторяется в вечности с совершенным тождеством.

Вот сухой лист падает, кружится в воздухе; так падал и кружился он, будет падать и кружиться бесконечное множество раз, из вечности в вечность.

Вдруг мелочи жизни сцепляются, как стеклышки в калейдоскопе, незнакомо-знакомо, чуждо-родственно, и я ощущаю с трансцендентною ясностью:

Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда.

Мировые круги, циклы, повторяются; конец каждого старого есть начало нового; или не начало, не конец, а только продолжение, возвращение вечного круга.

XIX

Египетский *nem-anch* есть орфический «апокатастазис» (возобновление мира). «Через бесконечно долгие промежутки времени светила небесные уклоняются с пути своего, и тогда все на земле истребляется огнем»; происходит апокатастазис; то положение звездного неба, какое было при начале мира, восстанавливается, и мир начинается сызнова («Тимей» Платона).

В мире новом душа вселяется в старое тело, опять живет, опять умирает – и так без конца. Колесо катится не по земле, а вертится в воздухе – движение недвижимое. Ужас *дурной бесконечности* – ужас египетских сумерек.

XX

Озирис – вечная мумия, воскресающий, но не воскресший мертвец. Воскресения окончательного нет – есть только усилие к нему бесконечное.

XXI

Тайна о трансцендентности божеской еще сохраняется в мудрости жреческих школ, а в вере народной уже потеряна. Меркнет сознание Бога, сущего над миром. Грань между миром и Богом стирается, происходит не соединение, а смешение двух порядков. Что человек будет

Богом, помнится, а что он еще не Бог, забывается. Не в существе между ними разница, а только в мере, в степени.

Богopodobие людей подменяется человекоподобием богов. Боги те же люди: стареют, болеют, умирают и воскресают – воскрешаются.

Все египетское богослужение есть не что иное, как воскрешение умерших богов. Изваяние бога есть мертвое тело его. Подобно Озирису, все боги Египта – вечные мумии, мертвецы не воскресшие. Когда царь-жрец вступает в святилище, то всякий бог есть труп Озириса, убитого Сэтом: так же растерзано тело его, раздроблены кости, голова отрублена. Два обряда, богослужебный и погребальный, тождественны: тем же орудием, в виде солнечной змейки-урей, отверзаются уста обеих мумий, человеческой и божеской; теми же мастьями обе умащаются; теми же курениями окуриваются; те же румяна для щек и сурьма для глаз предлагаются обоим.

Обнимая умершего бога, жрец вдыхает в него дыхание жизни. И цель богослужения достигнута, когда божеский труп оживает в объятиях жреца. Но ненадолго: опять умирает, опять воскрешается – и так без конца.

XXII

Смертные боги Египта – слишком люди. Приступая к священнодействию, жрец успокаивает бога: «Я пришел не для того, чтобы бога убить; воистину, пришел я для того, чтобы оживить бога». Что же это за Бог, которого нужно так успокаивать?

XXIII

Обожествление человека, очеловечение Бога – между этими двумя пределами мысль Египта кружится, бьется, изнемогает.

Полный свет Египта – в богочеловечестве, сумерки – в человекобожестве. «Царь есть Бог», на этом строится весь Египет. Можно сказать, что нигде никогда не бывало такой совершенной теократии. Это уже хилиазм, «тысячелетнее царство Божие», но в смысле обратном христианскому: хилиазм в настоящем, а не в будущем; в статике, а не в динамике. Там, где Апокалипсис говорит: «будет», Египет говорит: «есть».

XXIV

Человекобожество ассиро-вавилонских царей, римских кесарей, византийских императоров есть только наследие фараонов – египетская вечность в веках.

И что такое наш социализм, как не опрокинутый хилиазм, царство человеческое вместо царства Божиего? – «Я не понимаю, как можно сказать: нет Бога, и в ту же минуту не сказать: я Бог» (Кириллов, у Достоевского). «Я Бог», начал Египет; «нет Бога», кончили мы.

Вот где конец Египта.

XXV

В Египте совершаются три тайны, тремя лучами светит свет изначальный: в Озирисе воскресшем совершается тайна Одного, Личность; в Озирисе итифаллическом – тайна Двух, Пол; в Озирисе теократическом – тайна Трех, Общество. Три Озириса в одном; три тайны в одной. Но это еще не последнее соединение, а только первая слиянность.

Три луча – три меча: как мечи, пронзают, режут нас антиномии Личности, Пола и Общества; бесконечно расходятся, раскрываются в нас три листа божественного Трилистника, в Египте еще не раскрытые, свитые, как лепестки подводного лотоса, где спит Младенец Бог.

XXVI

«Томительно, но не грубо свистит вентилятор в коридорчике: я почти заплакал: да вот, чтобы слушать его, я хочу еще жить, а главное, друг должен жить. Потом мысль: неужели он, друг, на том свете не услышит вентилятора? И жажда бессмертия так схватила меня за волосы, что я чуть не присел на пол. – Глубокою ночью» (**В. В. Розанов**. Уединенное, 265).

Глубокая ночь ступила над миром после египетских сумерок, и в этой ночи «схватывает за волосы» мир египетская жажда воскресения.

XXVII

«Могила, – знаете ли вы, что смысл ее победит целую цивилизацию?.. То есть, вот равнина, поле; ничего нет, никого нет... И этот горбик земли, под которым зарыт человек. И эти слова: „зарыт человек“, „человек умер“, своим потрясающим смыслом, своим великим смыслом, стенающим, – преодолевают всю планету и важнее „Иловайского с Атиллами“. Те все топтались. Но „человек умер“, и мы даже не знаем, кто: это до того ужасно, слезно, отчаянно, что вся цивилизация в уме точно перевертывается, и мы не хотим „Атиллы и Иловайского“, а только сесть на горбик (†) и выть на нем униженно собакой» (ib. 279).

Из горбика, где зарыт человек, выросла пирамида Хеопсова, а из «собачьего воя» – эта надгробная песнь времен Птолемеевых:

Зодчие зданий гранитных, творцы пирамид богами не сделались,
Гробы их запустели так же, как гробы нищих, всеми покинутых
на берегу пустынных вод...
Никто не вернется оттуда, не скажет нам, что за гробом
нас ждет;
Никто не утешит нас, доколе и мы не отыдем туда,
куда все отошли.
Радуйся же, смертный, дню своему, делай дело свое на
земле, пока не наступит день плача.
Его же не услышит Бог с сердцем небьющимся – и
не спасет.

Это и значит: «Египтяне тщетно служили богам».

XXVIII

И за тысячи лет до времен Птолемеевых, старый певец-арфист Антэфа царя уже поет:

Что значит величие живых, что значит ничтожество мертвых?
Значит – согласие с законом, царящим в царстве
вечности, в земле правосудия,
Где нет ни насилия, ни войн, где не нападает брат на брата,
Но в мире все вместе лежат, множество множеств,
Закону единому следуют, ибо сказано всем, вступающим в жизнь:
«Живи, благоденствуй, доколе и ты не возляжешь на смертное
ложе».
Тихость же Бога с сердцем небьющимся – лучший удел...

Роды родами сменяются; солнце восходит, солнце заходит;
Мужи зачинают, жены рожают; ноздри всех утренний воздух
вдыхают,
Пока не отыдет в место свое человек...
Радуйся же, смертный, дню твоему!
Умастись мастями благовонными,
Вязи вей из лотосов для плеч твоих и сосцов сестры твоей
возлюбленной,
Услаждайся песнями и музыкой, все печали забудь, помышляй
только о радости,
Пока не причалит ладья твоя к берегу Молчания...
Слышал я и о том, что постигло праотцев:
Стены гробниц их разрушены, их место не узнает их,
и были они, как бы не были...
Радуйся же, смертный, дню твоему!..

Но вот, не радуется тот несчастный, в глубокой ночи, под свистящим вентилятором, которого «схватывает за волосы жажда бессмертия», или тот «воющий собакою» над могильным горбиком.

XXIX

По Геродоту (II, 78), песнь Манероса (сына Менесова) была древнейшей и единственной песнью египтян; воспевали же ее за трапезой, в сонме пирующих, обнося гроб с мертвецом:

Запад – страна усыпления, тьмы тяготеющей,
Где сидят обитатели сонные;
Не проснутся, чтоб увидеть друзей своих,
Не узнают ни отца, ни матери,
Не обнимутся с детьми и с женами...
Там, на дне долины сумрачной, —
Не вода, а тина черная;
А испить воды так хочется...
Я припал бы к свежим водам,
Уст моих не оторвал бы;
На побережьи вод текущих,
К ветру северному жадно
Обратил бы я лицо мое...
Прохладил бы я сердце мое,
В муке горящее.
Имя Всесмерти: «Приди!»
Когда зовет Всесмерть,
Все идут на зов,
Сердца немеют от ужаса...
Плачут боги и люди,
Но Всесмерть не взирает на них,
К зовущим ее не приходит,
Славящим ее не внимлет,
Молящих не милует...

Начало Египта – воскресение, а конец – «всесмерть».

XXX

Такой небесной радости земли, как в Египте, нигде не бывало, но и такой печали тоже.

Творение мира – смех Бога: Бог смеется и смехом творит; шесть дней творения – шесть смехов божеских; а в седьмой раз засмеялся – и воскорбел, пролил слезу: слеза Божия – душа человека (Hermes Trismeg). Вот откуда печаль Египта.

XXXI

В одной фиванской гробнице, тело неизвестной царевны тлеет тысячи лет, источая выпотение смрадного гноя. Таков конец Египта: сквозь солнечный лик Озириса – черный лик тлеющей мумии; сквозь песнь воскресения – песнь Всесмерти: «Приди!»

XXXII

В подземном царстве Туат есть кладбище богов. Когда в восьмом часу ночи бог солнца Ра, в ладье своей, проплывает мимо этого кладбища, мертвые боги чуть-чуть оживают, шевелятся, хотят встать и не могут, и отвечают зовущему Ра только шепотом, шорохом, подобным жужжанию пчел над цветами или звону стрекоз над водой, в затишье полуденном.

XXXIII

И, наконец, последний вопль отчаяния: «Ныне смерть для меня, как благовоние мирры и лотоса, как путь под дождем освежающим, как возвращение на родину». – «Скорей бы конец! Не начинать бы, не рождать, – и замер бы всякий звук на земле, и всякая распря затихла бы!»

Тут уже конец Египта – конец мира: сесть на «горбик», где зарыто все человечество, и «выть собакою».

Конец Египта – наш конец, и суд над ним – над нами суд.

«Вот, Господь воссядет на облаке легком и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идола египетские, и сердце Египта растает в нем» (Ис. XIX, 1).

«О, Египет, Египет! одни только предания останутся о святости твоей, одни слова уцелеют на камнях твоих... Наступят дни, когда будет казаться, что египтяне тщетно служили богам...»

XXXIV

Нет, не тщетно. Вся сила Египта – бессилие, вся мудрость – безумие, все величие – ничтожество перед единою каплею Крови, пролившейся на Голгофе. Но «от Египта воззвал Я Сына моего». И можно сказать, не кощунствуя, что Египет нужен Сыну, так же как Сын – Египту.

Christo jam tum venienti

Credo parato via est.

Верю я: ныне грядущему Господу путь уготован.

(Prudent. Contra Symmach., II)

Весь Египет – путь к Господу. Землю вспахал для сева Господня египетский плуг.

Тишина Египта – тишина ожидания. «Ей, гряди, Господи!» – шепчет он – и замер, застыл, окаменел в ожидании.

XXXV

Все, что Египет получил даром, мы покупаем страшной ценой, и это – благо: даром дастся во времени, покупается в вечности.

XXXVI

«Сам Египет, некогда святая земля, станет примером нечестия, и тогда отвращение к миру овладеет людьми», – предсказал Гермес первых христианских подвижников, проклявших землю именно здесь, в первых монашеских общинах, скитах Фиваиды. «Не мир пришел я принести, но меч», и это благо: чтобы до конца соединить, надо разделить до конца.

Три меча разделяющих – три листа божественного Трилистника. В первой весне мира, в Египте, этот Трилистник закрыт, в последней весне раскроется.

Не Изида Трехвенечная
Ту весну им приведет,
А нетронутая, вечная,
Дева Радужных Ворот.

Когда мать Изида с младенцем Гором скрывалась от Сэта в Нильских заводях, то на зеленую стену высоких папирусов упала тень Младенца и Матери. «Встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет».

Иногда в мертвой пустыне Египта зеленеют одинокие смоковницы: корни их питаются в песке просочившимися водами Нила. Посвященные в древности Изиде, ныне посвящены они Богоматери. Весь Египет – такая смоковница.

XXXVII

«Снова начинается Египет.

Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος

(*Pseudo-Calisthen.*, II, 27), – так говорили накануне первого пришествия Господа; и, может быть, так же скажут и накануне второго.

«Беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Матф. II, 13). Однажды Египет спас Младенца от Ирода и, может быть, снова спасет.

XXXVIII

На святой земле Египта целую след Младенческих ног и плачу от радости.
Милостив буди мне, Господи, за то, что я нашел Твой след!

Вавилон – Таммуз

Поклонение волхвов

I

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском, во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока... И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как, наконец, пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, матерью Его, и, падши, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Матф. II, 1 – 11).

II

Св. Иероним говорит: «Вифлеем, ныне для нас святейшее место земли, о коем Псалмопевец поет: Истина возникла из земли, – осеняем был некогда рощею Таммуза или Адониса, и в вертепе том, где Христос Младенец плакал, оплакивался древле Венерин возлюбленный» (Epist., 49, ad Paulin.).

«Оплакивается, как умерший, а потом воспевается и славится, как воскресший» (ad Iesec., VIII, 14).

Это значит: смерть и воскресение Бога – тайна Христова предречена тайной Адонисовой-Таммузовой. Вот чему пришли поклониться «волхвы с востока».

III

«Волхвы» – волшебники, «маги», «халдеи», мудрецы вавилонские, звездочеты и звездопоклонники. Звезда, которую видели они на востоке, есть звезда утренняя, наша Венера, Иштар (Ištar) вавилонская. Восход ее указывал начало празднества Таммузова, плача о боге умершем, ликования о воскресшем, всюду, где почитался Таммуз-Адонис, от Вавилона до Столпов Геркулесовых.

IV

Сим и Иафет, семиты и арийцы, разделенные всегда, или, по крайней мере, за память человечества, в языке, духе и крови, соединяются в таинственном имени этой звезды: по-семитски, вавилонски Ištar, по-финикийски Astarte; и в языках арийских то же имя: в санскрите star, в авесте stare, в греческом

ἀστήρ

, в латинском astrum, stella, в немецком Stern, во французском astre. Так во всех веках и народах всемирно-исторических, от той незапамятной древности, когда «по всей земле был один язык» (Быт. XI, 1), до наших дней, имя Иштар, звезды Вифлеемской – одно.

Как будто из одной колыбели к одной и той же Звезде Утренней только что проснувшееся человечество подняло глаза свои и назвало ее одним и тем же именем.

В небе светлеющем, во исполнение пророчеств,
Я восхожу, восхожу в совершенстве.
Я – Иштар, богиня закатная,
Я – Иштар, богиня рассветная.

(*P. Dhorme. La relig. Assyro-Babyl.*, 56)

V

Ištar – имя небесное, а земное – Mami. Обе половины человечества, семитское и арийское, соединяются и в этом имени земном: в языках семитских и арийских – один и тот же корень: mater – ma. Как будто и он сохранился от той незапамятной древности, когда «по всей земле был один язык». Языки смешались и разделились во всем, – только не в этом; как будто из одной колыбели к одной Звезде Утренней подняло глаза свои человечество и пролепетало: «Mami! – Мама!» как все мы лепечем детским лепетом. С ним проснулось оно и, может быть, с ним же уснет последним сном.

VI

Во дни царя Гаммураби, современника Авраамова, первого законодателя человечества, все шумеро-вавилонские богини соединяются в одну Ištar-Mami, – «Матерь богов и людей», «Всецматерь».

«Дан ему скипетр и венец, потому что создала его мудрая Мами», – сказано о царе Гаммураби, в начале законодательства (*Ieremias. Handbuch der altorient. Geisteskult.*, 210). И все цари Вавилона – ее же «создания»; все, как дети, зовут ее, лепечут: Mami. И она утешает, баюкает всех, как детей своих, – даже Ассурбанипала Ужасного:

Я укрою тебя, как мать укрывает дитя свое,
Спрячу тебя меж сосцов моих, как печать ожерелия.
Не бойся же, мальчик мой маленький!

(*Phil. Berger. Origines Babil.*, 23)

VII

Ее изваяние древнейшее – мать, кормящая грудью младенца, или прижимающая руки к сосцам своим, как бы для того, чтобы выдавить из них молоко; нагое тело – по исполнению, иногда чудовищно-грубое, но по замыслу тонкое, полудетское, полудевичье.

Такое изваяние найдено в кургане Telle, в Месопотамии (*Contenau. La Déesse Nue Babyl.*, 57). И почти такие же встречаются в Египте доисторическом, в Сиро-Финикии (*Tell-Taanek* и *Zendjirli*, loc. cit. 78), в Малой Азии (Хеттее), в остатках доэллинской древности, на островах Эгейского моря, на о. Кипре, в Микенских слоях, на о. Крите, в слоях неолитических и, наконец, в Западной Европе (Франция), в пещерах каменного века (четвертичная эпоха, гроты grimaldi и Brassempouy, loc. cit. 103).

Везде – все та же Матерь с Младенцем. Это в начале мира, а в конце: «Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, а на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела в чреве» и «родила Младенца» (Откр. XII, 1 – 13). И на вавилонских печатях цилиндрах – Иштар-Мами, нагая, облеченная в солнце, как в ризу, с лунным серпом и звездами.

Все та же везде. О Ней, о Матери, первая и последняя мысль человечества: Ею все началось, и, может быть, Ею же кончится.

VIII

Человечество, как Бедный Рыцарь:

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите.

А. М. D. – Alma Mater Dei, а по-вавилонски: Ummu rimnītum ša niše – «человеков Матерь милосердная».

Всех детей твоих, Матерь,
Помилуй, спаси, заступи!

(A. *Jeremias. Handbuch*, 218)

Царица всемогущая, милосердная Заступница,
Нет иного прибежища, кроме тебя!..

(A. *Jeremias. Das alte Testament*, 107)

Что это, христианский акафист? Нет, вавилонская клинопись.

Очи возвел я к Тебе,
Ухватил я край ризы Твоей...
Ты спасаешь, разрешаешь и милуешь, —

(P. *Dhorme. La relig.*, 260)

могли бы сказать волхвы с востока, поклоняясь Матери с Младенцем.

IX

В вавилонском предместьи, Борзиппе, над нынешним курганом Birs Nimrud, возвышаются развалины древней асфальто-кирпичной башни, святилище бога Nebo (Прорицателя), или звездочетной вышки, Ziqqurrat, исполинской, семиярусной. «Построим себе башню высокою до небес» (Быт. XI, 4).

По описанию Геродотову (I, 181), эта башня состояла из восьми уступов или меньших башен, постепенно суженных кверху, так что на первой стояла вторая, на второй – третья, и так, восемь башен, все одна на другой; а на самой верхней – святилище с великолепным ложем и золотою трапезою; но никакого изображения бога там не было и никто не оставался на ночь, кроме одной женщины из того народа, избранной богом. Халдеи же сказывают... будто сам бог нисходит во святилище и почивает на ложе, так же как и в Египетских Фивах, по свидетельству египтян, ибо и там остается на ночь женщина в святилище Зевса Фиванского (Аммона-Ра); и обе не знают мужа.

Kadištu, «непорочными», или enītu, «невестами божиими» назывались жены и девы-затворницы, жившие в особых кельях близ вавилонских храмов и посвященные богине Иштар.

Одну из них жрецы в торжественном шествии, во время празднества Иштар, возводили на семьюрусную, семивратную башню – Zikkurrat – по наружной семиуступной лестнице.

Семь драгоценных убранных было на деде, так же как на самой богине, жрецы снимали их по одному в каждах вратах: в первых – царскую тиару с головы, во вторых – серьги из ушей, в третьих – ожерелье с шеи, в четвертых – эфод с персей, в пятых – кольца с ног, в шестых – пояс с чресл, в седьмых, последних, – «покрыв стыда» с ложесн. И дева вступала, нагая, во святилище (*Fr. Lenormant. Fragm. cosmog. de Bérose, 460*).

X

Несметные толпы с плоских кровель великого города смотрят на нее, восходящую, богоподобную, в облаке курений, в звоне арф и псалтирей, в хоре молитв.

Над исполинскими уступами башни, в безоблачном небе Сенаара, искрится вечерняя звезда и тонкий рог нового месяца. А когда, перед входом в святилище, снят последний покров с непорочных ложесн, то все обнаженное тело белеет, голубеет, лунно-звездное, с темным треугольником стыда, и человеческие множества падают ниц в благоговейном ужасе.

На вершине башни святилище сливается изразцами небесно-лазурными с темнеющей лазурью неба так, что нельзя отличить одно от другого, и кажется, башня уходит вершиною в самое небо, и в самое небо вступает Непорочная.

Что же ждет ее там, во святилище?

Тихо, тихо. Вдруг в окне,
За окном, – мелькнуло белое...
Сердце дрогнуло во мне,
Сердце девичье, несмелое...
Но вошел... И не боюсь,
Не боюсь я Светлоликого.
Он, как брат мой... Поклонюсь
Брату, вестнику Великого.
Белый дал он мне цветок...

XI

Геродотово свидетельство о жене или деде, ожидающей Бога на башне, подтверждается изображениями на вавилонских печатях-цилиндрах (*Fr. Lenormant. La magie chez les Chaldéens, 132*): ступенчатая башня, на вершине ее брачное ложе, на нем восседает бог, старика, поклоняясь, подводит к нему юную деву, и бог подает ей цветок.

Белый дал он мне цветок...
Белую лилию: «Радуйся, Благодатная!»

XII

Вот чему пришли поклониться волхвы с востока: весь путь Вавилона – путь к Младенцу и к Матери.

XIII

«Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды. И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли... И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Матф. II, 7 – 12).

«Се, Ангел Господен является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет... ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Матф. II, 13).

Геродот, повествуя о двух женщинах, ожидающих Бога на башнях Вавилона и Фив, не подозревает, какой тайны касается, соединяя в этом ожидании Вавилон с Египтом. Между поклонением волхвов и бегством в Египет, между восходящею звездой вавилонскою и восходящим солнцем египетским – Младенец Христос. Как будто Вавилон и Египет вступили в заговор, чтобы спасти Его, укрыть.

Оба идут к Нему, а может быть, и от Него; Он в конце обоих, а может быть, и в начале.

XIV

Душа Египта, Озирис, душа Вавилона, Таммуз, – один умерший и воскресший бог. Таммуз и Озирис – две тени одного тела, или одна душа в двух телах.

XV

Смысл вавилонской башни, Zikkurat, и пирамиды египетской – один и тот же: по-вавилонски: rikis Šaamê и irsiti, «соединение земли и неба» (*Meissner. Babyl. u. Assyr.*, 312). И то же по-египетски: «небо с землей соединяется» (*A. Moret. Mistères Egypt.* 25). «Пирамида – лестница для Озириса, восходящего на небо» (надпись фараона Пэпи, *W. Strauss. Dei altägypt. Götter*, 110). И в видении Иакова: «Вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. XXVIII, 12).

Такова связь Вавилона с Египтом не только в духе, в религии, но и в плоти, в истории.

XVI

Откуда пришли в Египет древнейшие поселенцы, «Горы Спутники», мы не знаем; но, судя по корням языка, протосемитским, они спустились в долину Нила с равнин Сеннаарских, будущей Вавилонии. И древнейшие памятные доски, стелы, фараонов Djezer и Snéfrou, на Синайском полуострове, указывают на тот же путь (*Morgan. Les origines d’Egypte*, 191–192).

По книге Бытия, Мизраим (Mizraim, Египет) – сын Хама. Сами египтяне называют землю свою «землею Хамовой», Quamet, Quemet. – Сим и Хам – сыны Ноевы. От Хама – Египет, от Сима – Вавилон. Это значит, Вавилон и Египет – братья.

XVII

«Соколиное племя», «Горы Спутники» основали в Египте священный город Ан (Гелиополь), покорив туземное племя «Стрелков», «Лучников», Anou (*Naville. La religion des anciens Egypt.*, 5–6). А вавилонский бог неба – Ану. Существует или нет связь между этими двумя Ану, – во всяком случае, несомненна связь между искусством вавилонским и египетским (*Morgan. Recherches sur les Grig. de l’Egypte*, I, 193).

Египетская пирамида Саккара (1-й династии, по Манефону), кирпичная, пятиярусная, на остальные пирамиды непохожая, напоминает вавилонские башни – зиккураты. Все вообще древнейшие египетские гробницы, «мастаба» (mastaba), сложены из необожженного кирпича, так же как строения в Tell Loh и в других вавилонских курганах. В Нижнем Двуречии нет камня, и там употребление кирпича естественно, а в камнеобильном Египте – оно непонятно, если не предположить связи с вавилонским зодчеством (ib., 194).

В египетских изображениях, на каменных наагадехских дощечках, «палитрах» для растирания глазной сурьмы и румян, встречаются баснословные, как бы допотопные, животные с длинными, змеевидными шеями, которые в позднейшем Египте бесследно исчезают, а в Вавилоне сохраняются. Древнейшие печати для закупорки погребальных абидосских сосудов – не египетские жуки-скарабеи, а вавилонские цилиндры – валики. Египетская мера длины, локоть, равна вавилонской, и мера емкости тоже.

Так нет прямых доказательств, но есть бесчисленные намеки на то, что Вавилон и Египет – братья не только по плоти, но и по духу.

XVIII

В Вавилоне, так же как в Египте, все уже готово, дано сразу, с самого начала наших исторических сведений, или даже до них. И с той поры уже нет движения вперед, а есть только движение назад, нисхождение (*H. Winckler. Die Babyl. Geisteskultur*, 10).

«В истории, в культуре Вавилона происходит постепенное вырождение, снижение» (*Hilprecht. Ausgrab. im Bel Tempel zu Nippur. – G. Foucart. Hist. des religions et méthode comparative*, 47).

Солнце Вавилона восходит так же внезапно, как солнце Египта. Когда появляются оба, одно за другим, на горизонте истории, круг их совершенен, подобно кругу восходящего светила: за чертой горизонта он тот же, что на небе.

XIX

В середине III тысячелетия происходит нашествие варваров на Западную Азию, такое же, как на Европу в конце Римской империи, и наступает вавилонское «средневековие», «варварство», относящееся к шумерийской древности, как наше средневековие – к древности классической (*Winckler. Abraham, als Babylonier*, 19). Надписи древнейших царей Уракагины и Гудэа и совершенное искусство этих времен свидетельствуют о таком высоком уровне шумерийской древности, который предполагает развитие тысячелетнее.

XX

Что такое шумеры (*šumeri*), поселенцы Двуречия досемитские, мы не знаем и, может быть, никогда не узнаем. По языку, духу и крови это загадочное племя, исчезнувшее с лица земли, как призрак, не похожее ни на одно из человеческих племен. Сходство шумерийского языка с языками туранскими, финно-монгольскими недостаточно, чтобы утверждать их родство (*Winckler. Die babyl. Geisteskultur*, 7). Мы знаем только, что шумеры – не семиты и не арийцы. В Шумеро-Аккадском царстве Саргона Древнего *akkadi* суть «жители северных гор», *Šumeri* – «жители южных равнин», но эти последние, судя по языку, – выходцы Севера: по-шумерийски, лев – «большой пес», конь – «осел запада», вино – «вода жизни» (*gish-tin*), пальма – «прямая» (*Hommel. Geschichte Babyl. und Assyri.*, 245).

Уже в третьем тысячелетии, с возобладанием аккадов-семитов, шумерийский язык постепенно вымирает и сохраняется только как священный язык молитв, обрядов и заклинаний, подобно латыни наших средних веков (*Fr. Lenormant. Les premières civilisations*, II, 151).

В раскопках довавилонского города Лагаша найдены головы шумерийских царей или царских наместников, *patesi*, изваянные с изумительным искусством. Бритые, плосколицые, широкоскулые, с косым и узким разрезом глаз, с носами острыми, как птичьи клювы (*P. Dhorme. La relig.*, 3). Незапамятно-древние, как бы допотопные лица, но не дикие, не грубые, а тонкие, только не нашею тонкостью, неизъяснимо странные, как бы существа с иной планеты – люди не-люди.

XXI

Когда аккады-семиты, в IV или V тысячелетии, сошли на равнину Сеннаарскую, шумеры уже обладали культурою тысячелетнею: создали клинопись, научили семитов математике, геометрии, началам астрономии, зодчеству, устройству каналов, орошению полей (*Tiele. Histoire comparée des anciennes religions*, 159). Не в Египте, а в Вавилоне родилось точное знание.

XXII

Не Египет, а Вавилон измерил и понял время: разделил год на 365 дней, день на часы, час на минуты, минуту на секунды. Наша часовая стрелка, двигаясь по циферблату, все еще указывает время вавилонское (*C. F. Lehman. Babyl. Kulturmission*, 4).

XXIII

Глубине знания соответствует глубина совести; мудрости человеческой – мудрость Божия.

«Слову матери внимай, как слову Божиему», – сказано в надписи Уракагины, древнейшего царя Лагашского (*Jeremias. Handbuch*, 333).

Кровавая месть, Моисеем не отмененная, отменяется по законам царя Гаммураби, в начале III тысячелетия. «Всякой тяжбе конец» – простая клятва, а клятвopеступление вовсе не предвидится. Когда обвиненный в утайке чужого наследства клянется во храме Шамаша: «От соломы до золота ничего у меня не осталось», то судья объявляет его оправданным (*ib.*, 337).

«Да не обидит сильный слабого» – в этом весь закон Гаммураби (*H. Grossmann. Altorient. Teste*, I, 168).

«Двадцать мужей войдут в эту землю, – и ни один не будет обижен; пес забежит, и пса не убьют», – вот чем Вавилон славится, как «земля земель» (*O. Weber. Die Litter. d. Babyl. u. Assyr.*, 224).

XXIV

Та же, как в Египте, – милость, мирность, невоинственность.

Уже самым строением земли опустошительность войн исключается. Сеть каналов – живая сеть кровеносных сосудов: перерезать их – убить страну, не только чужую, но и свою.

Царь Гудза (около 2600 г.), посвящая новый храм богу, объявляет на семь дней всеобщий мир, братство и равенство, как бы царство Божье на земле (*ib.*, 220).

«Царство мое осенил я сенью благодатною, людей Шумера и Аккада умирил на лоне моем», – говорит законодатель Гаммураби (*H. Grossmann. Altorient. Teste, I, 163*). Так последнее слово закона – мир всего мира.

XXV

То же солнце мира в Вавилоне, как в Египте; но и здесь, как там, не восход, а закат: чем глубже в древность, тем ярче свет, как будто самый источник его – позади, в той для нас неисследимой древности, которую миф Платона называет *Атлантидою*.

XXVI

Посейдон научил атлантов божественной мудрости (*Plato. Crit.*). Посейдон – бог моря, и вавилонский бог мудрости, Эа (Еа) – тоже. Бероз (Berossos), вавилонский жрец во дни Александра Великого, вспоминает древнее сказание о том, как бог-рыба, Оаннес-Эа, выходя из моря, учит допотопных людей мудрости (*Babyloniaka, Fragm.*). «Читать камни времен допотопных» и значит по-вавилонски: «учиться мудрости».

Вавилонский богатырь Гильгамеш «с сокровеннейшей мудрости поднял покров, весть нам принес о веках допотопных». А вавилонскому Ною, Утнапиштиму, боги велят зарыть в землю, в Сиппаре (Sipparak), «Городе Книг», клинописные скрижали допотопных мудрецов – семя будущей мудрости; и после потопа все опять «началось от одного этого семени», – говорит саисский жрец у Платона («Тимей»). Почти тот же миф у Бероза (*O. Weber. Die Litter. d. Babyl. u. Assyri., 97*).

Календарю – началам астрономии – научили вавилоняне все человечество, в том числе и древнейшие племена Америки (*H. Winckler. Die babul. Geisteskultur, 51*).

Каким путем распространились эти знания из Азии в Америку, – никто не знает. Не тем ли, который шел на крайний Запад, к вавилонским «Островам Блаженных», к «Атлантиде» эллинской?

XXVII

Может быть, все вавилонское знание – только воспоминание о какой-то забытой мудрости, наследие второго человечества от первого.

По Геродоту, «великий путь шел от египетских Фив к Столпам Геркулесовым» – к Атлантиде. И от Вавилона – не тот же ли путь?

XXVIII

Иногда, читая, глазам не веришь.

«Тому, кто сделал зло тебе, плати добром» (*O. Weber, ib., 230*). Что это? Нагорная проповедь? Нет, шумерийская клинопись. Мы знаем, что клинописи, повторяясь из тысячелетия в тысячелетие, восходят к неисследимой древности. Не Атлантида ли – Апокалипсис бывший – просвечивает в этом слове сквозь бездну веков или вечности, так же как в слове Господнем: «Прежде, нежели был Авраам, Я есмь».

XXIX

Атланты, «сыны Посейдона», сыны бога Эа вавилонского, строят «в середине Острова» – может быть, средоточии земли, объединявшем человечество, – «исполинскую твердыню» или башню («Критий» Платона).

«Построим себе город и башню высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. XI, 4). Люди, после потопа, когда еще «на всей земле был один язык» (Быт. XI, 1) – одно человечество, начали строить башню – Zikkuḡrat, – именно здесь, на равнине Сеннаара, в средоточии земли, в Вавилоне будущем. И здесь же произошло «смешение языков», рассеяние человечества: «оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. XI, 1).

Но цель Вавилона во всемирной истории остается все та же – объединить человечество.

В противоположность замкнутой Нильской долине, равнина Сеннаара открыта всем племенам и народам: все они сходятся здесь, как бы таинственную силою влекутся сюда, чтобы достроить Атлантову Башню, восстановить единое человечество.

XXX

«Тобою сотворенный, Господи, благословляю Тебя... Ты даровал мне власть править народами, по воле Твоей... Возвеличь же царство Твое, распространи поклонение святыне Твоей... Владыка народов, услышь молитву мою!.. Все племена земные да приидут во Врата Божии», – Bab-ilu – Вавилон (*Tiele. Hist. comparée des anciennes relig.*, 238). Такова молитва царя Навуходоносора. Так же как во дни царя Гудэа, здесь объявляется мир Божий, царство Божие на земле.

XXXI

Четы херувимов, kherubu, исполинских быков, человекоглавых, тиаровенчаных, донныне стерегут победные, на глыбах черного базальта, надписи ассиро-вавилонских царей.

«Салманассар царь великий, царь могущественный, солнце воинств человеческих, победитель вселенной, зеница ока Божьего, царь Ассур – я» (*Orppert. Hist. des empires de Chaldée et d'Assyrie*, 117). – «Я прошел через леса непроходимые, через вершины горные, острые, как острие ножа» (Теглатпалассар. – *Ibid.*, 48). «Был я в кедровых лесах, благоухающих... Высокие утесы проломал, камни раздробил, путь открыл широкий для величественных кедров Ливана, тенистых, драгоценных, срубленных в честь бога моего, Мардука, и по каналу сплавил их, как стебли тростника» (Салманассар II. – *Grossman. Altorient. Texte*, I, 110). «На высотах гор воспел я песнь великим богам и вознес всесожжения» (Ассурназиргабал I. – *Orppert. Hist.*, 97). – «От великого моря солнца восходного до великого моря солнца закатного простирается власть десницы моей» (Салманассар. – *Ibid.*, 117).

Таков путь ассиро-вавилонских царей ко всемирному владычеству: от Саргона до Александра, от Александра до Цезаря, от Цезаря до Наполеона – все тот же путь.

XXXII

По найденной в раскопках Tell el Amarna, между Мемфисом и Фивами, переписке царей Египта с царями Вавилона, Ассур, Ханаана, Хеттеи, Митанни и других народов видно, что в XV веке до Р. Х. вавилонский язык был всемирным. Самим царям Египта служат для этой переписки не иероглифы, а клинопись.

XXXIII

Буррабуриаш, царь Вавилона, пишет фараону Аменхотепу IV:

«Я здоров. Будь здоров и ты. И земля твоя, и дом твой, и жены твои, и дети твои, и вельможи твои, и кони твои, и колесницы твои здоровы да будут. Я и брат мой (царь Египта) сказали так: как в дружбе были наши отцы, так и мы будем в дружбе».

Следует жалоба на то, что вавилонские купцы убиты и ограблены в Ханаане, земле фараоновой.

«В твоей земле обиду мне учинили; казни же их (грабителей). И отнятое серебро возврати, и тех, кто людей моих убил, убей и кровь их отмсти. А если не убьешь их, то снова будут они грабить караваны мои, или посланных тобою убивать, и сношения между нами прекратятся. ... В дар тебе посылаю мину лапис-лазури» (*Grossmann. Altorientalische Texte, I, 129*).

Такова всемирность в политике. Но не в политике источник ее, а в религии.

XXXIV

В Тель-Амарне найдена клинописная дощечка с былиною о вавилонском богатыре Этане. Точки, разделяющие клинопись, сделаны египетскими красными чернилами: вероятно, египтянин учился по этой дощечке вавилонской грамоте, а может быть, и вавилонской мудрости.

XXXV

В той же переписке найдено письмо Тушратты, царя Митаннийского, пославшего в Египет изваяние богини Иштар для исцеления больного фараона Аменхотепа III: «Богиня Иштар Ниневийская, всех земель владычица, так говорит: „Египет хочу посетить, страну мне любезную“. И вот, я послал ее, и она отошла. И, как во дни отца моего, так и ныне посетила ту землю владычица; и, как в те дни пребывала там с честью, так да почтит ее брат мой и ныне, и еще в десять раз больше почтит... И да возвратит ее в радости... И да сохранит нас обоих, брата моего и меня, Иштар, царица небесная. Да подаст нам сто тысяч лет жизни и многие радости. И добро друг другу сотворим».

А в заключение прибавлено:

«Иштар – мой Бог, но она для брата моего не Бог» (*H. Grossmann. Altorient. Texte, I, 130*). Это не похвальба, а проповедь: если Иштар тебя исцелит, неужели и ты в нее не уверуешь? Это и значит: «все племена земные да придут во Врата Божии» – Град Божий, Вавилон; да будет мир всего мира.

XXXVI

«Мир лучше войны», это Вавилон знает – помнит (платоновское «знание – воспоминание») меньше, чем Египет, воюет больше; но любит мир, так же как он: не война, а мир – душа обоих.

XXXVII

От Вавилона к Ассирии – от мира к войне. Не Египет, не Вавилон, а Ассирия начала воевать как следует. Ассирийцы – «первые римляне» во всемирной истории.

Душа Ассура – не мир, а война. Он первый полюбил войну, поверил, что голая сила – меч – решает судьбы народов.

«Сила его – бог его» (Аввак., I, 11). И все мы доныне – дети Ассуровы: что начал он, кончаем мы.

XXXVIII

С рождением или зачатием Ассура почти совпадает появление боевого коня в Западной Азии (около 2000 г.), а также и нашего индо-германского племени (*Ed. Meyer. Gesch. d. Alt. Orient.*, I, II, 819). Медленный вол заменяется быстрым конем, мирный плуг – боевой колесницей. В коне – уже наша стремительность, наш полет неистовый.

XXXIX

После коня, – железо (около 1000 года), кажется, оттуда же, из нашей индо-германской полуночи, – железо, «металл Сэта», дьявола, по слову египтян, или братоубийцы Каина, по сказанию Талмуда: Kênan, Каин – «первый ковач железа» (Талмуд. – *Jeremias der alte Testament*, 119); железо – европейский металл по преимуществу, наш каинов дар человечеству.

Легкость наша – в коне, лютость – в железе. Попрали конем, убили железом святую Азию, и, может быть, попрем, убьем все человечество. Бурею конною, бурей железною раздувается тлеющее пламя войны во всемирный пожар – всемирную историю, ибо единственный смысл ее для нас – война.

«*Все будут убивать друг друга*», – это вавилонское пророчество исполняется над нами так, как ни одно из пророчеств (*H. Winkler. Die babyl. Geisteskultur*, 100).

От Вавилона к Ассирии, от Ассирии к Риму, от Рима к нам – пламя войны разгорается, и происходит то, что мы называем «прогрессом» – постепенное одичание, огрубение, озверение человечества.

XL

Ассуром побежден Вавилон внешне, но внутренне длится борьба до конца обоих. Вавилон или Ассур, мир или война, – все тот же вопрос, как в Египте; от начала до конца времен – все тот же.

XLI

И вот что удивительно, чуду подобно: «Тому, кто сделал зло тебе, плати добром», – это забыто, зарыто, но не потеряно. Это сокровище – «золото, ладан и смирну» – приносят волхвы с востока в дар Младенцу.

XLII

«Пал, пал Вавилон... повержен великий город!» – восклицает Ангел Апокалипсиса (Откр. XVIII, 2 – 21). Да, пал к ногам Господним: «И, падши, поклонились Ему».

Раненая львица – потоп

I

В развалинах Ниневийских дворцов найдено стенное изваяние Раненой Львицы: хребет пронзен стрелою; задние лапы, уже омертвелые, влачатся по земле; но, стоя на передних, издыхающий зверь вытянул шею, поднял морду и разинул пасть, как будто все еще грозит врагу предсмертным рыканием.

Эта раненая львица – душа Вавилона. С такою силою, как, может быть, нигде никогда, здесь изображен таинственный переход жизни в смерть, их мерцающая двойственность, их согласие в противоположностях.

II

«Противоположное – согласное», – учит Гераклит Эфесский (Fragm. 8), недаром посвятивший книгу свою «О природе», *Περὶ φύσεως*, Артемиде Эфесской, эллинской ипостаси Великой Матери богов Азийской – Иштар-Мами вавилонской: душа Вавилона, душа всей Азии – в Гераклитовой мудрости.

«Из противоположного возникает прекраснейшая гармония; из противоборства рождается все» (Fragm. 8). Это и значит: все рождается из противоборства и согласия двух начал в третьем, из Тайны Трех.

III

«Бог есть день – ночь; зима – лето; война – мир; сытость – голод: в Боге все противоположности,

ἀναντία

« (Fragm. 67). **Анантиизмом**, «философией противоположностей» можно бы назвать всю мудрость Гераклита, мудрость вавилонскую по преимуществу.

IV

По тому же учению: «Добро и зло соединяются в действии, как противоположные части лиры и лука». Соединяются и напрягаются, как тетива на луке и на лире струна. Это и есть то напряжение, *Spannung*, о котором говорит Шеллинг и Яков Бём языком христианской Троичной мистики: «В Боге отрицание и утверждение, небытие и бытие, нет и да, гнев и любовь».

V

Напряжение двух противоположных начал есть Божественная сущность мира. Вот почему в вавилонских изваяниях богов, людей и животных напрягаются таким страшным напряжением, как бы окаменелую судорогою, переплетенные, перекрученные, как морские канаты, исполинские жилы, мышцы и мускулы.

Крепкую медь гнешь, как тростник.

Тут, за явлением силы физической – явление воли метафизической – душа Вавилона: вечно борется она, труждается, «восхищает усилием царствие небесное», или земное.

VI

Ничего подобного в Египте. Там почти не видно мускулов в нежных округлостях юношеских тел: главное свойство их – ненапряженность, вольность и легкость движений. Тела богов, людей и животных как бы вечно покоятся в покое субботнем, в эдемской праздности. Может быть, и здесь – сила не меньшая, чем в Вавилоне, но скрытая: крепкую медь гнет она, как тростник, без усилия.

Вечно борюсь я и вечно труждаюсь;
Ты же, праздный, лежишь на спине.
Как же бессмертье обрел ты в сонме богов? —

мог бы Вавилон спросить у Египта устами богатыря своего, Гильгамеша (XI, 5–7). Но Египет не сумел бы ответить: сила его – тайна для него самого.

VII

«Противоположное – согласное». Согласное утверждает Египет, Вавилон – противоположное.

Здесь уже ни следа египетской солнечной ясности, легкости: все темнеет, тяжелеет как бы каменной тяжестью, под низко нависшими, потопно-тучными тучами.

VIII

Не только в египетском, но и во всемирном ваянии нет ничего подобного издыхающим львам ниневийским. В этих звериных телах *анантизм* божественный сквозит еще прозрачнее, чем в телах человеческих.

Вот царская охота: скачущие кони мчат колесницу; царь, обернувшись назад, мечет стрелы из лука в огромного льва; смертельно раненный зверь, встав на дыбы, вцепился передними лапами с растопыренными, похожими на исполинские пальцы, когтями, в обод колеса, как будто хочет остановить колесницу; издохнет сейчас, но с последним рыканием вгрызся зубами в толстый обод – вертящийся вихрь колеса (*Place. Ninive et l'Asseyrie*, II, pl. 50).

А вот другой, тоже раненный лев, с торчащим в задривке обломком копья, сидя на задних лапах, опустив морду и выгнув спину с предсмертной икотой, блюет кровью, хлещущей из разинутой пасти, как из опрокинутого чана, – и, кажется, с кровью выходит душа. Что же, конец борению? Нет, все еще борется со смертью, но это уже не зверь, а бог умирающий (*Perrot et Chipiez. Hist. de l'Art*, II, 541).

IX

«Основа бытия есть ужасное» (Шеллинг). Ужасное отвращает взор Египта, а взор Вавилона притягивает. Здесь, Египту непонятная, *воля к ужасу*.

X

«Может быть, человек любит не одно благоденствие; может быть, он ровно настолько же любит страдание?.. А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти... Любить только одно благоденствие даже как-то неприлично. Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь даже очень приятно... Я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется... Я ведь тут собственно не за страдание стою и не за благоденствие. Стою я – за свой каприз, и чтобы он был мне гарантирован, когда понадобится» (*Достоевский*. Записки из подполья).

«Подпольный человек» родился в Вавилоне. Вавилон первый понял, что «разломать иногда что-нибудь даже очень приятно» – и разломал Египет. Египет сломанный, Египет, возлюбивший страдание больше, чем благоденствие, и есть Вавилон. Incipit tragoedia – трагедия человечества здесь начинается.

Вавилон возлюбил страдание, потому что понял, – о, конечно, не умом, а сердцем, – что «страдание – единственный источник познания» (*Достоевский*) – источник свободы, источник личности. Любовь к страданию, «страсть к страданию» – душа Вавилона.

XI

«Страсти Озирисовы», как тлеющие угли, подернулись пеплом в тишине Египта; вавилонская буря сдунула пепел, угли снова раскалились – и уже не потухнут.

XII

«Подпольное» – «темное». Темный, подпольный человек Достоевского повторяет Гераклита Темного: «Человек любит страдание *ровно настолько же*, как благоденствие». Это и есть «противоположное – согласное» в существе человека и в существе самого Бога, ибо сам Бог есть «ночь – день, зима – лето, война – мир, сытость – голод: все противоположности». Два начала в Боге, два лица в третьем – анантиизм Троичный.

XIII

По Троичной алгебре Шеллинга:

+ A = Отец.

– A = Сын.

± A = Дух.

В вавилонской троице космической: первое лицо – Ану (Anu), бог неба; второе – Энлил (Enlil), бог земли; третье – Эа (Ea-Ia), бог воды или первичной Бездны – Absu, соединяющей небо с землею.

В вавилонской троице звездной: Син (Sin), бог луны; Шамаш (Šamaš), бог солнца; Иштар (Ištar), богиня звезды утренне-вечерней, соединяющей день с ночью.

XIV

Именно так понял вавилонскую троицу христианский гностицизм, этот осенний цветок на увядающем вавилонском дереве. Здесь бог Мардук (= Энлил) соответствует гностическому Логосу, второму лицу Троицы, а бог Эа, или женская ипостась его, богиня Иштар, – лицу

третьему. Вот почему, в древней клинописи, Эа (= Иштар) говорит о Мардуке-Энлиле, как отец-мать – о сыне: «Все веления мои возвестит он».

XV

«Я начал быть, как Бог единый, но три Бога были во Мне», это знает и Египет (Книга Апофиса). Но египетская троица – в созерцании, в статике, а вавилонская – в динамике, в действии, в воле, в «страсти к страданию»: «человек любит страдание до страсти». Эта страсть и пронзает душу его, как стрела – ниневийскую львицу, анантизмом божественным.

XVI

Закрытые в Египте, как в почке подводного лотоса, открываются в Вавилоне три листа божественного Трилистника – Тайна Трех.

XVII

Ночь светлее дня для Вавилона: лунный бог, Син, выше, чем Шамаш, бог солнечный. Это непонятно, если существо религий есть «натурализм», поклонение силам природы, между прочим, и силе света, как утверждает современная наука о религиях. Но существо религий – не поклонение силам природы, а что-то иное.

XVIII

Бог для Египта – свет, а для Вавилона – свет и тьма, или, точнее, борение тьмы и света, их противоположность, анантизм напряженнейший.

Противоположность света и тьмы наибольшая осуществляется в полнолуние, когда луна и солнце противостоят друг другу, противоборствуют в наивысшей точке своей; видимая в зените луна, невидимое солнце в надире светят светом ярчайшим. В таком соотношении обоих светил мир небесный принадлежит луне, подземный – солнцу, что противно естественному чувству, но согласно с чувством религиозным, сверхъестественным. Ибо свет светил – свет богов; боги являются ночью, а днем, в лучах солнца, умирают: солнце – звездоубийца, богоубийца.

XIX

В здешнем порядке день покрывается ночью; в нездешнем ночь – днем.

Святая ночь на небосклон взошла
И день отрадней, день любезней,
Как золотой ковер, она свила,
Ковер накинута над бездной.

(Тютчев)

Вот тайна Вавилонской мудрости:

Светом полуденным ночь покрывается.

Ночь божественнее дня. «Халдеи говорят, что Бог темен» (*Hippol. Philosophum.*, IV, 5).

Или точнее: ночь и день равно божественны; свет и тьма в Боге – два начала в третьем – анантизм Троичный.

XX

Вот почему для Вавилона божество наивысшее – не солнце, и даже не луна, а светило самое ночное, малое, тайное – Звезда.

Слово «Бог» по-шумерийски Dingir, по-вавилонски El, обозначается клинописным знаком пятилучной звезды. Существо вавилонских богов – звездное.

XXI

В Египте – религия дневного неба, солнечного, в Вавилоне – ночного, звездного. Но и в дневном – ночное, в солнечном – звездное.

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как в небе полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной;
Но днем, когда сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

(Тютчев)

XXII

«Созерцая небо, отовсюду открытое, вследствие равнинности и обширности обитаемой ими страны, ассирийцы (вавилоняне) первые начали наблюдать течение звезд» (*Cicero. De divinat.*).

На равнинах Сенаара воздух так прозрачен и звезды так ярки, что простым глазом можно наблюдать фазы Венеры, и свет ее, как лунный, отбрасывает тень.

Здесь люди впервые подняли глаза к звездному небу.

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Здесь отверзлась в душе человеческой бездна, равная бездне звездной, и душа поняла родство свое с небом: «души наши суть части неба. Animas nostras partes esse coeli» (*Plin. Hist. Natur.*, II, XXVI; 95).

XXIII

Наблюдая движение светил, вавилоняне первые поняли, что не бессмысленный случай правит миром, а закон: «зиждется все на законе, certa stant omnia lege» (*Manilius*).

Основа точного знания, понятие закона родилось в вавилонской звездной мудрости. И если нашей безбожной науке суждено когда-нибудь вернуться к началам божественным, то снова пойдет она по пути вавилонскому.

XXIV

«Соединяя земное с небесным, показали халдеи во взаимном сочувствии всех частей мира гармонию, согласующую все неким созвучием мусикийским» (*Philo. De Abraham, XV*).

По древней клинописи:

Вещее знаменье неба на земле повторяется,
Вещее знаменье земли повторяется на небе.

Это созвучие двух миров соединяло некогда ведение с верою, науку с религией и, может быть, снова соединит.

XXV

Звездное небо – не только в душе, но и в теле человеческом.

Сохранилось вавилонское глиняное изваяние печени, *kabittu*, разделенное для гаданий на пятьдесят клеток, «небесных сфер». Гадания эти восходят к глубочайшей, шумерийской древности (*P. Dhorme. La relig.*, 294). И как далеко простиралось влияние вавилонской звездной мудрости, видно из того, что в Пиаченце (Этрурия) найдено точно такое же бронзовое изваяние (*Jeremias. Handbuch*, 145).

По вавилонскому учению, не сердце, а печень есть средоточие жизни в теле человека и животного. Астрологическая печень изображает планисферу звездного неба, внутреннего, живого, животного, кровью дымящегося, как ночное небо дымит звездными дымами. Кровяные шарики в теле – бесчисленные солнца в небе. В небе и в теле совершается

Круговращение великих колес,
Движущих каждое семя к цели его,
По воле сопутственных звезд.
Ovra delle rote magne.
Che drizzon ciascun seme ad alcun fine,
Secondo che le stelle son compagne.

(*Dante. Purgat., XXV, 109*)

Так земная судьба человека пронизана тайною звездных судеб.

XXVI

Есть некий час всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес,
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

(*Тютчев*)

Вот какую колесницу хочет остановить звездная мудрость Вавилона, вгрызаясь, как тот лев ниневийский, в вертящийся вихрь звездных колес.

XXVII

Недаром звездочеты-халдеи, на своих подоблачных башнях, наблюдали течение звезд: смотрели и увидели, ждали и дождались. «Се, звезда, которую увидели они на востоке, шла перед ними, как, наконец, пришла и остановилась над местом, где был Младенец». Остановилась с нею и вся живая колесница мироздания.

XXVIII

«Проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти». Это сказано на Синае (Исх. XX, 12). Но ту же черту провел Вавилон до Синая. Трансцендентность Божия здесь впервые постигнута.

Горе! я не могу тебя вынести...
Weh! ich ertrag dich nicht...

(Faust)

«Лица Моего не можно тебе увидеть» (Исх. XXIII, 20).

Невидимость, невыносимость Божьего лица Египет забыл, Вавилон помнит. Детски-бесстрашен пред Богом Египет, Вавилон устрашается.

Люди, сколько ни есть их, что они знают?
Зло перед Богом – добро человеков,
Зло человеков – пред Богом добро.
Кто ведает волю Господню на небе?
Кто ведает волю Господню во аде?
Как твари дрожащей путь Божий постигнуть?..
Слово Божье – закрытый сосуд: кто знает, что внутри?
Боже незнаемый-знаемый, буди мне милостив!

XXIX

Египет не молится, он только благодарит и славословит Бога, как будто все уже есть; а Вавилон понял, что и все – ничто перед Богом; нищету и наготу свою увидел, – и родилась молитва.

Совлеки с меня, Боже, как ризу, грехи мои многие!
И, если седмижды их семь, разреши их, Господи!
Да утишится сердце Твое, как сердце матери моей;
Да утишится сердце Твое, как сердце отца моего!
Матери нет у меня, – Ты моя мать!
Нет отца у меня – Ты мой отец!

Лучше никто никогда на земле не молился.

XXX

De profundis – впервые здесь родилось.

Помощи ждал я, – никто не помог,
Плакал, – никто не утешил,
Кричал, – никто не ответил.
Обращусь к милосердному Господу,
Голосом громким возопию к Тебе, Боже мой!
Внемлешь Ты, Праведный, молитве грешника...
Воззришь на человека – и жив человек.

Ни греха, ни покаяния не знает Египет; Вавилон познал грех и покался. Египет стоит, Вавилон падает ниц перед Богом. Сухи очи Египта, не плакали; очи Вавилона влажны от слез; первый заплакал он сам и плакать научил других, постиг блаженство слез. «Душа человека – Божия слеза», это Египет знал, но забыл, а Вавилон помнит.

XXXI

В начале мира – тишина, по сказаниям египетским: тихо выходит новорожденный бог солнца из распутившегося лотоса; по сказанию вавилонскому, мир начинается бурей, поединком бога Мардука с богиней Тиамат (Thiamat), Преисподнею. Хаос побежден Богом, но все еще грозен. Мир – вечная война Бога с хаосом, и молитва мира вечная: «Да покорит он (Мардук) Тиамат-Преисподнюю, да смирят ее навсегда!» (*Loisy*. Les mythes babyl., 86).

Не только на земле война, но и на небе. «Произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона... И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый дьяволом» (Откр. XII, 7–9). Михаил и Змей – Мардук и Тиамат: это было в начале и будет в конце.

XXXII

Так понял Вавилон то, чего не мог понять Египет, – динамику времени, движение мира от начала к концу. Вавилонская повесть о творении, «Enûma elîš», предрекает всю историю мира от Бытия до Апокалипсиса, от первых воспоминаний человечества до последних чаяний.

XXXIII

«Умного и страшного духа небытия» Египет почти не видит; Вавилон увидел его лицом к лицу. Изображает дьявола сказочно, но чувствует подлинно.

Вавилонская демонология уже напоминает средневековую.

Все полно бесов: бесы падают с неба, как дождь; растут из земли, как трава; стелются в знойных низинах Ефрата зачумленной мглой.

В городах уснувших бродят,
В узких улицах ночных...
Плачут совами на крышах...
Нет замка им, нет запора...
Проползают под дверями,

Как ужи, и тонким свистом
Свищут в скважины замков...

(*Ugnad. Rel. d. Babyl.*, 285)

Здесь шабаш ведьм уже начинается.

XXXIV

Вавилон – родина бесов, но и ангелов тоже.

Lamassu – наши ангелы-хранители; kherubu – херувимы. Если эти святые видения, запечатленные в сердце нашем с младенчества, говорят о каких-то подлинных сущностях, то мы не должны забывать, что Вавилон их первый ощутил.

XXXV

В Египте Человекобожество еще не отделено сознательно от Богочеловечества, и потому невинно; в Вавилоне – уже начало сознания – начало вины.

XXXVI

Весь Вавилон строится, как «вавилонская башня» – zikkurrat. «Строить в небо ступени», лестницу в небо, и значит по-вавилонски строить зиккурпат (*Jeremias. Handbuch*, 327). «Построили башню, чтобы взойти на небо, ut in coelum conscenderent» (Alexand. Polyhist).

Смысл вавилонской башни – двойной, вопрошающий: с Богом или против Бога?

XXXVII

«И увидел во сне: вот лестница стоит на земле; и вот, ангелы Божии восходят и нисходят по ней... Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно, Господь присутствует на месте сем; а я и не знал! И убоился, и сказал: как страшно место сие! это не иное что, как дом Божий, врата небесные» (Быт. XXVIII, 12–17). Bab-El, Вавилон и значит «Врата Небесные», «Врата Божии».

Вот почему на вавилонской башне «невеста божия», *enitu* ждет Жениха.

Таков смысл Вавилона богочеловеческий, а вот и человекобожеский.

«Первые люди, возгордясь силою и величием своим, стали презирать богов и построили высокую башню там, где ныне Вавилон. Башня уже почти касалась вершиною неба, когда внезапно ветры помогли богам и опрокинули башню на строителей», – сообщает Бероз древневавилонский миф (Fragm. XV–XVI).

И в Талмуде почти тот же миф: «Люди, строившие башню, говорили: пойдем войною на Бога» (Midrasch Tanchuma Noach). – «И метали стрелы в небо, и падали они, обогранные кровью. И, видя то, люди говорили: ныне убили мы всех, кто там на небе» (Sefer Hajaschar).

Смысл Вавилона человекобожеский угадали и пророки Израиля. «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, буду подобен Всевышнему» (Ис. XIV, 13–14). «Как упал ты с неба, Денница сын зари!» (Ис. XIV, 12).

Может быть, туда же, на восток, где Вавилон, устремлены были и очи Сына Человеческого, когда видел Он «сатану, спавшего с неба, как молния».

XXXVIII

В наши дни пытается человечество достроить башню вавилонскую, и Достоевский говорит о ней почти так же, как пророк Исаия. И двойной, вопрошающий смысл ее тот же: с Богом или против Бога? Увидим ли мы с высоты ее звезду Вифлеемскую, как мудрые звездочеты, или внезапная буря снова опрокинет башню на безумных строителей?

XXXIX

Какой-то мировой катаклизм, то, что мы называем «потопом», живо помнят многие народы Азии, Европы, Америки; но живет всех – Вавилон. Недаром в сердце *Гильгамеша*, великого вавилонского эпоса – Потоп.

Знание есть «воспоминание» (

ἀνάμνησις

Платона). И будущее можно знать – «вспоминать», как прошлое. Вавилон первый вспомнил конец мира бывший и познал – будущий.

XL

Двенадцать клинописных дощечек «Гильгамеша» найдены в развалинах ниневийских дворцов, в Ассурбанипаловом книгохранилище. На одиннадцатой – сказание о потопе.

То же сказание в Бытии; но Бытие записано не ранее VIII века до Р. Х., а шумерийский «Гильгамеш» относится не позже, чем к XXV веку, и, может быть, повторяет древнейший подлинник.

XLI

От этих глиняных дощечек, густо усыпанных острыми гвоздями клинописи, кажется, все еще веет страшным запахом потопных вод.

XLII

В одном из древнейших отрывков изображаются бедствия допотопного мира. Дощечка сломана, клинья полустерты. Но вот что можно прочесть:

...Когда третий год наступил,
Взбунтовались люди в городах своих...
Когда четвертый год наступил,
Истожились хлебные житницы...

Далее сломано, несколько строк выпало. В них, должно быть, повествовалось о страшном голоде, следствии всемирной войны и всемирного бунта. И опять можно прочесть:

...Люди, как тени, бродят по улицам.
Когда пятый год наступил,
Дочь косится на мать подходящую,
Мать дверей не отворяет дочери;
Дочь наблюдает за весами матери,

Мать наблюдает за весами дочери.
Когда год шестой наступил,
Люди людей пожирали от голода...
Мать дитя свое изготовила к трапезе...

*(Cuneiform Texts from Babyl.
Tabl. in the Brit. Mus., XV, 49)*

И в эти же дни Утнапиштим Атрахазис (Atrachasis – Премудрый), вавилонский Ной, зарывает в землю древние скрижали, сокровища допотопной мудрости, то «единственное семя, от которого все опять началось» после потопа (*Plato. Timeus. – Berossos. Babyloniaka, Fragm.*).

Значит, именно тогда, накануне тех страшных дней, человечество достигло высшей ступени развития – того, что мы называем «прогрессом», «цивилизацией», что Платон называл «Атлантидою», а Достоевский – «человекобожеством». И вот, на этой высоте – всемирная война, всемирный бунт, одичание, озверение, людоедство – конец человечеству: все, как у нас – то же начало и тот же конец.

XLIII

...Открывает Премудрый уста свои,
Так говорит Богу Эа Властителю:
«Погибает, Господи, род человеческий,
Пожирает землю ярость богов.
Смилуйся, Боже, над тварью твоей!..»

Опять сломано. Кажется, боги смиловались, но люди не покаяться.

...Собрал Энлил богов, сказал им так:
«Вот, не убывает зло, а множится.
Не щадите же людей, не милуйте!
Воскорбел я в сердце моем от буйства их...»

И в Бытии почти дословно то же: «Раскаялся Господь, что создал человека, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человека» (VI, 6–7).

Тогда Elohim, боги Израиля, и боги Вавилона – решают потоп. Но милосердный Iahwe-ja предупреждает Ноя-Атрахазиса; а дабы не нарушить тайны богов, говорит с человеком не лицом к лицу, а в вещем знамении; как начинающийся ветер потопный, свистит в щели тростниковой хижины, первобытного жилища сенаарского:

«Хижина, хижина! Стена, стена!
Слушай, хижина! Внемли, стена!
Человек из Шуриппака, сын Убара-Туту,
Сломай свой дом, построй ковчег,
Презри богатство, жизни взыщи,
Все потеряй, душу спаси!»

(Gilgamesch, XI, 21–27)

И строение ковчега повторяется в обоих сказаниях, библейском и вавилонском, до мельчайших подробностей – до «горной смолы», *chemar*, которой осмолены оба ковчега (Gilg., XI, 66–70. – Быт. VI, 14).

Но изображение самого потопа в вавилонской клинописи живее, подлиннее, чем в Бытии, как будто здесь говорит слышавший, а там – видевший.

XLIV

Только что в небе утро забрезжило,
Черная туча из-за неба выползла;
Бог Адад внутри загремел,
Полетели вперед боги-вестники,
Над горами, над долами.
Колья причалов рвет Иррагал из земли,
Рушит плотины Нимурта неистовый.
Ануннаки-диаволы подняли факелы,
Облистали землю страшными блесками.
Ярость Ададова вздыбилась до неба,
Свет дневной обратила во тьму
И разбила землю, как сосуд горшечника. —
Дул, не слабея, весь день ветер полуденный,
Выл и ревел, гнал воды на горы;
Как полки, на людей волны падают.
Люди друг друга не видят во тьме,
Небо не видит земли погибающей. —
Устрашились боги смерча потопного,
Побежали, взлезли на небо, к Ану Отцу,
И прижались к стене, прикурнули, как псы.
Закричала Иштарь, как роженица,
Завопила царица богов благовещая:
«В перст земную отыдет род человеческий!
Зло повелела я в сонме богов,
Истребленье людей моих лютее:
Я сама родила их, Мать единая;
Ныне же люди, как рыба икра, воды наполнили!»
Плачут боги, плачут бесы с богиней Иштар,
Воют, согнувшись, сидя на корточках...

(*Gilgam.*, XI, 97 – 216)

XLV

«Семь дней продолжалась буря потока, а на седьмой утихла», – повествует Атрахазис:

Взглянул я на небо, и вот, тишина;
Весь же род человеческий в перст отошел,
И гладка поверхность вод, как крыша гладкая. —
Люк я открыл, свет упал на лицо мое;

Сел я, поник и заплакал,
Слезы текли по щекам моим...

(Gilgam., XI, 133–138)

В Божественной Книге ничего нет равного этим слезам человеческим.

XLVI

Когда ковчег остановился на горе Низир (Nisir), Атрахазис выпускает по очереди голубя, ласточку и ворона, чтобы узнать, сошла ли вода с земли. Голубь и ласточка вернулись в ковчег, «не найдя места покоя для ног своих» (Быт. VIII, 9).

Ворон полетел, место нашел,
Сел – клюет, каркает – не возвращается.

(Gilgam., XI, 154–155)

Тогда Атрахазис выходит из ковчег и приносит на горе жертву богам:

Сладостный запах учуяли боги
И слетелись на жертву, как мухи.

(Gilgam., XI, 161–162)

Бог Эа благословляет Атрахазиса:

Атрахазис с супругой были донныне людьми;
Ныне же будут, как боги, в сонме богов.

(Gilgam., XI, 202–203)

Судьба Атрахазиса таинственнее Ноевой: этот родил второе человечество и умер, как человек; тот не рождает и не умирает, как бог (второе человечество Иштарь-Мами творит из персти земной, так же как первое). На краю света, в Устье Рек, где был Эдем, поселяется Атрахазис, последний человек первого человечества, как Второй Адам, бессмертный, вкусивший от Древа Познания и Древа Жизни *вместе*.

Чей же это прообраз, чья тень? Богочеловека или человекобога? И здесь опять двойной, вопрошающий смысл Вавилона.

XLVII

Вообще внутренний смысл обоих сказаний, библейского и вавилонского, вопреки внешнему сходству, глубоко различен: одна песнь, двумя голосами разнo спетая.

Когда выпущенный голубь возвратился, «Ной простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег» (Быт. VIII, 9). Бледный луч солнца сквозь тучи потопа, вспыхнувшая радуга Завета, темный люк в осмоленной крыше ковчег и на простертой иссохшей ладони шестисотлетнего старца розовые лапки белого голубя: трагедия кончается идиллией, ревущая буря потопа – голубиным воркованием, здесь, в Бытии, а там, в Гильгамеше, – карканием ворона.

Наступит ли конец и второго мира так же, как первого, этого не знает Бытие или не хочет знать, а Вавилон знает. Об этом-то конце зловещий ворон и каркает.

XLVIII

Согласно с Берозом, последним истолкователем незапамятно-древних вавилонских сказаний, бытие мира состоит из ряда «великих годов», и каждый имеет лето и зиму: зима наступает, когда все созвездия соединяются в точке Водолея или Рыбы; лето – в точке Льва или Рака. Каждая зима начинается всемирным потопом (

ὕδατος

); каждое лето – пожаром (

ἐχλύρωσις

) (*Beros. Babylon. Fragm.*).

Так все мировые круги, «обороты великих колес», *ovra delle rote magne*, совершаются между двумя концами-началами, и каждый, обнимая 432000 лет, есть точное повторение предыдущего, ибо созвездия, возвращаясь в положение изначальное, производят прежнее действие.

Все это уж было когда-то,
Но только не помню, когда...

О постоянных разрушениях мира огнем и водою говорит и Саисский жрец у Платона: в одном из этих разрушений погиб и остров Атлантида («Тимей»).

В тайном учении египетских жрецов эти мировые круги называются *nem-anch*, «обновления жизни», и *nem-masu*, «повторения бывшего» (*Brugsch, Relig. u. Mythol. d. alten Aegypt., 260*); в учении орфики, – «восстановление»; а в современной науке один из таких кругов есть «мировая эволюция».

XLIX

Сколько их? Бесчисленное множество? Нет, только три, ибо Тайна Трех – в трех мирах совершается.

Если верно последнее, то мы сейчас – во втором круге, перед концом огненным.

L

«Суд мира и всего, что в нем, через огонь. – Все огонь, когда придет, разрушит и возьмет себе» (*Fragm., 63–65*), – как будто повторяет Гераклит новозаветное пророчество: «В начале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда... Тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (Вт. Петр. III, 5 – 10).

«Огонь пришел Я низвести на землю, и как томлюсь, пока он возгорится», – свидетельствует и Сын Человеческий.

LI

О, конечно, для нас все это – лишь старые басни, пустые сны! Как бы только нам самим не оказаться сном пустым.

Неужели мы до конца не поймем, почему Сын Человеческий, согласно со всею древнею мудростью, соединяет бывший конец с будущим, потоп водный – с огненным? «Как было во дни Ноя, так будет и в пришествии Сына Человеческого. Ибо, как во дни перед потопом, ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, так будет и пришествие Сына Человеческого» (Матф. XXIV, 38–39).

Не думали, как мы не думаем; не слышали, как мы не слышим шума подходящего потопа, уже не водного.

ЛII

Океанский кабель и радио не повторят ли когда-нибудь древнюю клинопись:

Ануннаки, диаволы, подняли факелы,
Облистали землю страшными блесками...
Ярость Ададова вздыбилась до неба...
И разбила землю, как сосуд горшечника.

Что это, было или будет? было и будет, – отзывается эхо веков в вечности, как зловещее карканье ворона.

ЛIII

В жизни каждого человека наступает минута, когда душа его вдруг видит смерть. Если и в жизни всего человечества должна наступить такая минута, то, может быть, сейчас она ближе, чем когда-либо.

Но и все века к ней шли. Ее уже предрек Вавилон: душа его увидела смерть, как раненая львица ниневийская.

Гильгамеш и Древо жизни

I

Увидел он все до пределов вселенной,
Все испытал и познал,
Взором проник в глубочайшие тайны,
С сокровеннейшей мудрости поднял покров...
Весть нам принес о веках допотопных;
Путь далекий прошел он, скорбя и труждаясь,
И повесть о том начертал на скрижалях...
На две трети он – бог, на одну – человек.

(Gilgam., I, 1 – 51)

Таково начало «Гильгамеша», как бы начало «Фауста». Вот когда уже начинается трагедия знания, наша трагедия по преимуществу. Фауст и Гильгамеш – обладатели знания, искатели жизни.

«Жизни ты ищешь, но не найдешь» – это о Гильгамеше сказано, и почти то же о Фаусте:

Grau, lieber Freund, sind alle Theorien;
Doch ewig grün der goldne Baum des Lebens.
Все умозренья, милый друг мой, серы;
Но вечно зелено златое Древо Жизни.
Древо Познания не есть Древо Жизни: кто вкусит от первого,
не вкусив от второго, смертью умрет. Несоединимость двух
порядков, бытия и мышления, – вот источник Гильгамешевой-
Фаустовой трагедии.

II

Я знаю, что умру, и перед этим единственным знанием все остальные знания ничтожны, ненужны, потому что не избавляют меня от смерти, не отрицают, а утверждают смерть. Чем больше я знаю, тем больше постигаю смерть, ибо существо знания, закон необходимости – закон смерти: «все изошло из праха и отыдет в прах» (Еккл. III, 20). Чем больше я знаю, тем больше вкушаю от смертной горечи, скорби смертной: «кто умножает познание, умножает скорбь» (Еккл. I, 18). Я свободен в знании, а в жизни раб. Знать – мочь? Нет, не мочь, потому что никакое знание смерти победить не может. Чем больше я знаю, тем больше умираю. Знание – смерть, вот последнее слово Гильгамешевой-Фаустовой мудрости.

III

Сохранился вавилонский резной камень-печать с изображением мужа и жены, сидящих друг против друга, у дерева с плодами; оба простирают руки к нему, как бы готовясь сорвать плод; за спиной жены – змей.

«От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. II, 17).

Как не умереть, соединить древо познания с деревом жизни? От Гильгамеша до Фауста, это вопрос всего человечества.

IV

К тому же кругу сказаний относится другой вавилонский богатырь Адапа.

Случайно созвучие имен Адапа – адам, но не мифов. Тело Адама «взято от земли вавилонской», по Талмуду (Micha Josef bin Gorion); а по сказанию вавилонскому, Адапа – сын бога Эа (Еа – Ја), первый человек, «семя человеческое», *Zer ameluti*. И судьба Адапы – Адама, так же как судьба Гильгамеша, есть трагедия знания:

Знание дал ему Бог, но жизни вечной не дал.

(Adapa, 4)

В священном городе Эриду, в Устье Рек, там, где был древле Эдем, готовит Адапа, первосвященник Божий, чистыми руками хлебы предложения, ловит рыбу для Божьей трапезы. Однажды, в море, полуденный ветер опрокинул челн его. Адапа заклил ветер, волшебная сила заклятия «сломала крылья ветру», и на семь дней ветер затих. Сведав о том, разгневанный бог Ану зовет Адапу на суд, а бог Эа дает ему мудрый совет: «В разодранную ризу оденься – знак скорби по двум умершим богам, Таммузу и Гишзиде, небесным привратникам».

Когда же предстанешь на суд,
Пищу смерти предложат тебе, – не ешь;
Воду смерти предложат тебе, – не пей;
Ризу подадут тебе, – оденься;
Масло подадут тебе, умастись.

Адапа исполнил совет. Таммуз и Гишзида, увидев скорбную ризу, проводили его в небо, заступились за него перед Ану, и гнев бога утишился, но не совсем:

«Для чего открыл Эа мужу нечистому
Тайны земные, тайны небесные,
Дал ему силу и славу безмерную?
А мы, что для него могли бы мы сделать еще?
Принесите ему пищу жизни, да ест».
Пищу жизни принесли ему, – не ел;
Воду жизни принесли ему, – не пил;
Ризу подали, – оделся в нее,
Подали масло, – умастился ей.
И дивясь, спросил его Ану Отец:
«Зачем ты, Адапа, не ел и не пил?»
Адапа. «Эа мой бог повелел: не ешь, не пей».
Ану. «*Земного земле возвратите же!*»

Таков приговор Божий над человеком: «Возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. III, 19).

V

Тут все как будто нарочно темно, недосказано, или двусмысленно. Кажется, что говорящий больше знает, чем говорит; не может или не хочет сказать всего, приподымает угол завесы и опускает тотчас же. О самом главном сказано вскользь или вовсе умолчано.

Где совершается конец Адаповой мистерии, во времени или в вечности? Когда ветер опрокинул челн, спасся Адапа или погиб в море, – первый человек, так же как все первое человечество в водах потопа? Если погиб, то, возвращаясь на землю, он снова рождается, как второй Адам второго мира, послепотопного. Не потому ли и облекается в новую одежду смерти – в тело смерти?

В каждом слове загадка; все сокращено, сжато, как в семени, но из этого малого семени вырастает великое дерево – судьба человечества.

VI

Не послушался Бога Адам и умер; послушался Адапа и тоже умер: как будто не в послушании тут дело, не в воле человеческой.

Если бы Адапа Бога не послушался, то наследовал бы вечную жизнь. Тут уже мановение тишайшее к бунту, к человекобожеству; таков, по крайней мере, один из двух возможных смыслов, недосказанных. Иное мановение в Бытии, но, страшно сказать, почти та же двусмысленность.

Обманул ли Змей Адама? «Знает Бог, что в день, в который вы вкусите их (плодов с древа познания), откроются глаза ваши, и вы будете, как боги» (Быт. III, 5). Но ведь и Бог говорит почти то же: «вот, Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не стал жить вечно» (Быт. III, 22).

Нет, Змей не обманул Адама, и Эа не обманул Адапу. Сами они обманулись ложным, потому что неполным, знанием. *Elohim*, – значит «Боги», – может быть, Три Бога в Одном.

В Боге Троичном *анантизм*, «противоположное – согласное» (по Гераклиту), есть источник истины и жизни; а в человеке, двоящемся между добром и злом, – *антиномизм*, противоречивое – несогласуемое, есть источник лжи и смерти. Вот почему Адапа отвергает жизнь, как смерть, и принимает смерть, как жизнь.

И все мы доныне – дети Адаповы. Не предлагается ли каждому из нас Пища Жизни, Вода Жизни – мы знаем Кем?

Пищу жизни дали ему, – не ел;
Воду жизни дали ему, – не пил.

Этот приговор не читает ли в сердце своем каждый из нас?

VII

Еще загадочнее миф об Этане, примыкающий к тому же кругу Гильгамешеву.

Богатырь Этана молится богу солнца, Шамашу, о «злаке рождения», *sammu sa alladi*. Что для Адапы «пища жизни», для Гильгамеша «злак жизни», то для Этаны «злак рождения» – рождения в вечную жизнь.

О, Шамаш, ты насытился туком овнов моих,
Кровью овец моих земля упитана;

Чтил я богов, бесов страшился;
Жертву курений моих возносили пророчицы...
Да изыдет же, Господи, милость из уст твоих...
Злак Рождения даруй мне, сними с меня бремя смертное!

(Etana, 120 – 5)

Шамаш отправляет Этану к Орлу, ужаленному Змеем (опять Змей!), издыхающему в пропасти от голода. Этана кормит Орла; Орел оживает, «крепнет, как лев», и возносит Этану на крыльях к небу Ану Отца. Но там не находят они Злака Рождения и узнают, что он выше, во втором небе богини Иштар. Опять возносятся. Но, когда земля и море исчезают, Этана уstrasшается и молит Орла:

Не хочу я, мой друг, возноситься на небо!
Дай мне вернуться на землю назад!

И вместе с Орлом падает.

«Как упал ты с неба, Денница, Сын Зари!.. А говорил в сердце своем: взойду на небо... буду подобен Всевышнему» (Ис. XIV, 12–14).

От Люцифера до Антихриста, полет человека есть явление человекобожества.

VIII

Все мы доныне – дети Этановы: питаемся «злаком рождения» – злаком смерти, ибо кто рождается, тот умирает. Но этого-то мы и хотим – не воскресения мертвых, а вечной жизни живых. Смерть личности, бессмертие рода, – вот наша вечная жизнь – вечная смерть. Отвергаем с неба Сошедшего, сами хотим на небо взойти; восходим – взлетаем – и падаем. Это безумие наше сегодняшнее предречено допотопною мудростью.

IX

Адапа, Этана – два близнеца Гильгамешевы, а третий – Энгиду (Engidu-Eabani).

Энгиду не рожден, а создан, как Адам. Создает его богиня Аруру (Aruru) – Иштар-Мами, Матерь богов.

Боги призвали богиню Аруру:
«Создала ты древле многих бесстрашных;
Создай же и ныне подобного им».
Слово богов услышала Аруру,
В сердце своем создала образ Божий,
Руки умыла, глину смесила,
Сделала брение, мужа слепила,
Чадо богов, Энгиду бесстрашного.

(Gilgam., I, 80–85)

«На две трети он – бог, на одну – человек»; это о Гильгамеше сказано, а об Энгиду можно бы сказать: на две трети он – бог, зверь – на одну.

Х

Тело его волосами покрыто...
Волосы густы, как буйная жатва.
Жизни людей он не знает;
Скотью богу видом подобен,
Вместе с газелями в поле пасется,
Ходит со стадом на водопой,
С рыбами счастлив в воде.

(I, 87–91)

Звери любят его, а люди страшатся. Зверолов жалуется на него Гильгамешу, царю Урука:

«Диких зверей охраняет он в поле...
У водопоя, в сумерках, рыщет,
Страшный, как зверь: подойти я не смею...
Ловчие ямы мои засыпает,
Рвет мои сети, ломает капканы...
Дичь разогнал, запрещает ловитву».

(I, 133–139)

Гильгамеш подсылает к Энгиду священную блудницу богини Иштар, чтобы соблазнить и заманить его в город. Зверолов выставляет на него наготу блудницы, как сеть на зверя, и зверь ловится в сеть.

Шесть дней, семь ночей ласкал он блудницу,
Когда же утолился, вернулся к зверям.
Но, завидев его, убежали газели,
И звери полей от него отступили.
Как чарою злой очарован Энгиду...
Смутился, ослаб, подогнулись колени,
Смирилась навеки в нем буйная сила...
Вернулся к блуднице, у ног ее сел...
В лицо ее смотрит, словам ее внемлет.
«Ты прекрасен, Энгиду, ты богу подобен.
Зачем же, как зверь, со зверями живешь?
Пойдем, отведу тебя в город...»

(I, 168–186)

В город ведущая Зверебога Блудница, – кажется, нет и не будет лучшего образа для того, что мы называем «прогрессом», «цивилизацией». Руссо и Толстой повторяют проклятие Энгиду:

«Суд я тебе изреку, о, Блудница!..
Будь проклята ты во веки веков,
В город меня из полей заманившая!..»

(VII, 125–142)

XI

Человек в природе, как Адам в раю; и, уходя от нее, тоскует ней, как о потерянном рае. Тоска эта родилась в Вавилоне. Именно здесь, в Месопотамии, был древле сад Господень, рай земной, *Gan-Eden*. «Насадил Господь Бог рай в Эдеме, на востоке» (Быт. II, 8). И все еще цветут на берегах Ефрата «пальмы вавилонские от времен Адамовых» (Талмуд).

На обломках вавилонского ваяния дошли до нас изображения «висячих садов»: земляные насыпи расположены уступами на исполинских сводчатых подстройках. Над раскаленной печью глиняно-кирпично-асфальтовых стен дышат эти сады эдемскою прохладою. Там, на зеленых лужайках, курильницы смешивают пряное благовоние мирры и ладана с росною свежестью лилий полевых.

XII

Не в одном ли из таких садов слышал царь Навуходоносор голос с неба: «Отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями»?.. «И тотчас исполнилось это слово... отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною» (Дан. IV, 28–30).

Это – проклятие. Но вот и благословение, возвращение Адама-Энгиду в потерянный рай: «И был Он (Иисус) там в пустыне, сорок дней, и был со зверями. И Ангелы служили Ему» (Марк. I, 13).

Звери и ангелы вместе служат второму Адаму в пустыне, как в Божьем раю.

XIII

От «Гильгамеша» сохранились только обломки, но можно судить и по ним о величии целого, ни с чем, кроме первых глав Бытия, не сравнимого. Мы, сложные, малые, даже понять не можем этого простого величия.

От Гильгамеша к Илиаде – какое падение! По сравнению с певцом вавилонским, этот эллин – варвар.

...Как хищные волки,
Кои олени рогатого в дебри нагорной, повергнув,
Зверски терзают; у всех обагрованы кровию пасти;
После же, стаюю целой, к источнику горному рыщут;
Там языками гибкими мутную воду потока
Локчут, кровью рыгая... и страшно раздуты утробы...
...Так Мирмидонян вожди... устремляются в битву.

(Ил. XVI, 157–166)

Таково человечество Гомера: окровавленные волчьи пасти, кровавая волчья отрыжка, раздутые кровью, волчьи утробы. «Все будут убивать друг друга», – это вавилонское пророчество исполнилось. «Гнев, богиня, воспой!» Гнев, войну, убийство воспевают муза Гомерова, а муза вавилонская – мир, милость, любовь. «Любовь твоя была для меня превыше любви женской», – мог бы сказать Гильгамеш об Энгиду, как Давид о Ионафане (Вт. Цар. I, 26).

Ни капли крови – на богатыре вавилонском, «кротчайшем из людей». Воюет и он, но не с людьми: враг его, последний враг человечества – смерть. Не война, не убийство – цель его, а любовь и жизнь бесконечная.

XIV

На одном из стенных изваяний дворца Ассурбанипалова, лев с грозно ошетилившейся гривой, стоя перед львицею, покорно лежащею у ног его, смотрит на нее, как будто с рыканием любовно-яростным; а за львом, под кущею райского сада, на длинном, тонком, гнущемся стебле – полураскрытая лилия.

Лев и Лилея – сила и нежность. «Сильнее львов» Гильгамеш и Энгиду, как Давид и Ионафан (Вт. Цар. I, 23). Но за львиною силою – нежность лилейная.

XV

Гильгамеш – «друг печали», по дивному слову певца своего.

«Зачем ты обрек Гильгамеша покоя не знать,
Дал ему сердце немирное?» —

жалуется богу мать богатыря.

От Гильгамеша до Фауста, все они таковы, искатели вечной жизни, не возлюбившие души своей даже до смерти, обуянные «страстью к страданию».

Сам не зная покоя, не дает он его и другим: строит исполинские стены города, храмы, башни, может быть, «ступени в небо» – зиккуррат подоблачный. Так замучил людей на работах, что те, наконец, восстали на царя, взмолились богам, и боги создают Гильгамешу соперника, зверебога Энгиду: «Да вступят они в состязание и да обретут люди покой».

Энгиду, заманенный в город блудницею, вызывает Гильгамеша на бой. Гильгамеш победил и полюбил врага, исполнил завет: «Тому, кто сделал зло тебе, плати добром». Тогда-то и выходит «из крепкого сладкое», из львиной силы – нежность лилейная.

Вместе, как братья, богатыри идут на подвиги, убивают двух страшилищ, исполина Гумбабу (Humbaba) и Тура Небесного. Но, после этих обычных богатырских подвигов, вдруг наступает необычайное. Энгиду тоскует в городе, как зверь в клетке, изнывает в тоске. В вещем сне видит смерть и умирает.

XVI

Что сразило его? Не мор, не меч, не яд. Отчего же умирает он? Ни от чего. Услышал тихий зов смерти и пошел на зов. Может быть, уже в ласках блудницы заронилось в него семя смерти вместе с похотью. Жил в пустыне, как зверь и бог, не зная смерти; ушел к людям, вкусил от древа познания и познал смерть.

«О, друг мой, я проклят: не в битве паду я, —
Блаженны бесстрашные, павшие в битве,
А я утрашился, и вот умираю,
Умираю на ложе бесславно, как трус!»

Какой битвы утрашился бесстрашный? Этого он и сам не знает. «Все будут убивать друг друга», – от Гильгамеша до Илиады, от Илиады до нас, исполняется это пророчество. Конец

первого мира – водный потоп; конец мира второго – потоп кроваво-огненный. Не этого ли конца и устранился Энгиду? Не познал ли он, первый из людей, в смерти человека смерть человечества?

«Энгиду, о, друг мой, степная пантера,
Всего мы достигли: на горные выси
Взошли, победили Небесного Тура,
Гумбабу сразили, под сенью кедровой...
О, что же он значит, твой сон непробудный?
Зачем ты так бледен и друга не слышишь?»
Не слышит он друга, на друга не взглянет.
Тот к сердцу притронулся, – сердце не бьется;
И другу лицо он покрыл, как невесте,
И громким рыканьем, как лев, зарыкал,
Как львица, чей львенок похищен ловцами...
«О, как умолчать мне, как выплакать горе?
Кого возлюбил я, тот сделался прахом!
Мой друг, мой Энгиду, он сделался прахом!
И так же я лягу, как он, и не встану,
Не встану во веки веков!»

Не душа ли всего человечества в этом надгробном рыдании исходит слезами, как душа того ниневийского льва, изрыгающего кровь, исходит кровью?

«Согласные и любезные в жизни своей, не разлучались и в смерти» Гильгамеш и Энгиду, как Давид и Ионафан (Вт. Цар. I, 23). Смерть познал Гильгамеш через любовь. О смерти знают все, но знает смерть только любящий, потерявший любимого, потому что одною с ним жизнью живет, одною смертью умирает.

«С тех пор, как он умер, и я не живу», —

это слово Гильгамеша – вечное слово любви о смерти.

«Никто не любил тебя больше, чем я», —

это слово Изида мог бы повторить Гильгамеш, но с иным смыслом, не утоляющим, а жаждущим. Что «крепка любовь, как смерть», знает и он; но что крепка и смерть, как любовь, тоже знает. Любовью смерть победить труднее, чем думал Египет. Вот этот-то смертный труд любви и поднял Вавилон.

XVII

Любовь познал Гильгамеш через смерть – в этом нежность его лилейная; за любовь восстал на смерть – в этом сила его львиная.

Так же познал он, как Энгиду, в смерти человека смерть человечества и замыслил подвиг сверхчеловеческий – со смертью смертный бой.

Тут-то и начинаются страдания, «страсти» Гильгамешевы, подобные страстям Таммузовым, Озирисовым, Дионисовым – всех богов страдающих.

Царь, покинув престол, идет скитаться по свету нищим бродягою. Как бы неведомой силой гонимый, изможденный, одичалый, страшный под шкурой звериной, как зверь, все бежит и бежит, остановиться не может, подобно Агасферу и Каину.

Куда? На край света, где обитает Атрахазис Дальний, последний человек первого мира, от потопа спасшийся. Один из людей, жил он и смерти не видел, потому что вкусил от Злака Жизни. От него-то и хочет узнать Гильгамеш, где растет этот Злак.

XVIII

Путь его – путь Солнца, от востока к западу. Не к тому ли крайнему западу, где погибла Атлантида в бездне вод потопных?

Там, на рубеже мира, может быть, у Столпов Геркулесовых, видит он двух страшилищ, мужа Скорпиона с женой Скорпионихой.

На главах их небо покоится,
Тела их ушли в преисподнюю.
Стерегут они врата небесные.
Смертоносен их лик ужасающий,
Скалы дробит их блеск ужасающий...
Стерегут они солнечный выход и вход.

(IX, 39–44)

За четою скорпионною – горы Машу (Maschu), дремучие, застят небо так, что царит в них вечная ночь. Не те ли, которые мы называем Атласскими? За горами – сад из драгоценных камней. Не тот ли, который мы называем тропической Африкой? И, наконец, океан. Не тот ли, который мы называем Атлантическим?

Там Дева морей на престоле сидит...
Гильгамеш. Путь через море мне, Дева, открой,
К Атрахазису Дальнему путь укажи!
Дева Морей. Нет путей через море, нет переправ;
Никем, кроме Солнца, не хожен тот путь,
Замкнут Водами Смерти бездонными...
Как же ты, Гильгамеш, переступишь их?
Как Воды Смерти пройдешь?..
Ступай к Ур-Шанаби: может быть,
с ним переправишься...

(X, 65–77)

Ур-Шанаби (Ur-Schanabi), Атрахазисов лодочник, велит Гильгамешу нарубить в лесу сто двадцать шестов, сажает его в лодку, и на третий день плавания достигают они Вод Смерти. Что это за воды?

Саисский жрец у Платона говорит почти словами вавилонской былины: «моря того (над затонувшей Атлантидой) нельзя ни переплыть, ни исследовать, потому что ход кораблей преграждается множеством ила, поднявшегося над затонувшим Островом» (Тимей).

И карфагенские мореплаватели, обогнувшие мыс Доброй Надежды за 2000 лет до Васко де Гама, натолкнулись, у Канарских островов, на великое *Море Трав*. Его же видел и Колумб на пути в Америку.

Не эти ли воды суть Воды Смерти? Если так, то понятно, почему Гильгамеш не гребет веслами, а толкает лодку шестами, и, увязая в иле, в чаще водорослей, гнутся шесты, ломаются; понятно и то, почему эти воды, над затонувшей Атлантидой, называются Водами Смерти, и почему Атрахазис Дальний живет на острове, среди океана, может быть, незатонувшей вершине Атлантических гор.

XIX

Переправившись через Воды Смерти, пловцы выходят на берег.

Говорит Гильгамеш Атрахазису Дальнему:
«Ты, как я; вид у тебя человеческий...
Но вечно борюсь я и вечно труждаюсь,
Ты же, праздный, лежишь на спине.
Как же обрел ты бессмертие в сонме богов?»

(XI, 1–9)

Следует сказание о потопе – гибели первого человечества.

Что сердцу Гильгамеша смутно брезжило, то здесь уже освещено почти полным светом сознания: смерть человека – смерть человечества, и воскресение человека – воскресение человечества.

«Так принят богами я в сонм богов», —

заключает Атрахазис свое сказание.

«А тебя, Гильгамеш, кто из богов примет тебя?
Как обретешь ты, смертный, вечную жизнь?..
Тайну тебе я открою великую,
Тайну о Злаке Жизни поведаю:
Терну и розе подобен тот Злак...
Если ж найдешь его, жив будешь им».

(XI, 205–206)

Вот и вся тайна: Злак Жизни – роза и терн, Роза Любви, Терн Страдания. Не потому ли из терна сплетется венец того, Кто даст людям вечную жизнь в любви?

Но где находится Злак, об этом не сказано. Или, может быть, громко не сказано, а прошептанно на ухо, потому что из дальнейшего видно, что Гильгамеш все уже знает: подвизал тяжелые камни к ногам, бросился в море, нырнул, опустился на дно, нашел Злак, сорвал, отвязал камни и вынырнул.

Злак Жизни, Древо Жизни райское – на дне океана, в бездне вод потопных, Вод Смерти, или, как сказал бы Саисский жрец у Платона, – в «затонувшей Атлантиде». Вечная жизнь, то, чего второе человечество ищет, первым уже найдено, ибо в мировых веках-вечностях все повторяется, возвращается:

Все это уже было когда-то,
Но только не помню, когда...

XX

«Вот, Ур-Шанаби, обещанный Злак!
Неутолимое им утоляется.
Имя же Злака: Вечная Молодость.
Отнесу его людям, да вкусят бессмертия!» —

торжествует Гильгамеш, но недолго. На обратном пути, когда он сходит в овраг, чтобы искупаться в студеном источнике, запах Злака учуял Змей, подполз, схватил его и унес.

Гильгамеш возвращается, видит, что Злак исчез, проклинает Змея, садится на землю и плачет:

«Для кого, Ур-Шанаби, трудился я?
Для кого истекало кровью сердце мое?
Не себе я сделал добро, —
Сделал добро я Змею ползучему!..»

(XI, 295–313)

И здесь опять, как везде, о самом святом и страшном сказано вскользь, как будто с нарочно загадочною краткостью; угол завесы приподнят и тотчас опущен.

Кто этот Змей, решающий судьбу второго человечества, может быть, так же, как первого? Не он ли изображен на вавилонском резном камне-печати, за спиною Жены, сидящей против Мужа, у Древа Жизни? «Как бы не простер он руки своей, и не взял также от Древа Жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. III, 22). Это сказано об Адаме, и о Гильгамеше — почти то же:

«Жизни ты ищешь, но не найдешь:
Когда сотворили боги людей,
То людям назначили смерть,
А себе оставили жизнь».

XXI

Нищим ушел он и нищим вернулся. Но, тайны жизни не узнав, хочет узнать, по крайней мере, тайну смерти. Вызывает заклинаниями тень друга из подземного царства бога Нергала.

Открыл Нергал в земле расщелину
И тень Энгидову, как ветер, выпустил.

(XII, 88–89)

Гильгамеш. Скажи мне, мой друг, скажи мне, мой друг,
Тайну смерти, ее же ты видел, скажи!
Энгиду. Не скажу тебе, друг, не скажу тебе, друг:
Если б сказал я, то сел бы ты и заплакал.
Гильгамеш. Пусть же я сяду, пусть же заплачу!

Далее клинопись стерта так, что трудно прочесть; но, кажется, мертвый только повторяет плач живого: «Кого возлюбил ты, тот сделался прахом; твой друг, твой Энгиду, он сделался прахом!» И заунывен, как вой ночного ветра, непонятный припев:

В пыли сидят на корточках!

В пыли сидят на корточках!

Опять стерто, уже так, что ничего нельзя прочесть, как будто нарочно здесь тайна веков легла на тайну вечности.

И, наконец, последний разговор, которым все кончается:

Гильгамеш. Того, кто железом убит, ты видел ли?

Энгиду. Видел.

На ложе покоя лежит он, пьет чистую воду.

Гильгамеш. Того, кто в сражении пал, ты видел ли?

Энгиду. Видел.

Мать и отец обнимают его, супруга склонилась над ним.

Гильгамеш. Того, чье тело брошено в поле, ты видел ли?

Энгиду. Видел.

Душа его в земле не успокоится.

Гильгамеш. Того, кто никем не оплакан, ты видел ли?

Энгиду. Видел.

Дно горшков лижет он, ест объедки нечистые.

(XII, 92 – 158)

Этим кончается все. Какой конец какого начала!

Увидел он все до пределов вселенной.

Все испытал и познал,

Взором проник в глубочайшие тайны,

С сокровеннейшей мудрости поднял покров...

И вот что увидел: «дно горшка с нечистыми объедками». По Екклезиасту: «Нет у человека преимущества перед скотом... Все идет в одно место: изошло из праха и отыдет в прах». И по египетской мудрости: конец всего – Всесмерть.

XXII

Но Египет к этому пришел, а Вавилон исходит из этого, и сам еще не знает, к чему придет.

Путь Гильгамеша – путь всего Вавилона-Ассура. Царь Ассурбанипал молится богине Иштар:

От тебя дара жизни ищу я;

Для него прохожу через степи,

Чрез моря, через реки,

Чрез горные дебри;

Беды, муки меня изнурили,

Исказили мой образ прекрасный.

И донине путь Гильгамеша не кончен. Вечно скорбящий, стенающий, как бы гонимый неведомой силой, все идет и идет он, остановиться не может, подобно Агасферу и Каину. Путь его – путь всего человечества.

XXIII

Не нашли, чего искали, искатели вечной жизни, не вкусили от Древа Жизни, но уже простирали к нему руки: уже предлагалась Пища Жизни Адапе; уже возносился Этана к небу Иштар, за Злаком Рождения; уже имел в руках своих Злак Жизни Гильгамеш. Этого никогда не забудет человечество.

Зачем обрек его Бог покоя не знать,
Дал ему сердце немирное?

Вот зачем: чтобы искать, пока не найдет.

XXIV

«Гомер мучается в аду за то, что лгал на богов» (Пифагор). На богов все певцы лгут, сплетают лживые басни о них – мифы, чтобы скрыть под ними ужасную истину: «Дно горшка с нечистыми объедками». Но пророки знают, что миф не ложь, а прообраз божественной истины, воплощаемой в мистерии.

XXV

«Боги людям назначили смерть, а себе оставили жизнь» – вот что знает миф. «Бог любит мертвых воскрешать, *sa miti bulluta irammu*», – вот что знает мистерия.

Конец мифа – начало мистерии: Гильгамешева трагедия, в мифе неразрешимая, разрешается в Таммузовой мистерии.

Жизни вечной искал Гильгамеш и не нашел; ее найдет Таммуз.

Таммуз – тень воскресшего

I

Таковы клинописные знаки Таммузова имени: *Dumu-zi*, Истинный Сын. Или полнее: *Dumu-zi-absu*, Истинный Сын Бездны. «В начале сотворил Бог (Боги – *Elohim*) небо и землю. Земля же была безвидна и пуста; и Дух Божий носился над водою» (Быт. I). Этот, носящийся над бездною, Дух Божий и есть Эа-Иа, отец Таммуза.

Dumu-zi-absu – Истинный Сын Бездны – Истинный Сын Божий.

II

«Видишь ли сии великие камни? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне» (Мар. XIII, 2). Будет и было: будет в конце, было в начале нашего мира, с теми, кого Платон называет «Атлантами», а Бытие – «исполинами». Прошли над землею воды потопа, и от великого здания – Атлантиды – не осталось камня на камне, все было разрушено.

Лицо земли, омытое от скверны человеческой, опять засияло райскою невинностью. Все началось сызнова: по диким пустыням скитались опять дикие люди, звероловы и пастухи-кочевники, – дикие, но не совсем. О человечестве умершем новорожденное не сохранило даже памяти; одна только точка светилась в этом черном провале беспамятства, как звезда на дне колодца, одно воспоминание или чаяние неимоверное, одно имя, такое святое и страшное, что люди произносили его шепотом, уже почти не зная, не помня, откуда оно: *Dumu-zi-absu*, Истинный Сын Бездны.

Бездна, в нее же нисходит Истинный Сын...

(*Britisch Museum K 4950*)

Кто, даже из нас, ничего уже не знающих, не помнящих, прочтет эту полустертую клинопись, услышит этот шепот веков или вечности, без удивления и ужаса? Не влагаем ли мы здесь персты свои в какую-то грозную тайну первого человечества, как Фома Неверный – в язвы Воскресшего?

Бездна, в нее же нисходит Истинный Сын, – впоследствии бездна подземная, а в начале – подводная, потопная; из нее-то и выходит бог-рыба, бог бездны, Оаннес-Эа (Oannes), по сказанию Бероза (*Babylon.*, *Fragm.*), чтобы «учить людей», или, может быть, не столько учить новому, сколько напоминать древнее, забытое, высветлять чуть брезжущую точку в провале беспамятства, звезду на дне колодца.

Даже для нас, не знающих, не помнящих, разве это не удивление, не ужас, что Сын Человеческий второго человечества был уже Им и для первого? «Прежде нежели был Авраам, Я есмь», на это слово Его отвечает бездна веков: *Dumu-zi-absu*, Истинный Сын Бездны – Истинный Сын Божий.

III

«Весть нам принес о веках допотопных» Гильгамеш, человеческий образ бога Таммуза. Не ту же ли весть повторяет смутно, невнятно, как бред, сказание, дошедшее до нас в священных книгах Набатеян? (Nabathai, сиро-аравийское племя. *Chwolson*. Tammuz, 78.) В каждом мировом веке, эоне, сохраняется в нетлении мертвое тело одного Человека; когда же наступает

новый век, оно воскресает, и Человек Тот становится Богом; потом опять умирает, опять воскресает, – и так во веки веков. Во всех веках-вечностях – Он, как солнце в каплях росы.

IV

Дикими кажутся нам эти первые люди второго человечества, бродящие по лицу пустынной земли, послепопной; под звериными шкурами, сами, как звери. Но странно, непостижимо для нас, сквозь дремучую тьму этой дикости светит Свет Истинный. В косматых звериных сердцах – то же что в сердце Гильгамеша-Энгида, львино-лилейное.

Дики, жестоки; льют кровь, как воду, убивают бесчувственно. Но вдруг наступает минута: взор человека встречается со взором животного-жертвы, и жалость, как нож, пронзает сердце жреца, и невероятное слышится в плаче Таммузовых флейт:

A-dan dub-ba en dingiz-Dumuzi.

О Таммузе Далеком плач подымается...

Матка-коза и козленок заколоты,

Матка-овца и ягненок заколоты...

О Сыне Возлюбленном плачь подымается!

Возлюбленный Сын и есть жертва, «Агнец, закланный от создания мира».

V

Другое имя Таммуза столь же древнее – *Umune Etura*, Хозяин Овечья Хлева. Это и понятно: только что выйдя из бездны потоппной, земля, утучненная прахом погибшего мира, зазеленела, как одно беспредельное пастбище; люди на ней – пастухи, и Бог – Пастух.

Таммуз-Адонис-Адонай, от Вавилона до Израиля – все тот же пастуший Бог. «Господь – пастырь мой... Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим» (Пс. XX, 1–2).

И от Израиля до Сына Человеческого: «Я есмь Пастырь Добрый – жизнь Мою полагаю за овец... И они слышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Иоан. X, 14–16).

И от Сына Человеческого – до конца времен: «Не будут уже ни алкать, ни жаждать... ибо Агнец... будет пасти их и вводить их на живые источники вод» (Откр. VII, 16–17).

Вот куда ведет овец своих Пастырь Таммуз.

VI

Другое имя его – Владыка Подземного Царства. Когда речь идет о Таммузе, *etura* значит «овчарня подземная», то же что *arallû*, «царство мертвых», ибо не только живых, но и мертвых пасет Пастырь Таммуз.

«Если пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мною: Твой жезл и Твой посох, они успокаивают меня», поют струны псалтири Давидовой об Адоне, Боге Израиля, то же что пастушья свирель – об Адонисе-Таммузе (Пс. XXII, 4).

VII

Другое имя его: *Damu*, Младенец. Волхвы с востока, поклоняясь Младенцу в вертепе Вифлеемском, могли бы назвать его *Damu*.

VIII

Другое имя его *Du-zi* по-вавилонски, по-ассирийски *Lib-lib-bu*, Росток, Отпрыск, Злак прозябающий, – тот «Злак Жизни», которого ищет Гильгамеш.

Первая зеленая точка роста на черной земле и есть Он, Либлибу-Таммуз, Истинный Сын. Он умирает в каждом семени, оживает в каждом злаке. Божественная тайна растения – тайна воскресная – открылась людям впервые, кажется, именно здесь, на цветущих Сенаарских пастбищах, где все живое живет и дышит вместе с растениями.

Когда, после зимних дождей, наступает весна, – все вдруг зеленеет, распускается; буйные травы доходят по грудь волам и коням, а овцы и козы совсем утопают в них. Цветы растут не отдельно, как у нас, а сплошными цветниками, чащами, белыми, желтыми, красными, голубыми, лиловыми, розовыми, так что вся равнина кажется многоцветным ковром. Гончие, возвращаясь с охоты, выходят из этих чащ, окрашенные в цветочную пыль разных цветов. Но уже в мае все увядает от зноя; засохшие стебли трав хрустят под ногой и ломаются; все черно, обуглено, как на пожарище; вся земля – царство смерти.

Тогда-то и заводит пастушья свирель унылую песнь:

О Таммузе далеком плач подымается,
О Сыне Возлюбленном плач подымается...
Ты – деревцо в саду воды не испившее,
Вершиною в поле не расцветавшее;
Ты росток, текучей водой не взлелеянный,
Ты – цветок, чьи корни из земли исторгнуты...

«Он взошел, как отпрыск и росток из сухой земли» (Ис. LIII, 2). «Росток», по-еврейски *natser*, по-вавилонски *du-zi*, по-ассирийски *liblib-bu*, и есть Истинный Сын. Вот о Ком плачет и кого зовет из бездонной, может быть, допотопной, древности свирель Таммузова.

IX

Много у него имен – и ни одного: потому-то и много их, что все недостаточны. Как будто люди ищут и не могут найти настоящее имя, хотят вспомнить уже забытое или узнать еще неизвестное; тоскуют, плачут о Нем, зовут Его, Далекого.

Он далеко, но где, в прошлом или в будущем? Миф говорит: в прошлом; мистерия: в будущем.

Люди ищут Его, и в этих поисках – тоска неутолимая, невероятное чаяние. Как будто уже знают они, что «нет иного имени под небесами, каким надлежало бы нам спастись».

X

Таммуз – древнейший шумерийский бог. Чем глубже в древность, тем чаще имя его, а потом все реже. Когда же семиты возобладали над шумерами, Таммуз отступает в тень окончательно, из мифа уходит в мистирию. Отступать, уходить, умяться – в этом существо Сына: «Он был презрен и умален перед людьми... мы отвращали от Него лицо свое: Он был презируем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. LIII, 3).

Имя его – редко, а изображений нет вовсе. На вавилонских памятниках изображаются все боги, кроме Таммуза: он – неизобразимый, невидимый, или, точнее, еще не виданный,

не получивший образа, но уже величайший и, может быть, единственный Бог. Μονογενής, Единородным называют его эллины, посвященные в таинства Адониса-Таммуза.

В мифе новый, семитский бог Мардук-Меродах-Шамаш (Merodach-Šamaš) оттесняет и умаляет древнего Таммуза шумерийского; Меродах становится богом величайшим и, может быть, единственным. Так в мифе, но не в мистерии: по тайному учению жрецов, Меродах-Мардук и Таммуз суть две ипостаси единого Бога; зримое солнце дневное, и ночное, незримое.

В Вавилоне происходит то же, что в Египте: Озирисова-Таммузова мистерия покрывается мифом Амоновым-Мардуковым; тайное единобожие первого – явным единобожием второго. Но если Амон-Мардук един истинен, то только потому, что истинен един Озирис-Таммуз. Плоть Египта и Вавилона – Мардук-Амон; дух – Озирис-Таммуз.

XI

Таммуз и Озирис – не два бога, а один – той для нас неисследимой древности, доавилонской и доегипетской, когда эти два племени были одним.

И Озирис, подобно Таммузу, – Великая Жертва: во всех заколаемых жертвах – он; и Озирис – Пастырь Добрый: пастуший посох, жезл и бич – в руках его; и Озирис – Младенец, во втором воплощении своем, Горе; и Озирис – Росток, в прорастающей мумии.

Это в мистерии, то же и в мифе. Мифическое имя Таммуза – Меродах-Мардук, по-авилонски *Maruduk*, по-шумерийски *Amurutuki*, значит Сияние Солнца. А Озирис, *Usiri*, значит Сила Ока, Ока небесного, – тоже Сияние Солнца.

Полдень 21 июня, миг, когда солнце начинает убывать, умаляться, есть Таммузова точка в году, и Озирисова, потому что и Озирис есть «убывающее зимнее солнце» (*Плутарх*. – *Jeremias*, *Das alte testament*, 13). Конец солнца во времени соответствует «кончине века сего» в вечности. Ее-то и пришел возвестить Сын.

Так совпадают почти с геометрической точностью эти два образа, две тени одного Тела.

XII

Связь Адоная (Adonai), Бога Израильского, с Адоном (Adon) ханаанским, Таммузом вавилонским, чувствуют пророки Израиля, как «языческую мерзость», гибель народа, а сам народ, как спасение свое, тайную святыню сердца своего. От нового Бога Синайского возвращается он к древнему Таммузу, ханаанскому, вавилонскому, с тоскою неутолимою, с неимовверным чаянием. Сколько бы пророки ни обличали народ, все кажется ему, что он изменяет не Иегове для Таммуза, а Таммузу для Иеговы, родному – для чуждого.

XIII

Авраам вышел из Ура Халдейского (Ur Kasdim). Племя Авраамово, будущий Израиль, – только малый «росток», «отпрыск» (natser) на великом вавилонском дереве. Могла ли не быть святою древняя земля Эдема, земля праотцев?

И Ханаан, земля обетованная, задолго до прихода в нее Израиля, уже напитана вавилонскими, эдемскими росами; задолго до громов Синая, плакала в ущелиях Гермона и Кармила тихая свирель Таммуза.

И потом, когда царь Соломон, во всей славе своей, заливал помост жертвенника кровью онов и козлов, вдруг доносился откуда-то тихий плач:

Матка-овца и ягненок заколоты,
Матка-коза и козленок заколоты...

О Сыне Возлюбленном плач подымается...

XIV

«И будет тот день... воззрят на Того, Кого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают о сыне единокровном, и скорбеть, как скорбят о первенце... Подымется великий плач в Иерусалиме, как плач Гадад-Риммона, на полях Меггидонских» (Зах. XII, 9 – 12).

Гадад-Риммон (Adad-Ramman) – ханаанский город, посвященный Адону-Таммузу, и плач на полях Меггидонских – плач по Таммузу.

О, сердце, о, сердце Владыки! О, ребра пронзенные!

Недаром слышали века в этом плаче пророчество.

XV

И в самом Вавилоне, городе Мардука-Таммуза, Иезекииль, пророк вавилонского плена, имел видение.

«Поднял меня дух... и принес в Иерусалим (во храм), ко входу внутренних врат, обращенных к полуночи, где поставлен был *идол ревности*, возбуждающий ревнование... И привел меня ко входу во двор (храма), и я взглянул, и вот, в стене скважина. И сказал мне: сын человеческий! прокопай стену. И я прокопал стену, и вот, какая-то дверь. И сказал мне: войди и посмотри на отвратительные мерзости, какие они делают здесь. И вошел я, и вижу: вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и всякие идола дома Израилева, написанные по стенам кругом. И семьдесят мужей из старейшин дома Израилева стоят перед ними... и у каждого в руке кадило, и густое облако курений возносится кверху. И сказал мне: видишь ли, сын человеческий, что делают старейшины дома Израилева в темноте, каждый в расписанной горнице своей? И сказал мне: обратись и увидишь еще большие мерзости. И привел меня ко входу во врата дома Господня, которые к полуночи, и вот, там сидят жены, плачущие по Таммузу» (Иез. VIII, 3 – 14).

Цари Израиля, в том числе и Соломон, строитель дома Господня, «поставили жрецов, чтобы совершать курения на высотах... Ваалу, Солнцу и Луне, и Созвездиям, и всему Воинству Небесному» (Четв. Цар. IV, 5). Образы животных, написанные на стенах дома Господня, – не что иное, как вавилонские звездные боги, изображаемые в виде животных в небесном круге Зодиака: ведь и самые херувимы, носящие престол Адоная, Господа Бога Всевышнего, суть крылатые тельцы ассиро-вавилонские, *Kherubu* (Иез. I, 6–7). Солнце, среди звезд, и есть Господь-Бог, Адонай-Адон-Таммуз, среди прочих богов, сынов Божиих: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Пс. LXXXI, 6). Ему-то, Истинному Сыну, *Dum-mu-zi*, и совершаются таинства в доме Господнем.

XVI

У врат полуночных, там, где плачут жены по Таммузу, находится «Идол Ревности». Что это за идол?

В еврейском подлиннике: «Идол Ревности о *Потерянном*» (*Fr. Lenormant. Il mito di Adône-Tammuz*, 164). Мы знаем, что в иерусалимском храме находился идол Астарты-Иштар, внесенный туда, может быть, еще царем Соломоном, устройтелем «высот», священных роц той же богини, в виду Иерусалима, направо от Масличной горы (Четв. Цар. XXIII, 6 – 13). Астарта-

Иштар – мать Адона-Таммуза, «Идол Ревности», любви ревнующей, скорбящей о «потерянном», умершем Сыне, и есть изваяние богини Иштар-Астарты, Скорбящей Матери.

В горах Ливана, над цветущей долиною, посвященной некогда Адонису-Таммузу, сохранился до наших дней изваянный в скале образ богини «скорбящей, с покрывалом на голове, с лицом, склоненным на левую руку; кажется, что слезы текут по щекам ее, – *lascrymae manare creduntur*» (*Macrobius*. Saturn., I, 21).

Вечен этот образ, от Изиды, скорбящей об Озирисе, Иштар – о Таммузе, Астарты – об Адонисе, Кибелы – об Аттисе, Деметры – о Персефоне, – до *Mater dolorosa*, Всех скорбящих Матери.

На нее-то глядя, и плачут о Таммузе Иерусалимские дочери. «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лук. XIII, 28–31).

XVII

«И ввел меня во внутренний двор дома Господня, и вот, у дверей храма Господня, между притвором и жертвенником, около двадцати пяти мужей стоят спинами своими ко храму Господню, а лицами своими на восток и кланяются на восток, солнцу... И ветви подносят к ноздрям своим» (Иез. VIII, 16–17).

У врат полуночных, жены плачут о Солнце зашедшем, Сыне умершем; а у врат полуденных, мужи, поднося к ноздрям своим ветви, обоняя «клеякие весенние листочки» (Достоевский) – «отпрыски», *naïser* – поклоняются Солнцу восходящему, Сыну воскресшему.

Смерть и воскресение Бога – вот что значат Таммузовы таинства – для пророка «мерзости». О Ком плакали дщери Иерусалимские, так и не узнал великий пророк Израиля; но узнала смиренная Ханаанеянка: «Господи! и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. – О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему» (Матф. XV, 27–28).

XVIII

«Бога должно заклать» – читаем мы на одной шумерийской дощечке бездонной древности. Заклать, убить Бога, – что это, страшно? Нет, мы к этому привыкли. Но не сразу; сначала устрашались, изумлялись, по слову пророка: «Как многие изумлялись, глядя на Тебя: столько был обезображен, паче всякого человека, лик Его, и вид Его – паче сынов человеческих» (Ис. LII, 14).

Обезображен так, что ученики, сняв тело со креста, не узнали Его и ужаснулись, разбежались молча от ужаса: *Кто* это был? *Что* это было?

И всего ужаснее то, что этот земной ужас – только отражение ужаса небесного: Агнец, закланный от создания мира, – в основе мира и в основе всех таинств, или, точнее, одного-единственного, потому что все они ведут к одному, именно к этому: Бога должно заклать.

XIX

Египет хорошо знает об этом, можно сказать, только об этом и думает, но молчит, как Сфинкс, – онемел от ужаса. Вавилон лепечет, как в бреду, невнятным лепетом.

Бероз, вавилонский жрец (III в. до Р. Х.), вероятно посвященный в таинства Таммуза, сообщает древний миф о творении человека:

«Видя, что земля плодородна и необитаема, Бэл (Мардук) отрубил себе голову, и прочие боги, смесив текущую кровь с землею, вылепили человеков; потому-то обладают они разумом и причастны божеской природе»!

Αφλεῖν τὴν ἑαυτοῦ
κεφαλὴν καὶ ὁ ρυόν αἷμα τοῦς ἄλλους θεοῦς φεράσαι τῇ γῇ καὶ
διαπλάσαι τοὺς ἀνθρώπουξ διὸ νοηροῦς τε εἶναι καὶ φρονήσεως
θείας μετέχειν

(*Berosi. Fragm., ap. Damasc., de prim. princip., cap. 125).*

Только в косматых, звериных сердцах мог родиться этот исполинский, каменный бред. Но и в каменной грубости – нежность лилейная: Бог умирает из любви к человеку. В книге Бытия (II, 7) Бог создает человека из «красной земли», *afar*, «лепит» его *yacar*, как горшечник лепит сосуд. Земля – красная, может быть, потому, что смешана тоже с кровью, но чьею, здесь уже не сказано.

XX

В позднейшем вавилонском мифе о творении мира – *Eṣṣma eliš* – люди созданы из крови не бога Мардука, а дьявола Кингу (*Kingu*), сообщника восставшей на богов Тиамат (*Thiamat*), Преисподней (VI, 5 – 24). Как бы ужаснувшись богоубийства, человеческая мысль прикрывает мистирию мифом, бездну ночи – покровом дня.

Но древнейший подлинник того же мифа подтверждает страшное сказание Бероза:

Боги призвали богиню,
Мудрую Мами, Помощницу:
«Ты, единая плоть материнская,
Можешь создать человеков.
Создай же их, да иго богов понесут».
Открывает уста свои Мами Великая,
Великим богам говорит:
«Я одна не могу...»

Здесь клинопись стерта, а дальше можно прочесть:

Открывает уста свои Эа,
Великим богам говорит:
«Бога должно заклать...
С божеской плотью и кровью
Мами глину смешать...»

(*Cuneif. Taxis from Babyl. Tabl. in Britisch Museum, VI, 5*)

Этот заколаемый бог и есть Озирис, Великая жертва, Таммуз, Истинный Сын – первая на земле тень Агнца, закланного от создания мира. Только для того и смешит Великая Мать глину с божескою плотью и кровью, чтобы могло совершаться некогда таинство Плоти и Крови.

Так шепот бездонной древности отвечает громам Евхаристии: «Да молчит всякая плоть человечья и да стоит со страхом и трепетом, Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклаться и датися в снедь верным».

XXI

Бог умер однажды, чтобы человек родился, и снова умер, чтобы человек воскрес.

XXII

Знамение Ионы пророка есть знамение Сына Человеческого: «Ибо, как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли» (Матф. XII, 40).

Имя *Иона* – от бога *Fa-la-Jahwe*. Эа, бог-рыба, изображается на вавилонских памятниках человеком в рыбьей коже, как Иона во чреве кита. Бог Эа-Оаннес, выходя из моря, подобно пророку Ионе, учит людей, проповедует.

Иона нисходит в сердце морей, как Таммуз – в сердце земли, как Гильгамеш – на дно океана, как все первое человечество – в бездну вод потопных. «Воды объяли меня до души моей, бездна заключила меня... Но Ты, Господи, изведешь душу мою из ада!» (Ион. II, 6–7).

Ложным пророком Божьего гнева оказался Иона и восскорбел: «Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить! – И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от скорби его. Иона весьма обрадовался растению. И сделал Бог так, что на другой день, при появлении зари, червь подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный полуденный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти... И сказал Бог Ионе: неужели так сильно скорбишь ты о растении? Он сказал: очень скорблю, даже до смерти. Тогда сказал Господь: ты жалеешь о растении... Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого?» (IV, 1 – 11).

До смерти скорбит Иона об увядшем растении, как Гильгамеш – о Злаке Жизни, как весь Вавилон – о Таммузе, Ростке увядающем:

Ты – росток, текучей водой не взлелеянный,
Ты – цветок, чьи корни из земли исторгнуты...
О Сыне Возлюбленном плач подымается...

Любовью Сына побежден Иона, пророк гнева Отчего. «Мне ли не пожалеть», не возлюбить, – говорит не Отец, не Иегова, грозный Бог Сина, а Сын, Таммуз, кроткий бог Вавилона.

Бездонно-древняя клинопись: «Тому, кто сделал зло тебе, плати добром», сохранила для нас как бы слово из нагорной проповеди не нашему человечеству. Не от этого ли тихого слова, которое созидает и уничтожает миры, онемел египетский Сфинкс, рушилась Вавилонская башня, и снизошла Атлантида в сердце морей?

Истинный Сын – Терн страдания, роза любви – вот Злак Жизни, которого ищут и не находят они. Найдем ли мы, или так же погибнет и вторая Атлантида, как первая?

XXIII

Таммуз, подобно Озирису, – воистину Бог, и человек воистину: родился, жил и умер, как человек.

Гильгамеш, огвергая любовь богини Иштар, перечисляет погубленных ею любовников: все они – люди, простые, бедные – поселяне, пастухи, звероловы. В их числе и Таммуз.

Судила Таммузу, любовнику юности,
Ты из году в год плачи надгробные.

(VI, 46–47)

Таммуз – пастух, хозяин овечьего хлева, *umu étúra*. И Сын Человеческий родился в хлеву, среди пастухов.

О человеческой жизни Таммуза мы почти ничего не знаем. Может быть, намек на нее – только в царских житиях, потому что все цари Вавилона – «Таммузы», как все цари Египта – «Озирисы».

Вот что повествует о себе Саргон I (Šaruk-înu), царь Шумера-Аккада (около 2500 г.): «Отца моего я не знал... На берегу Ефрата, зачала меня мать моя и родила тайно, и положила в тростниковый ковчег, и осмолила горною смолою отверстие ковчега, и опустила его в реку, и не сомкнулись надо мною воды реки. И принесла меня река к водочерпию Акки (Akki). Акки водочерпий, в благости сердца своего, вынул меня из ковчега, вскормил, как родного, и сделал садовником. Когда же был я садовником, богиня Иштар преклонила ко мне сердце свое».

Этот стих Таммузова плача соединяет вавилонского бога-младенца с Саргоном и Моисеем: все трое – подкидыши «Род же Его кто изъяснит?» – сказано и о Сыне Человеческом (Ис. LIII, 8).

Не связан ли ковчег Истинного Сына Бездны с ковчегом Ноя-Атрахазиса (оба осмолены «горною смолою», *chemar*), так же как вообще смерть Человека Таммуза – со смертью человечества – Потопом?

XXIV

О Смерти Таммуза мы тоже почти ничего не знаем; знаем только, что он убит: «Воззрят на Того, Кого пронзили».

О, сердце, о, сердце Владыки! О, ребра пронзенные!

На золотом покрове мифа, скрывающем мистерию, выткан узор: юный охотник, убитый вепрем. В Адонисовых-Таммузовых таинствах полагалось на плащаницу восковое изваяние убитого юноши с кровавой раной на бедре от клыков дикого вепря (*Brugsch. Die Adonisklage*, 4). Вепрю, Нинибу (Ninib), посвящен и месяц Таммузовой смерти. Но вот что странно к богоубийце Нинибу обращаются поклонники бога с молитвою:

Возвращаешь ты тело, сошедшее в ад.

Таммуз и Ниниб возвращают умерших из ада, воскрешают одинаково. Это можно объяснить только тем, что эти два бога – один, так же как Сэт и Озирис.

Здесь уже сквозь миф просвечивает мистерия. В мифе жертва невольна; вольна в мистерии: «Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня; но Я Сам отдаю ее, и власть имею опять принять ее» (Иоан. X, 17–18). И об Озирисе сказано: «Он знает день, когда его не будет» (Кн. Мертв.).

XXV

Когда Таммуз умирает, богиня Иштар сходит в ад:

В страну без возврата, в страну, что ты знаешь,
Богиня Иштар устремила свой помысел, —
Откуда вошедший уже не выходит...
В дом тьмы, где живущие света не видят,
Где землю едят, насыщаются прахом;
Где света не видят, во тьме обитают,
Одеты, как птицы, в одежды из перьев;

Где пылью покрыты замки на воротах.
К воротам подземным Иштар приступила:
«Открой мне, привратник, открой мне ворота!
Ворот не откроешь, – замки я сломаю,
Сорву я запоры, разрушу пороги,
И выведу мертвых, чтоб ели и жили, —
И будет их больше, чем было живых!»

(Cuneif. Texts, XV, 45 s. s)

Царица ада, Эрешкигаль (Ereschkigal), велит привратнику впустить богиню Иштар в царство смерти, поступив с нею «по древним законам». Он проводит ее через семь ворот; в первых – снимает с головы ее великую тиару, во вторых – серьги из ушей, в третьих – ожерелье с шеи, в четвертых – эфод с персей, в пятых – кольца с ног, в шестых – пояс с чресл, в седьмых – покров стыда с ложесн. И нагая, вступает богиня в царство смерти. Там Эрешкигаль заточает ее и поражает шестюдесятью язвами.

Богиня Иштар – Звезда любви:

Свет небесный, огонь пламенеющий,
Это ты, о богиня, над землей восходящая!

И под землю, в ад нисшедшая. Божественная, человеческими язвами изъязвлена вся, от подошвы ноги до темени, – вот сидит она там на дне ада, как Иов на гноище. Взяла на себя наши немощи, понесла наши болезни, «Матерь человеков милосердная» – Ummu rimnîtu ša nisê.

XXVI

Это вавилонское Сошествие в ад пробудит в веках немолчные отклики, от падения гностической Софии Премудрости до нашего русского «хождения Богородицы по мукам».

И если воистину мир спасет не только Сын, но и Мать, то это больше, чем миф. Возопит когда-нибудь все человечество к Ней, «теплой Заступнице мира холодного», как возопил Вавилон:

Царица всемогущая, милосердная Заступница,
Нет иного прибежища, кроме Тебя!

XXVII

По сошествии в ад Небесной матери, мать-земля перестает родить. Растения, животные, люди поражены бесплодием:

Сосцы свои от земли отвратила Низаба,
Зреющей жатвы богиня.
За ночь поля побелели,
Едкою солью покрылись;
Зелень не всходит, жатва не зреет;
Горе людей постигает.
Ложесна матерей затворились,
И дитя не выходит из чрева...

Рыба в воде не мечет икры,
Птица в гнезде яиц не кладет.
Бык не покрывает телицы,
Осел не покрывает ослицы.
Супруг не ложится к супруге;
Супруг спит один на ложе своем,
Одна спит супруга на ложе своем...
«Доколе же растущее будет удержано?
Доколе зеленеющее будет связано?» —

плачет пастушья свирель о Таммузе-Либлибу, Ростке непрорастающем.

Пастух сестре своей говорит:
«Вот матка-овца ягненка покинула».
Сестра пастуху говорит:
«У матки-овцы плодородие связано;
От ягненка она убегает с жалобным блеяньем...»

Дальше стерто, можно только прочесть:

Разрушение... Бушует потоп...

Потоп – конец человечества первого, не нашего; но не предсказан ли и нам тот же конец? «Охладеет любовь» (Матф. XXIV, 12). Потухнет солнце любви – сердце мира – и в сердце человеческом наступит полярная ночь, чье ледяное дыхание мы уже чувствуем. Плодородие нашей земли уже не связала ли Мать? Не белеют ли едкою солью наши поля? Не убегает ли с жалобным блеянием матка овца от ягненка? И не о нашем ли конце это сказано: «Разрушение – бушует потоп»?

XXVIII

Таммузовы плачи, или, как названы они в подлиннике, «плачевные песни флейт», дошли до нас в шумерийском списке третьего тысячелетия: значит, могли распеваться уже в кочевьях доавраамовых, но, может быть, и тогда уже были отзвуком неизмеримо большей древности.

Дикие и скудные эти напевы: как будто слышится в них шелест ночного ветра в сухих камышах Ефрата, протяжное блеяние коз и овец, ночная переключка пастухов между степными отарами; как будто пахнет от них жарким ветром степей, горькою полынью, свежою мятою, парным молоком и теплотою овечьего хлева.

XXIX

Медленно восходят облака из-за холмов зеленеющих; медленно пасутся овцы и козы; медленно падают звуки пастушеской свирели, однообразно-унылые, – звук за звуком, как слеза за слезою.

О чем они плачут? О, конечно, не только об одном Человеке, но и обо всем человечестве.

«Дни человека, как трава; как цветок полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. СII, 15–16). – Эта судьба человека – судьба всего человечества.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда болезненно и хило,
Все то, что так цвело и жило,
В последний улыбнется раз!

Последняя улыбка человечества умершего сливается с первой улыбкой новорожденного, в этих напевах Таммузовых флейт.

XXX

О Сыне Возлюбленном плач подымается...
Плач о полях нескосившихся,
Плач о матерях и детях гибнущих,
Плач о потоках неорошающих,
Плач о прудах, где рыба не множится,
Плач о болотах, где тростник не зыблется,
Плач о лесах, где тамарин не цветет,
Плач о степях, где вереск не стелется,
Плач о садах, где мед и вино не текут...

Слова повторяются в песне, как звуки голоса в рыдании. Эти повторения утомительны для нас, но, может быть, для самих плачущих копится в них сила, подобная магической силе заклятий.

XXXI

«О, супруг мой, дитя мое!» —

плачет богиня Иштар о Таммузе. Он – сын и супруг ее вместе, так же как Озирис – сын и супруг Изиды.

«О, мать моя! Жена моя!» —

говорит своей возлюбленной, Сольвейг, умирающий Пэр Гюнт (Ибсен).

Кто из любивших не чувствовал этого неземного предела земной любви – материнской нежности в ласках возлюбленной? Мать и Невеста – две на земле, а на небе – Одна: одна Звезда любви, восходящая утром и вечером.

XXXII

Все пронзительнее звуки плачущих флейт, все заунывнее:

О, дитя мое, как долго ты лежишь!
О, владыка бессильный, как долго ты лежишь!
Мой Даму бессильный, как долго ты лежишь!
Хлеба не буду вкушать,

Пить я не буду воды...
Умер владыка, умер Таммуз...
Псы блуждают в развалинах дома его,
На могильную тризну слетаются вороны...
Плач похоронный в буре звучит,
Звучит в непогоде свирель заунывная...
...Разрушение... Бушует потоп...

Этим кончается все. Семь дней плача над гробом Человека Таммуза, как семь дней бури потопной над гробом человечества, а на седьмой – тишина.

Взглянул я на небо – и вот тишина;
Весь же род человеческий в перст отошел...
Сел я, поник и заплакал,

повествует Ной-Атрахазис о конце потопа. «Все изошло из праха и все отыдет в прах» (Еккл. III, 20). Смерть человека – смерть человечества.

XXXIII

Но и воскресение человека – воскресение человечества.

Бог Эа, отец Таммуза, чтобы спасти гибнущий мир, вынуждает царицу ада, Эрешкигаль, освободить богиню Иштар. Об этом повествуется с тою же загадочною краткостью, с какою все вавилонские мифы касаются самого святого и тайного, связующего миф с мистерией. Ясно одно: на дне ада бьет родник Живой Воды. Эрешкигаль велит окропить этой водой богиню Иштар и вывести ее из ада.

Конец мифа утерян, кроме последних стихов:

«В дни Таммуза играйте на флейте лапис-лазуревой,
Играйте на звонком кольце корналиновом!
Играйте, плакальщики, плакальщицы, радостно,
Да восстанут из гробов своих мертвые,
Вдыхая жертвенный дым!»

О воскресении поют после плача и флейты Таммузовы.

Нисходит во ад богиня Иштар,
Чтобы сердце Таммуза обрадовать,
Озарить Овчарню Подземную,
Воскресить Пастуха, в бессилье лежащего...

И на другой шумерийской дощечке – та же воскресная песнь:

Велик, велик, Господь велик!..
Вновь отверзает он очи свои,
Вновь открывает уста свои,
Возвращает земле плодородие...
Небо высоко, Господь велик!

Вот, может быть, первая песнь человечества «клейким весенним листочкам», «росткам», paster, зеленеющим, после потопного половодья, когда вознесся от влажной земли благовонной пар, как дым от кадилницы:

Да восстанут из гробов своих мертвые,
Вдыхая жертвенный дым!

XXXIV

О конце Таммузовых таинств мы ничего не знаем, но отчасти можем судить о них по концу позднейших таинств Адонисовых.

Когда, после семидневного плача, наступает тишина, то снимают с плащаницы восковое изваяние мертвого тела, с кровавою раню, омывают его водою, умащают елеем, облачают в багряницу, полагают во гроб; может быть, уносят, погребают; возжигают светильники и вдруг, в тишине, в полночь, слышится издали, от места погребения, исступленно-радостный клик: «Таммуз воскрес!» – «Великую обитель сени смертной ниспроверг!» – как сказано в молитве Мардуку-Таммузу. Это и значит: «Смертью смерть поправ!».

Да восстанут из гробов своих мертвые!

«Сущим во гробах жизнь даровал».

XXXV

Что воскресило Таммуза? То же, что Озириса: любовь. Любовь есть бесконечное утверждение личности не только по сю, но и по ту сторону смерти. Именно такую любовь и возлюбила Озириса-Таммуза Изида-Иштар: «Никто не любил тебя больше, чем я!» Как живого, любит и мертвого, ибо «крепка любовь, как смерть». Любовь нисходит и в смерть. В смерти любовь – Живая Вода на дне ада.

XXXVI

Если Бог един и личен, то не может не воскресить того, кто личен и един; если Бог есть любовь, то не может не воскресить любящего. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» Любовью жало смерти притуплено, победа ада упразднена.

XXXVII

Sa ana arallê šûrulu pagaršu tutîra.

Ты возвращаешь тело, сошедшее в ад.

Не только душу, но и тело. Весь человек живет, и умирает или воскресает весь, с душой и с телом.

Я люблю тебя, тело мое,
Как овца любит ягненка своего,
Как росток любит семя свое.

Воскресшее тело родится из мертвого, как ягненок из чрева овцы, росток из семени. Не бессмертия души ищет Вавилон, а воскресения плоти: тайна воскресная для Вавилона, так же как для Египта, есть тайна животная, растительная, звездная – тайна всей космической плоти.

XXXVIII

Вечной жизни живых ищет Гильгамеш и не находит; воскресения мертвых ищет Таммуз и находит.

Человек умер – умерло человечество: таков смысл Гильгамешева мифа, а смысл мистерии Таммузовой: человек воскрес – воскресло человечество.

XXXIX

На все человечество прошлое до начала времен еще не пришедший Сын Человеческий откинул две исполинские тени: одна – Озирис, другая – Таммуз. Разве это не чудо? Но вот, чудо еще большее: по тому, как движется тень человека, мы узнаем, что человек делает; по двум теням еще не пришедшего Сына уже знает человечество от начала времен, что Он сделает.

XL

Тени телу своему подобны во всем, кроме одного, что мы сейчас даже назвать не умеем, ибо кто знает сейчас имя того, о чем сказано: «Крепка любовь, как смерть»? Смерть побеждает, воскрешает Таммуз-Озирис тогда, когда соединяется с Иштар-Изидою, Жених – с Невестой. Женихом назван и Сын Человеческий; но не сходит за Ним в ад, не воскрешает Его Невеста.

Почему же именно здесь, в поле, в тайне Двух, между тенями и Телом – прерыв?

XLI

Хорошо ли видит наш глаз? Ведь если тайна Одного, личность, связана с тайною Двух, полом, то в предельном утверждении личности, Воскресении, эта связь не может быть прервана.

Вглядимся же пристальнее: не следует ли и в этом, так же как во всем остальном, тень за Телом?

Посмотрим, как совершается в Таммузе тайна Двух.

Тайна двух в Таммузе

I

«Ложесна Твоя престол сотвори и чрево Твое пространнее небес содела», – поется в церкви песнь Пречистой Деве Матери.

Ложесна, женский стыд, для христианских девственников есть бездна ада, престол дьявола. И вот, этот престол разрушен, Бог сошел в ад. Так оно и есть, не может быть иначе, если Непорочное Зачатие – истина. Там, где наши грешные очи смежаются, открываются очи святых и видят: в ложеснах – Бог.

II

Бог в ложеснах – последняя точка пути бесконечно длинного, темного, тайного. Весь Египет, Вавилон, Ханаан, Хеттея, Эгея, Израиль – весь Отчий Завет идет по этому пути.

Когда привратник вводит богиню Иштар в седьмые врата ада, то снимает «с ложесен ее покров стыда», *subat palti ša zumriša*.

«Зачем, привратник, ты снял покров со стыда моего?»
«Войди, госпожа моя! Таков закон царства подземного».

Рождение-смерть есть закон пола; пол покрывается смертным страхом-стыдом, как ночь – днем, тот мир – этим. Вот почему снятие покровов – половое бесстыдство – есть смерть, а целомудрие – целость пола, целость личности – есть жизнь и, в последнем пределе, вечная жизнь – Воскресение.

III

На Вавилонскую башню, *Zikkurat*, семиярусную, семивратную, восходит «божья невеста», *enitu*, жрица богини Иштар, и, когда, в седьмых вратах, снимается с ложесен ее покров стыда, несметные толпы молящихся падают ниц в благоговейном ужасе:

«Ложесна Твоя престол сотвори и чрево Твое пространнее небес содела!»

IV

«Какая мерзость!» – вот наше первое чувство при этом совпадении древнего с новым. Безбожник Вольтер хохочет, а верующий в Бога Паскаль ужасается, но оба согласны в этом, и только в этом – в ощущении древней святости, как мерзости. Тут вообще между нами нет споров; во всем разделяемся, воюем, но тут наступает мир: ни эллина, ни варвара, но все – «новая тварь», новый мир – антипод древнего. Религиозно-половое чувство древних богопротивно для нас, так же как для них – наша религиозно-половая бесчувственность. Центроостремительная сила пола сделалась центробежной: чем когда-то все притягивалось, от того ныне отталкивается все. Неощутимо, невидимо перевернулся мир на оси своей, и это величайший из всех переворотов, из всех «революций» величайшая.

Кости наши извела половая проказа, духовный сифилис, но мы молчим, стыдимся говорить об этом; так молча, в стыде и погибнем. Никогда не поймем, что пол есть место святое или

проклятое, врата неба или ада, но глубина, а не плоскость. Всею своею тяжестью навалился на эти врата наш мир, наш ад, чтоб не открылись.

«Открой мне, привратник, открой мне ворота!
Ворот не откроешь – замки я ломаю.
Сорву я запоры, разрушу пороги,
И выведу мертвых!»

V

На одном ассирийском каменном конусе, посвященном богине Милитте (по-гречески Μίλितτα, по-вавилонски mullittu, Родительница, Мать), изображен поклоняющийся жертвеннику жрец, а над жертвенником узкий параллелограмм, геометрическая фигура *ктеиса* (χτέις), женского стыда, и рядом – утренне-вечерняя звезда Венеры. Явлением звезды знаменуется то, что изображаемое действие происходит на небе, в трансцендентной области.

В небе светлеющем, во исполнение пророчеств,
Я восхожу, восхожу в совершенстве.
Я – Иштар, богиня закатная,
Я – Иштар, богиня рассветная.

Может быть, и сама звезда есть огненный ктеис в темных недрах ночи, «Невесты с покрытым лицом».

VI

«Каждый вавилонянин имеет свою печать», – сообщает Геродот. Вот почему дошло до нас такое множество этих печатей-цилиндров, из ляпис-лазури, яшмы, агата, корналина, халкедона, гематита, горного хрусталя и других камней. У каждого человека – свой камень, обладающий своею магией, особою, личною. Большею частью имя владельца вырезано на нем рядом с именем того бога, которому человек посвящен, и со сложными знаками, выражающими связь человека с богом, тоже особую, личную; и тут же, между звездами, лунным серпом и солнечным диском, т. е. опять-таки в небесной, трансцендентной, области, реет параллелограмм ктеиса, женского стыда.

Так запечатлен каждою вавилонскою печатью пол в личности – тайна Одного в тайне Двух.

VII

Что это значит, и зачем это нужно? А вот что, и вот зачем.

«Если жена отвернется от мужа своего и скажет ему: ты больше не войдешь ко мне, то испытать должно сокровенное: нет ли в чем вины ее перед мужем; и, если она непорочна, а муж нарушил закон, пренебрег ею, то никакой вины да не будет на ней: приданое свое может она взять обратно и возвратиться в дом отца своего». Это закон царя Гаммураби, от начала второго тысячелетия.

«Я – царь Гаммураби, единственный... Я показал людям свет... Путиами мира вел их... И, дабы не угнетал сильный слабого, начертал я законы мои... Угнетенный да придет перед лицо мое, слова мои да услышит, и будет оправдан; да облегчится сердце его, и да скажет он:

„Воистину, царь Гаммураби – отец народа своего“, и да помолится об мне от всего сердца Мардуку, богу моему».

Через сорок веков могли бы помолиться за царя Гаммураби честная женщина, Анна Каренина, и проститутка, Соня Мармеладова. Он один не сказал о них: «Мне отмщение, и Аз воздам», но, «наклонившись низко, что-то чертил перстом на земле», – не эти ли слова: «должно испытать сокровенное?» – «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень».

Да, царь Гаммураби имел право сказать: «Я показал людям свет».

Свет небесный, огонь пламенеющий,
Это ты, о богиня, над землей восходящая!

Богиня Иштар – «Жена, облеченная в солнце», или «Божия Невеста», *Enitu*, на вершине вавилонской башни, зиккурата, с темным треугольником ложесен: «Ложесна Твоя престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела!»

VIII

Мы смотрим на этот треугольник или параллелограмм и ничего не понимаем. «Какая мерзость!» – хохочет Вольтер, ужасается Паскаль. Но ни хохот, ни ужас не помогают Анне Карениной и Соне Мармеладовой: одна кончает под поездом, другая – в кабаке, на Сенной. Не так ли кончит и вся наша «цивилизация»? «Я думаю: не можно ли эту цивилизацию послать к черту на рога, как несомненно от черта она и происходит?» (*Розанов*).

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!

Нам кажется, что это пожар только социальный. Нет, не только: за громовой бурей общественной – тихая буря пола; под сверкающим огнем социальным – темные лучи полового радия.

IX

«Жены да безмолвствуют», «жена мужу да повинуется», – учит апостол Павел. Ну, а если жена отвратится от мужа и скажет ему: «Ты больше не войдешь ко мне», как это предвидел царь Гаммураби, за две тысячи лет до апостола Павла, – тогда что? «Испытать должно сокровенное?» Нет, слова эти, начертанные перстом на песке, стерлись.

Все сокровенное в любви, всю божественную тайну Двух мы свели к «Елене Прекрасной», к женскому равноправию и полицейской регламентации публичных домов. Потухли небесные огни пола, и вспыхнули земные огни проституции. «Вавилонскую блудницу» напоминает наша христианская цивилизация так, как ни одна из языческих.

«Бог в ложеснах» – мерзость для нас; ушел Бог, пришел дьявол.

Существо нашей цивилизации – бесполое, потому что безбожное, и это не простится ей: «охладеет любовь», сойдет в ад, и проклята будет земля проклятием бесплодия.

Истожились хлебные житницы...
Люди людей пожирают от голода...
Мать дитя свое изготавила к трапезе

И вторая Атлантида погибнет так же, как первая.

X

Что значит вавилонское поклонение ктеису? Что значит целомудрие, целость пола – целость личности, как путь к воскресению? Почему нужна тихая буря пола, бо́льшая, чем все бури общественные, все революции, чтобы мы это поняли.

XI

«Всякая женщина, рожденная в той стране, должна, хоть раз в жизни, войти в храм Афродиты, чтобы отдаться чужеземцу... В ограде святилища устроены ходы, разделенные веревками; чужеземцы ходят по ним и выбирают себе женщин, которые понравятся им. Женщина, занявшая место в ограде, уже не может уйти, пока чужеземец не бросит ей денег на колени и не совокупится с нею вне ограды. Кидая деньги, он должен сказать: „Призываю богиню Милитту!“ И как бы ни был скуден дар, женщина не отказывает мужчине: это запрещено ей законом, ибо дар тот свят; следует же она за первым, кто бросит ей денег» (*Herodot. I, 199*).

Геродот повествует об этом, не осуждая и не оправдывая, но уже ничего не понимая, так же как мы не понимаем. Что это? «Священная проституция»? Соединение этих двух слов нелепо и кощунственно. Но, кроме слова «проституция», у нас нет другого.

Проституция есть половое самоубийство женщины. Проститутка продает тело свое и берет плату себе. Но эти вавилонские женщины и девушки, как бы ни был щедр или скуден дар, отдают его богине; и натянутая между ходами веревка уравнивает всех, бедных и богатых, знатных и простых. Здесь не может быть и похоти в грубом смысле, по крайней мере со стороны женщины: не она выбирает мужчину.

Раз в жизни посвящаются Милитте все вавилонские женщины и девушки, а иные – навсегда. Эти живут за оградой святилищ, в особых кельях, как затворницы, и называются «чистыми», *kadištu*, «святыми», *kedeša*, «невестами божьими», *enitu*. Строгие законы о них напоминают римские законы о весталках, или средневековые уставы женских обителей. Город Урук (Эрех) есть священный город кедешей, блудниц богини Иштар, и сама она – Кедеша, Блудница богов.

Есть и у царя Гаммураби закон о священной проституции, и тут же, рядом, – закон о свободе женщин в браке, о равенстве жены и мужа, непревзойденный в нашей христианской цивилизации.

Нет, мы тут, в самом деле, ничего не понимаем.

XII

Единственный смысл пола для нас – деторождение. Человек рождается, чтобы родить и умереть: смертная личность, бессмертный род – таков порядок естественный, данный, и мы принимаем его, как должный, иного не ищем.

Вавилон ищет: он уже смутно предчувствует, что в деторождение включается пол не без остатка; что есть что-то в половой любви ненужное для безличного рода, но для человеческой личности самое ценное; что созидание бессмертного рода на разрушении смертной личности, этот «закон природы» – для человека беззаконие; это естество пола – данное, но не должное; и человек восстает на него. Из этого-то восстания, пусть еще слепого, грешного, но уже вещающего, и родилось то, что мы называем «священной проституцией».

Всякий человек должен, хоть раз в жизни, вырваться из цепи рождений-смертей; всякий мужчина должен, хоть раз в жизни, соединиться с женщиной, и всякая женщина с мужчиной, не для того чтобы родить и, родив, умереть. Когда мужчина говорит женщине: «Призываю

богиню Милитту!» – то она становится для него Милиттой, и покров стыда падает с нее, как с самой богини Иштар на дне ада, или с «божьей невесты», enītu, на вершине вавилонской башни, зиккуррата. И нечаянный гость, чужеземец, входит к ней, как таинственный Вестник с белым цветком:

Он вошел, и не боюсь,
Не боюсь я Светлоликого.
Он, как брат мой... Поклонюсь
Брату, вестнику Великого.
Белый дал он мне цветок...

XIII

«И разрушил (царь Иосия) дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты... И высоты... их же устроил Соломон, царь Израилев, осквернил... и наполнил место их костями человеческими» (Четв. Царств. XXIII, 7 – 14).

Но не там ли, на этих высотах, воспел царь Соломон Суламифе, смуглой пастушке, «дикой серне гор бальзамических», чистейшую песнь чистейшей любви, *Песнь песней*?

На ложе моем ночью искала я того,
кого любит душа моя;
искала его и не нашла его.
Встану же я, пойду по городу,
по улицам и площадям...
Встретили меня стражи,
обходящие город...
«Не видали ли того, кого любит душа моя?»
Избили меня стражи, изранили,
сняли с меня покрывало...

(III, 1–3; V, 7)

«Покрывало стыда» сняли с нее, как с блудницы или с самой богини Иштар. Но в ту же ночь постучался к ней Чужеземец, таинственный Вестник с белым цветком.

«Отвори мне, сестра моя,
возлюбленная моя... чистая моя!...»
Я встала, чтобы отпереть...
и с рук моих капала мирра,
и с перстов моих мирра капала на ручки замка...

(V, 2–5)

Не этой ли миррою наполнила сосуд свой Грешница, чтобы разбить его у ног Господа и приготовить тело Его к погребению? И первая увидела тело Воскресшего.

«Крепка, как смерть, любовь», – это и значит: предельный смысл пола не вмещается в родовое бессмертие, личную смерть; предельный смысл любви – не рождение смертных, а воскресение мертвых.

XIV

Вот какую любовь назвали мы блудом; вот какие «высоты» мы осквернили, наполнили костями человеческими. И тщетно поет Церковь Песнь песней о Суламифе Невесте: мы уже не понимаем, что это значит. Вавилонские корни христианского цветка вырваны, и цветок увял.

Но и в самом Вавилоне, так же как в Египте, Ханаане, Хетте, Эгее, Израиле – во всем Отчем Завете – брезжит Завет Сыновний – христианство до Христа. И здесь уже борется с Эросом Антэрос, с полом – противополоп.

XV

«Варвары стыдятся наготы», – удивляются эллины (*Геродот*), люди Запада, религиозно угасающего пола, сравнительно с людьми Востока. Но вот Египтяне, тоже «варвары», наготы не стыдятся: прозрачный египетский лен – «тканый воздух» – почти не скрывает нагого тела, и это, конечно, не только потому, что здесь жарко, но и потому, что здесь еще не совсем исчез с человеческого тела след рая.

В Вавилоне лен заменяется шерстью, опять-таки не только потому, что здесь холоднее, но и потому, что след рая здесь уже совсем исчез. На шумерийских памятниках люди и боги изображаются в тяжелых длинных юбках из косматой или волнистой козьей шерсти, со множеством оборок, воланов, напоминающих наши старомодные женские платья: покров на покрове – стыд на стыде. Только жрец, *bagû*, приносящий жертву, обнажается. Здесь, может быть, еще уцелела древняя связь Вавилона с Египтом.

Но, вообще, чувство наготы, как чувство греха, родилось здесь же, в Вавилоне. Прикосновение к нагому телу, мужчины или женщины, не очистившихся после соития, оскверняет, как прикосновение к труп.

Так в Вавилоне, так и в Израиле. В обоих уже открывается наш «дурной глаз» на пол, как на трансцендентно-нечистое.

XVI

«И открылись глаза у обоих, и узнали они, что наги... И сказал (Бог Адаму): кто сказал тебе, что ты наг?» (Быт. III, 7 – 11). Сказал Сын. Пол – в Отце, противополоп – в Сыне. Или так, по крайней мере, людям кажется.

XVII

Противопол, сила полового отталкивания, действует в Таммузовой мистерии, так же, как в Гильгамешевом мифе; но в мистерии – религиозно-положительно, как иное «да», а в мифе – отрицательно, как единое «нет»; в мистерии вскрывается «противоположное-согласное» в поле и в личности, как путь к воскресению, а в мифе – противоречивое-несогласуемое, как путь к смерти.

XVIII

Гильгамеш, победив исполина Гумбабу, вступает в торжественном шествии в город Урук.

Омыл он одежды, оружие вычистил,
Распустил по плечам кудри прекрасные,

В светлые ризы облекся, препоясался,
Возложил на главу свою царский венец.
Взглянула Иштар на красу Гильгамешеву:
«Будь, Гильгамеш, будь супругом моим,
Подари мне цвет плоти твоей,
Будь мне мужем, я буду женою твоей!
Дам тебе колесницу из лапись-лазури и золота,
С золотыми колесами, с алмазными дугами,
Запряженную крепкими мулами.
Когда же вступим в чертог наш, в благовонии смол,
Все цари земли тебе поклонятся,
Облобызают стопы твои властители,
Принесут тебе дани гор и долин.
Козы твои – тройни, овцы двойни будут метать;
Весить будет осел твой, что весит лошак,
А лошаку в ярме не будет равного;
И кони твои колесницу, как вихрь, помчат!»
Гильгамеш открывает уста свои,
Так говорит богине Иштар:
«Оставь себе дары свои, владычица!
Будет с меня и одежды моей,
Будет с меня и пищи моей!
Вот, я вкушаю брашна богов,
Упиваюсь царскими винами...
Ты же подобна двери, под бурей незапертой,
Подобна ты крыше, готовой обрушиться,
Подобна слонихе, стряхнувшей седло свое,
Подобна ты ноше, согнувшей носильщика,
Подобна ты камню, стены не держащему,
Подобна ты злomu талисману вражьему,
Подобна ты узкой, жмущей обуви!
Кому из мужей своих осталась ты верною?
Вот, пересчитаю всех твоих любовников
И счету итог подведу:
Судила Таммузу, любовнику юности,
Ты из году в год плачи надгробные;
Полюбила Аллалу, крапчатого Ястреба,
И крылья ему изломала; ныне живет он в лесу,
«Крылья мои, крылья!» – стонет жалобно;
Полюбила ты Льва многосильного
И дважды семь западней ему вырыла;
Полюбила Коня быстрого
И загоняла его плеткою до смерти;
Полюбила Табулу, пастуха овечьего, —
Обернула его волком, и псы растерзали его;
Полюбила Ишулану садовника,
Обернула его мышью летучею.
Ныне меня полюбила – и так же погубишь, как тех!»

(VI, 1 – 77)

Оскорбленная богиня восходит на небо к Ану, отцу своему, и молит его отомстить Гильгамешу. Ану сначала отказывает, но когда она грозит сокрушить врата адовы и выпустить мертвых, то насылает на Гильгамеша Тура небесного. Огнедышащий Тур опустошает землю Урука. Но Гильгамеш и Энгиду, загнав чудовище в болотные камыши Ефрата, убивают его.

Взошла богиня Иштар на стену Урукову,
Вспрыгнула на зубец стены, воскликнула:
«Горе тебе, Гильгамеш, надо мною надругавшийся,
Умертвивший Тура моего небесного!»
Услыхал Энгиду слово Иштар,
Оторвал член у Тура небесного
И бросил богине в лицо:
«Так же будет и с тобой, проклятая!»

(VI, 174–181)

XIX

Вот предел кощунства; дальше идти некуда, дальше и мы не пошли.
Богиня Иштар – из всех вавилонских божеств величайшее.

Нет Бога истинного, кроме Тебя!

«Матерь богов», Ummi ilâni, была уже тогда, когда никого из них еще не было. Как дитя знает и любит мать раньше отца, так и все человечество: путь его – от Матери-Земли к Отцу Небесному, а может быть, и обратно, от Отца к Матери. Мать – первая святыня человечества и последняя. Вот почему хула на Мать, как хула на Духа, не прощается.

Не простилась и Гильгамешу. Вечной жизни ищет он – и находит вечную смерть. Казнь за кощунство – безбожие, а за безбожие – бессмыслица мира: «дно горшка с нечистыми объедками».

XX

Но и в кощунстве, так же как в святыне, пол связан с Богом: кто против пола, тот против Бога.

Связан пол с личностью на обоих полюсах: восстановление, исполнение личности есть воскресение; но личность без пола – тайна. Одного без тайны Двух – не может исполниться. Вот почему не находит Гильгамеш вечной жизни: «воскресительница мертвых», mubali-tat mîti – есть богиня Иштар, а ее-то он и отверг.

XXI

Богиня любви могла бы ответить ему, как Дух Земли отвечает Фаусту:

Du gleichst dem Geist, den du begreifst,
Nicht mir!
Ты равен духу, коего постиг, —

Не мне!

Мукам и злодеяниям пола подводит Гильгамеш верный итог, но требует уплаты по счету не там, где следует. Проклят пол, искажен, осквернен, но не Богом, а человеком. В человеческий ад нисходит богиня Иштар, и люди вопиют к ней из ада: что ты с нами сделала? А она отвечает им: что вы со мною сделали?

XXII

Divina Astarte... hominum deorumque vis, vita, salus;
Rursus eadem quae es perniciēs, mors, interitus!
Ты, богиня Астарта... людей и богов жизнь,
сила, спасение;
Ты же – и смерть, разрушение, гибель!

(*Plaut. Mercator, IV*)

Люди сами выбирают жизнь или смерть в поле. Выбрали смерть – и смертоносный пол опустошает землю, как «огнедышащий Тур».

XXIII

Суд тебе изреку я, блудница,
И он никогда не изменится.
Вот, проклиная тебя проклятием тяжким...
Будет домом твоим улица,
Тень стены – твоим убежищем,
Изнемогут ноги твои от усталости,
Пьяный и трезвый будет бить тебя по щекам...
За то, что ты скорбь на меня навела,
Выманила в город из полей моих.

(*Gilgam., VII, 125–142*)

Так проклиная зверебог Энгиду блудницу богини Иштар. «Суд тебе изреку я, блудница», – начинает Энгиду, а кончает св. Иоанн на Патмосе: «Суд твой пришел...» «Пал, пал Вавилон, великая блудница!» (Откр. XVIII, 10; 2).

То, что мы называем «цивилизацией», и есть «Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. XVII, 5), ибо, воистину, душа цивилизации – блуд: за растленным обществом, растленной личностью – растленный пол. И ведь уж, конечно, не только языческой, но и нашей христианской цивилизации предсказан этот страшный суд.

Пьяный и трезвый будет бить тебя по щекам, начинает Энгиду, а кончает св. Иоанн на Патмосе: «Возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне» (Откр. XVII, 16). В огне мирового пожара:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем!

«И восплачут и возрыдают о ней цари земные... когда увидят дым от пожара ее» (Откр. XVIII, 9).

За явным пожаром – тайный, тление полового радия; за всемирным бунтом – блуд всемирный.

XXIV

То, что мы называем «цивилизацией», движется в том, что мы называем «прогрессом», – в поступательной смене родов, рождений, в половой динамике. Вот почему «маленькая ошибка» в передвижении рельсовой стрелки, именно здесь, в точке пола, может погубить весь прогресс и всю цивилизацию. Эту маленькую ошибку мы и сделали, вынудив религиозную душу из пола.

XXV

Праведен ли суд Божий над «вавилонскою блудницею»? Праведен. Ибо наша «великая цивилизация» – великая Проститутка – воистину «растлила землю» (Откр. XIX, 2).

Весь вопрос в том, действительно ли та, которой поклонялась вся языческая, Отчая древность, под именем Изиды-Иштар-Астарты-Анагиты-Кибелы-Деметры, есть блудница.

Du gleichst dem geist den du begreifst,
Nicht mir!

Плоть Господа – от семени Авраамова. Но уже Авраам у вавилонян, в Уре Халдейском, мог слышать эту молитву к богине Иштар, как бы христианский акафист Пречистой Девы Матери:

Царица всемогущая, милосердная заступница,
Нет иного прибежища, кроме тебя!

В веках и народах произошло – страшно сказать – смешение Пречистой Девы Матери с «вавилонскою блудницею», святого пола с проклятым, и от этого смешения гибнет мир.

XXVI

Нехотя говорю я об этих страшных тайнах, не потому, что боюсь кошунства и соблазна. В религии мы уже давно не соблазняемся и не кошунствуем: как соблазняться несущим, и зачем бросать камни в пустое небо? Говорю об этом нехотя, потому что это сейчас никому не понятно и не нужно.

Вообще люди не глупы: легко понимают трудного Маркса и еще более трудного Эйнштейна. Только в религии глупеют вдруг неестественною глупостью, не понимают самого простого, потому что им этого не нужно понимать, или нужно это не понимать. То, о чем я сейчас говорю, самое для них ненужное, и потому самое непонятное.

XXVII

Третье лицо Пресвятой Троицы – Лицо Женское.
По-гречески

Πνεῦμα

, Дыхание, среднего рода, по-латински *Spiritus*, Дух – мужского рода, по-еврейски *Ruach*, то мужского, то женского, по-арамейски *Ruacha* – всегда женского. Иисус Назарянин говорил на языке арамейском: Его язык прикасался к этой тайне – к существу Женскому в Боге.

Там, где есть только мужское, еще нет пола; пол начинается там, где есть мужское и женское. В Бога включается пол только с Существом Женским. Мы этого не делаем, потому что пол для нас проклят, и половая символика кощунственна, т. е. была бы кощунственна, если бы мы еще могли кощунствовать. Но сказать: Отец родил Сына, не значит ли уже начать половую символику?

XXVIII

Мы не умеем ни говорить, ни даже думать о Боге. Вся наша теология есть «мифология». Но ведь и весь наш язык насквозь мифологичен, баснословен, условен, как условна вся наша земная Евклидова геометрия. Мы говорим: Бог есть; но, может быть, человеческая категория бытия столь же несоизмерима с Богом, как и человеческая категория пола.

Человек или совсем не думает о Боге, отпадает от него, как отпали мы, или принимает к нему всем существом своим и чистейшею, огненнейшею точкою существа своего – Полом.

XXIX

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. I, 1–2).

«Носился», «опускался», как птица с распростертыми крыльями опускается, чтобы высидеть яйцо. «Дух Божий», *Ruach*, Душа («душа» не то слово, но другого нет), Душа Божия «высиживала» мир из хаоса, как птица высиживает яйцо.

XXX

И на Озирисову мумию опускается богиня Изида, ястребиха с распростертыми крыльями: высиживает воскресшее тело его из мертвого, как птица – яйцо.

«Сколько раз хотел я собрать детей твоих (Иерусалим), как птица собирает птенцов своих под крылья, – и вы не захотели», – говорит и Сын, как Мать (Матф. XXIII, 37).

XXXI

Голубь есть птица Девы Марии – вавилонской Иштар, ханаанской Астарты, сиро-финикийской Ашеры, тиро-сидонской Танит и той для нас безыменной богини прээллинской (Крито-Эгейской), которая потом названа Афродитой-Уранией.

«Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Матф. XVI, 3).

Не он, а Она – *Ruach* – ниспускалась, носилась над водами Иордана, так же, как в начале Бытия – над водами бездны.

XXXII

«Деяния Фомы, Acta Thomae, сообщают евхаристическую молитву первых христиан: „Сниди, Голубица Святая... сниди, Матерь Сокровенная... даруй нам приобщиться Тебе в тайнах сих, совершаемых во имя Твое“ (Act. Thom. – *Bousset*. Hauptprobleme der Gnosis, 66).

Так Евхаристия древнейшая совершается во имя Духа-Матери. И крещение тоже (*ibid.*, XXVII. *W. Bousset*, *op. cit.*, 66).

«

Ἡ μήτηρ μου τὸ ἅγιον πνεῦμα

Мать Моя, Дух Святой», – говорит Иисус в Евангелии от Евреев (*Hieronim.* In Mich., VII, 16. – *Origen.* In Iohan., 11, 6).

«Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя» (Лук. I, 34–35).

Всевышний есть Отец; Дух Святой, Ruach – Мать. В пречистом теле Марии Отец соединяется с Матерью.

XXXIII

Бог есть Мать: к тайне этой, в христианстве еще не раскрывшейся, уже прикасаются идола каменного века, глиняные фигурки Матери с Младенцем, находимые всюду, от Двуречья до Атлантики, по всем путям христианства будущим.

Может ли это быть? Может. Как тень Сына, еще не пришедшего, уже легла назад, на все человечество, до начала времен, – так и тень Матери.

Озирис-Таммуз – тень Сына предсказывает не только то, что Он уже сделал для нас, но и то, что Он еще сделает.

XXXIV

«Ištar Mami» – «Мама», – пролепетал Вавилон первым детским лепетом, и это ему зачтется в веках и в вечности.

Отец, Сын и Мать

I

«Ты – жених крови у меня... жених крови по обрезанию», – говорит сыну своему Сепфора, жена Моисея (Исх. IV, 26). «Творец твой есть супруг твой... Как жену, призывает тебя Господь», – говорит пророк Израилю (Ис. LIV, 1–6).

Израиль есть Жених и Невеста, обрученные Богу, Он и Она, – Мужеженщина. Это не образ и подобие, а действительность, не дух, а плоть и кровь, не миф, а мистерия – таинство брачное, брачный союз Бога с человеком. На этом зиждется весь Израиль, весь Отчий Завет. И эти глубочайшие корни Израиля уходят в Вавилон.

II

Богиня Иштар, Звезда любви, утренне-вечерняя, есть «на закате Жена, на рассвете Муж», сказано в одной вавилонской клинописи (*Dussaud. Notes de Mithologie Syrienne*, 9). Божие лицо, обращенное к свету дня, к этому миру, есть лицо мужское, а ко мраку ночи, к тому миру – женское. Бог – Он и Она вместе, Мужеженщина.

Вот почему во всех вавилонских молитвах обращение к Богу – двойное, к Нему и к Ней, к Отцу и к Матери:

Матери нет у меня – ты моя Мать!
Нет отца у меня – ты мой Отец!

Бог вавилонян есть «Матереотец», Μητροπάτηρ гностиков и орфиков.

III

В Сузах, древней столице Элама, найдено изваяние богини Nana (Иштар) с бородою.

Подобно Ассиру, она – бородатая,

говорится в гимне Иштар Ниневийской.

Когда в Египте к подбородку женских мумий приставляется священная бородка Озири-сова, то это и значит: на закате, в рождении-смерти, – жена; на рассвете, в воскресении, – муж; или, точнее, муж и жена вместе, Адамо-Ева, «по образу и подобию Божиему» (Бытие-Талмуд). Два пола, эмпирически разделенные, трансцендентно слиты.

IV

И бог Таммуз, так же, как богиня Иштар, есть Он и Она, Мужеженщина.

В шумерийской надписи царя Гудэа, Истинный Сын Бездны, Dumu-zì-absu, именуется не «Владыкою», En, а «Владычицей», Nín: не Он, а Она, или Он и Она вместе.

Иштар есть Жена, становящаяся мужем, или Дева, становящаяся Отроком, а Таммуз – Отрок, становящийся Девою. В брачном союзе их происходит соединение не двух, а четырех существ, или двух Андрогинов – Отрока-Девы и Девы-Отрока.

Так и в Египте Изида, Usrit, есть женское лицо Озириса, Usiri, а Озирис есть мужское лицо Изиды. Озирис-Озириса – Андрогин божественный.

V

«Есть на острове Кипре изваяние Венеры Бородатой (Venus Barbata), в виде мужа в женском одеянии, ибо одна и та же богиня почитается и Мужем, и Женою. Quod eadem et mas estimatur et femina» (*Macrobius*. Saturn, III, 8).

Там же, на о. Кипре, в «священных городах» Амафонте и Пафосе изображается Адонис-Таммуз, и Афродита-Иштар в конусообразном камне-аэролите с двойным отпечатком фалла-ктеиса. А на Тенедосских монетах соединены на одной шее две головы, Зевса-Отца и Геры-Матери (*Lajard*. Le culte de Venus, 101). И, наконец, в Риме, древнейший латинский бог, Jupiter Terminalis (Пограничный), есть Андрогин, Муж с сосцами женскими, Progenitor genetrixque deum, «Отец и Мать богов» (*Lajard*. op. cit., 103).

Так от Египта до Греции, от Вавилона до Рима, опять-таки по всем будущим путям христианства, века и народы приходят к одной и той же теореме половой геометрии или метагеометрии – к божественной Двуполости.

VI

Тут мы уже ничего не понимаем, глупеем окончательно. Еще бы! Ведь это не Маркс и не Эйнштейн; это – детски-простое, но самое ненужное для нас, и потому самое непонятное.

О двуполости мы знаем только по Краффт-Эбингу: гермафродит – двуполое чудовище. Как могли эллины, люди совершенного изящества, поклониться такому уродству? Как могли римляне, люди совершенного разума, поклониться такой нелепости? Кажется, все века и народы сошли с ума – все, кроме нас.

VII

Существует биологический закон: нет однополых особей, все промежуточны. Всякая особь данного пола таит в себе зародыш пола противоположного, мужская – женского, женская – мужского; во всякой особи есть то, что сближает края полового расщепления, замыкая особь в ее самодовлеющей целостности – будущей личности. Биологический предел однополости – совершенная безличность: *только* самец, *только* самка – так же неосуществим, как предел двуполости – совершенная личность.

Или проще: всякий мужчина – чуть-чуть женщина, всякая женщина – чуть-чуть мужчина, и только потому – не самец и не самка, не зверь, а человек (*Вейнингер*. Пол и характер, рус. перев., 330, et passim).

Это неустойчивое равновесие мужского и женского в биологической особи и есть путь к человеческой личности. «Личность есть равенство полов» (*Розанов*). Личное, духовное есть двуполое.

VIII

В нашей изначальной религиозной бездарности, безличности-однополости – мы этого никогда не поймем; не поймем, почему в самых гениальных, духовных, личных лицах человеческих – Александра Великого, Наполеона, Леонардо да Винчи, юного Гете, Байрона – сквозь мужское просвечивает женское, или даже девичье, и в этом их главная прелесть, ибо нет на земле большей прелести. Но не для нас: нас уже не привлекает даже неземная прелесть Того,

Кто сказал: «Когда два будут одно, и мужское будет женским, и не будет ни мужского, ни женского, придет царствие Божие».

IX

Два ассиро-вавилонских ангела, стоя друг против друга, по обеим сторонам Древа Жизни, прикасаются к нему чешуйчатым, наподобие кедровой шишки, конусом. Это священное изображение повторяется бесчисленно на стенных изваяниях, резных камнях, глиняных призмах, цилиндрах, глазированных кирпичках, вышивках тканей. Что означает оно?

Финиковая пальма, кормилица Сенаара, – растение двуполое. Одна мужская пальма приходится на сотни женских. Естественное оплодотворение цветочною пылью, разносимою ветром и насекомыми, редко и недостаточно. Чтобы получить съедобный плод, люди оплодотворяют дерево искусственно, влезая на него и опыляют женский цветок пылью мужского. Уже Геродот (1, 193), Теофраст (Hist. plant., II), – и Плиний Натуралист (Hist. natur., XIII, 7) – знали об этом. Можно видеть, и в наши дни, людей, занятых этой работою, в Месопотамии, во время цветения финиковых пальм.

Тою же работою заняты и Божии работники, ангелы, на ассиро-вавилонских священных изображениях. Конус, которым прикасаются они к Древу Жизни, есть мужской цвет пальмы. Что для египтян крест с рукоятью, ankh, для христиан – четырехконечный крест, то для вавилонян этот оплодотворяющий конус-фалл. Тут же рядом с ним, над Древом Жизни, реет параллелограмм ктеиса, как всегда, между солнечным диском, лунным серпом и звездами, в знак того, что изображаемая тайна совершается на небе: небесная тайна пола есть вечная жизнь, Воскресение.

X

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел...
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез...

Так ассиро-вавилонские ангелы несут с неба на землю звездную пыль человеческих душ, цветочную пыль с Древа Жизни – Божий сев.

«Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле, и возрастил сад Свой и возшло все, что могло взойти; но взрощенное живет лишь чувством соприкосновения своего с таинственным миром иным» (Достоевский).

XI

«Ты находился в Эдеме, саду Божиим... Ты был Херувимом помазанным... ходил среди огнистых камней» (Иез. XXVIII, 13–14), сказано в пророчестве Тиру, а может быть, и всему Ханаану, Вавилону, Хеттее, Эгее, Египту, Израилю – всей Отчей древности, ибо вся она поклоняется этим «огнистым камням», бэтилам.

Βαίτιλος, по-европейски bethil, значит «дом Божий» (Быт. XXIII, 17). В этих упавших с неба, небесным огнем опаленных, черных камнях-аэролитах обитают звездные боги. В городе Уруке (Эрехе), посвященном богине Иштар, семь бэтилов – семь богов звездных. И в Уре Халдейском, Авраам Вавилонянин мог поклоняться таким богам. Внук Авраама, Иаков-Израиль взял камень, положил себе в изголовие, уснул и увидел во сне лестницу, восходящую в небо:

«И вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (как «невесты Божии», ennitū – по семи уступам вавилонской башни, зиккурата). «Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно, Господь присутствует на месте сем, а я и не знал!.. Как страшно место сие! это не что иное, как дом Божий (Beth-il), это врата небесные!» (Быт. XXVIII, 12–17). Врата небесные, Врата Божии, Bab-ilu – Вавилон. И воздвиг Иаков на том месте священный камень, Бэтил.

XII

Вот что мы называем «фетишизмом», диким словом новых дикарей – ученых.

Фетишизм – начало всех религий. Первые богопоклонники суть камнепоклонники. Во всяком феномене может раскрыться нумен – «врата небесные»; во всяком месте «присутствует Бог, а мы и не знаем». Таков смысл фетишизма – не ложной, а истинной религии.

«Говорит Иисус: Подыми камень, и ты найдешь Меня; разруби дерево, и Я там» (А. Resch. Agrapha, 69). Это неслышанное нами слово Господа как будто слышало древнее человечество. И в христианском таинстве не пресуществляется ли хлеб и вино в Тело и Кровь, материя – в Богоматерию?

Но какое нужно пылание религиозного чувства, чтобы раскалить, преосуществить камень в Бога – этого мы и представить себе не можем. Бэтилизм, поклонение камням, есть начало всех религий, а потом каменная толща их выветривается, густота разжижается в эстетику, этику, метафизику – и наступает конец религий: тогда безбожное человечество поклоняется себе самому, как «Великому Фетишу», и дичает той новою дикостью, которую мы называем «прогрессом», «цивилизацией», вплоть до антропофагии. Это и наш конец.

XIII

Можно сказать, что весь Отчий Завет есть не что иное, как Бэтил, упавший с неба, небесным огнем проплавленный камень. Ныне он уже тускл, но когда-то был прозрачен, как черный алмаз.

XIV

Бэтилом, каменным столпом или конусом, знаменуется Фалл (так в Пессинунте, Амафонте, Пафосе, Библосе и других «священных городах», иераполях); а на широкой подошве Бэтила, в естественных бороздах и морщинах камня, верующие находят или стараются найти «печать Афродиты Урании», Небесной Девы Матери, подобие Ктеиса.

Такая печать – на «черном камне» Каабы, в Мекке, древнем бэтиле. Магомет, уничтожая всех идолов, не дерзнул уничтожить его – и доныне зиждется на нем Ислам. Может быть, и двойная скрижаль Моисея есть не что иное, как двойной Бэтил, священный камень Элогимов – Двух Богов в Одном – Мужеженщины.

И все эти двойные звезды, прозрачно-черные алмазы, как вехи, указывают путь к Звезде Вифлеемской.

XV

Души, по Гераклиту, «рождаются-падают». Падает с неба, как звезды – семена сева Божьего. Пролет человеческих душ через мир – пролет падающих звезд.

«Мы знаем мартовский и сентябрьский пролет аэролитов через земную атмосферу... Собственно, всякое обоюдное слияние есть пролет целых созвездий человеческих душ, есть в точности Млечный, небесный путь» (Розанов).

Было слово Господа к Аврааму в видении, ночью: «Посмотри на небо и сосчитай звезды... Столько будет у тебя потомков» (Быт. XV, 5). И напал на Авраама «ужас и мрак великий» (XV, 12), когда увидел он истекающий из чресл его, клубящийся звездною пылью человеческих душ, Млечный Путь к единому Солнцу – к Тому, Кто сказал: «Прежде нежели Авраам был, Я есмь».

XVI

Авраам вышел из Вавилона, из Египта вышел Моисей: весь Израиль – между этими двумя исходами. И Ханаан, Земля обетованная – между Вавилоном и Египтом.

Израильский ковчег Завета есть не что иное, как «ладья» богов египетских, а херувимы над ним – не что иное, как kherubu вавилонские.

Иаков-Израиль воздвиг Бэтил. А когда умер Израиль, то «повелел Иосиф слугам своим, врачам, бальзамировать отца его, и врачи набальзамировали Израиля» (Быт. L, 2).

Весь Израиль есть египетская Мумия и вавилонский Бэтил.

XVII

Вавилон и Египет – две грозные тучи, а между ними, Израиль-молния.

«В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой, Египтяне, и дело рук Моих, Ассирияне, и наследие Мое, Израиль» (Ис. XIX, 24).

Израиль – между двумя третий, ибо в нем совершается тайна Трех.

XVIII

Но только ли соединение Египта и Вавилона – Израиль, и ничего больше? Нет, еще что-то.

Египет говорит: *был* Озирис; Вавилон говорит: Таммуз *был*; Мессия *будет*, говорит Израиль. «И будет в тот день: воззрят на Того, Кого пронзили» (Зах. XII, 9 – 10).

Вместо «был», «будет», – вот из вечности в века упавшая молния Израиля.

XIX

До пришествия Сына Человеческого никто не подходил к Нему так близко, не видел лица Его так ясно, как тот безымянный и величайший из пророков, которого мы называем «Второ-Исаия»: «Предал душу Свою на смерть и к злодеям причтен... Понес на Себе грех многих и за преступников сделался Ходатаем» (Ис. LIII, 5 – 12).

Воистину, тот, кто это сказал, уже видел Господа Распятого.

XX

Озирис – тень, Таммуз – тень, а Сын Человеческий – тело, и тело это в Израиле. Египет и Вавилон знали о Сыне; родил Сына Израиль. Он раскрыл тайну о Сыне во всемирно-историческом действии; собрал все лучи Сына в один зажигающий фокус – в одну точку пространства и времени – в Рождество Христово.

XXI

«Род же Его кто изъяснит?» (Ис. LIII, 8). – «Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова», – изъясняют первые строки первого Евангелия. Вот к какому Солнцу клубится Млечный Путь Авраамова семени.

XXII

Египетская пирамида из камня, вавилонская башня из кирпича, – две первые лестницы, восходящие в небо, знаменуют третью, последнюю – из человеческой плоти и крови – родословие Господа. И эти три лестницы строятся по одному закону чисел.

Число пирамиды – семь: четыре треугольника; три и четыре – семь.

Число вавилонской башни – четырнадцать: по семи уступам восходит «божья невеста», enītu, и нисходит по семи; дважды семь – четырнадцать.

А число родословия Христова – трижды четырнадцать: «всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов» (Матф. 1, 17).

Эта игра божественных чисел, как игра солнца в алмазе. В Египте и в Вавилоне – только лучи, а Солнце – в Израиле.

XXIII

И доныне еще не исполнилась тайна Израиля, доныне пути его в веках и народах не кончены.

Вечно скорбящий, стenaющий, как бы неведомой силой гонимый, все идет и идет он, остановиться не может, как Гильгамеш, искатель вечной жизни.

Дара жизни ищу я,
Для него прохожу через степи,
Через моря, через реки,
Через горные дебри.
Беды, муки меня изнурили,
Исказили мой образ прекрасный...

Вечный Израиль – Вечный Жид – непрестанное чудо веков и народов. Кто этого чуда не видит, тот вообще не видит Божиих чудес.

XXIV

Может ли быть религиозный человек антисемитом? Нет, скорее – антиарийцем. Семиты создают религии, арийцы разрушают. Религиозная бездарность их такова, что и в атеизме не сумели они обойтись без помощи семитов; атеизм арийцев, личный и созерцательный, превратили семиты в общественное действие – в атеистический социализм. Так и доныне Иафет – духовный раб Сима.

XXV

Слово «жид» есть кощунство над плотью Господа, ибо плоть Его от Израиля. Слово «жид» есть проклятие благословенного Господом: «Благословляю тебя (Авраам)... и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. XII, 2–3).

XXVI

Вот смешной жид Янкель у Гоголя, у Шекспира страшный жид Шейлок. В этих двух лицах – смешное и страшное вместе, как бы нездешнее, вечное. Проходят века, а он остается. Граниты египетские, кирпичи вавилонские, эллинские мраморы, римское железо – все рассыпалось, как пыль, исчезло, как сон, а он остался. И все мы пройдем, а он останется. Небо и земля пройдут, а род сей останется, доколе все не исполнится.

XXVII

Злака жизни искал Израиль, как Гильгамеш, – нашел и потерял. Ждал Мессии, Мессия пришел, а Израиль Его не узнал. Вот тайна Израиля – тайна Божия.

Бог на Синае сказал Моисею: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что не может человек увидеть лицо Мое и остаться в живых... Покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И, когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо тебе» (Исх. XXXIII, 20–23).

И доныне Израиль Божьей рукою покрыт: лица Божьего Сына – не видит.

XXVIII

«Лица Моего не можно тебе увидеть», – говорит Отец; «Видящий Меня, видел Отца Моего», – говорит Сын. Сын говорит не то, что Отец. Или это только нам кажется так? Но ведь и весь мир есть только мир явлений, то, что нам является, кажется.

Сын и Отец – одно в Боге, а в мире – два. Два Завета, Отчий и Сыновний, друг другу противоречат, противоборствуют. В этом-то узле противоречий и сплетены судьбы Израиля с судьбами христианства и всего человечества. Узел не людьми завязан и не людьми развяжется.

XXIX

Сына не увидел Израиль, а мы «увидели и возненавидели Его»; Сына Израиль не принял, а мы, приняв, отвергли; Сына распял Израиль однажды, а мы распинаем всегда.

«Се, оставляется вам дом ваш пуст», – это сказано не только Израилю, но и нам всем.

Два Завета, друг другу противоборствуя, уничтожают друг друга, и вот, на месте их – пустота: мерзость запустения, царство Антихриста.

XXX

Так начинается «скорбь, какой не было от начала мира», наша скорбь – «Апокалипсис наших дней». И не только современным, настоящим, но и будущим, апокалипсическим становится Египет, Вавилон, Ханаан, Израиль – Вечный Израиль – Вечный Жид.

XXXI

Говоря о тайне Двух в Озирисе-Изиде, в Таммузе-Иштаре, в Адонисе-Астарте, в Аттисе-Кибеле, в Митре-Анагите, в Дионисе-Деметре – во всех умирающих и воскресающих богах, Мужеженщинах – как было не сказать о той же тайне в вечном, современном, настоящем, будущем, апокалипсическом Израиле?

Израиль – Жених и Невеста, Он и Она, Мужеженщина, так же как Дух, Ruach, первое явление Божьего лица в Бытии; так же как Элогим, сотворивший человека, по образу своему – мужчину и женщину – двух в одном.

Это в Отце, это и в Сыне.

«Был же Иисус спрошен: когда придет царствие Твое? сказал: когда два будут одно,

τὰ δύο ἓν

, и мужское будет женским, и не будет ни мужского, ни женского» (*Clemens Alex.*, III, Stromata, XIII, 92).

Древние иудеохристиане, наасеяне (офиты) верно поняли это слово Господне: «Горняя Сущность Эонов пребывает там, где нет ни женского, ни мужского, а есть новая тварь, новый человек – Мужеженщина,

ἀροενόθηλος

«(*Hippolit. Philosophum.*, V, 7).

Так в одной и той же трансцендентной точке пола два Завета противоборствуют друг другу и согласуются: «противоположное – согласное»,

τὸ ἀντίξουν συμφέρον

(*Heraclit. Fragm.*, 8).

XXXII

Нельзя говорить об этих тайнах без ужаса. «Ужас и мрак великий» напал на Авраама, когда Бог заключал с ним Завет пола – обрезания (Быт. XV, 12). Но если пол естественный окружен мраком и ужасом, то «двуестественный», διφυής (орфики), тем более.

«Как страшно место сие!» – сказал Иаков-Израиль, поклоняясь двойному Бэтилу, звездному Фаллу-Ктеису. И всего страшнее то, что тут смешное и страшное вместе. «Пал Авраам на лицо свое и рассмеялся», тут же, пред лицом Божиим, в великом мраке и ужасе (Быт. XVII, 12).

XXXIII

Я себя не обманываю, я знаю, что не страшными и даже не смешными кажутся слова мои, а только пустыми в «пустом доме», где их и слышать некому.

«Господи, пусто и страшно в мире Твоем!» (Гоголь). Такая пустота, такая скорбь в мире, какой не было от начала мира.

Говорю бедным языком человеческим, но молюсь, а не кощунствую: Отец не утешил, не утешает Сын – утешит Мать – Дух. «Как утешает кого-либо мать, так утешу Я вас» (Ис. LXVI, 13). Вот почему Дух назван «Утешителем». Не Он, а Она утешит: это самое детское слово Того, Кто спас мир детством.

XXXIV

Мир гибнет, оттого что забыл Мать.

Мужское возобладало над женским. Война есть дело мужское, – и вот, война бесконечная: «Все будут убивать друг друга». И погибнет мир в огне войны, если не потушат огня слезы Матери.

XXXV

Какая разница между Отцом и Матерью? Этого не знают мудрецы – знают дети: Отец накажет, Мать простит.

XXXVI

Все язычество – христианство до Христа – есть неутолимая тоска о Сыне; все христианство после Христа есть неутолимая тоска о Матери.

Наступила ночь Отца – взошло солнце Сына; наступает ночь Сына – взойдет солнце Матери.

XXXVII

Три Завета, три любви захватывают мир, одна за другой, одна глубже другой: глубока любовь Отца, а любовь Сына глубже; глубока любовь Сына, а еще глубже любовь Матери.

Отец не спас, Сын не спасает – спасет Мать.

XXXVIII

Отец против Сына, и Сын против Отца, доколе не пришел Дух. В Духе Сын и Отец – одно: «Два будут одно».

Два Завета, Первый и Второй, противоборствуют в себе, но в Третьем – согласуются. Первый Завет – Отца, Второй – Сына, Третий – Духа – Матери.

Так совершается Тайна Трех.